

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2024

Том 24

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Отношение носителей русского языка к его нормам: динамический аспект 124

Исаченко О. М. Избыточность лично-возвратного местоимения *себя*: к вопросу о небанальном грамматическом плеоназме 131

Ватина А. Е. Бисубстантивные предложения в научном дискурсе: виды оценок в научных статьях 139

Буженинов А. Э. Категориальное моделирование подъязыка гомеопатии 147

Колядин А. В. Лингвокультурные лексические таймеры и хронемы в информативном коде публицистического дискурса (на материале журналов «National Geographic» и «Вокруг света») 153

Гламазда С. Н. Специфика функционирования проксемной информативной текстовой структуры в романе Г. Джеймса «Женский портрет» 162

Ткачева В. Н. Чужая речь в современной русской прозе (сборник А. Слаповского «Туманные аллеи») 169

Литературоведение

Чекалов К. А. Марсианские хроники «прекрасной эпохи» 174

Пономарева А. А. «Как ни жить, но жить вместе...»: материнско-сыновний сюжет в социально-политических рассказах Н. Д. Хвощинской 183

Кашлявик К. Ю., Лобков А. Е. Восприятие Блеза Паскаля и его наследия советской официальной культурой 1920–1930-х гг. 190

Кабанова И. В. Христианская истина и политика в романе Ивлиной Во «Елена» 197

Кулагин А. В. Александр Кушнер: два «Посещения» 204

Журналистика

Аббуд М. Инаковость индивидуального бытия человека в условиях фейковой реальности 212

Зубаркина Е. С. Этические аспекты подготовки журналистских материалов о детях и для детской аудитории: гуманистический подход 220

Проблемы высшей школы

Чжан Юй. Особенности взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией 228

Приложение

Хроника научной жизни

Дмитриева О. И. IX Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» 234

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.05.2024.

Подписано в свет 31.05.2024.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,72 (14,75).

Тираж 100 экз. Заказ 59-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям *Лингвистика*, *Литературоведение*, *Журналистика* (специальности 5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.6, 5.9.8, 5.9.9), а также материалы в разделы *Проблемы высшей школы*, *Критика и библиография*, *Хроника научной жизни*.

К рассмотрению не принимаются материалы, представленные в другие журналы или ранее опубликованные.

Объем публикации – 25000–40000 знаков с пробелами (для разделов Критика и библиография, Хроника научной жизни – 15000–20000), список литературы – 15–25 наименований. Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15), сведения об авторе (место работы, ученая степень, должность, e-mail, ORCID) на русском и английском языках. Текст необходимо тщательно отредактировать и оформить в соответствии с требованиями журнала: формат MS Word для Windows, через один интервал, с полями (левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см), шрифт Times New Roman, кегль 14 для основного текста, 12 – для вспомогательного. Для цитирования используются внутритекстовые ссылки, список литературы составляется в порядке упоминания источников в тексте.

Статьи проходят проверку на оригинальность в системе Антиплагиат.ВУЗ и на соответствие техническим требованиям (см. *Правила для авторов*), затем они подлежат обязательному рецензированию (см. *Порядок рецензирования*) и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию.

Подача заявки на публикацию осуществляется через сайт журнала: <https://bonjour.sgu.ru>

После принятия редколлегией решения о публикации статьи автор обязан загрузить на сайт PDF-файлы подписанного Лицензионного договора, Экспертного заключения о возможности открытого опубликования статьи, Согласия на обработку персональных данных, а также прислать их оригиналы по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, редакция журнала.

Опубликованный номер размещается на сайте журнала, в российских и международных базах данных. Рассылка авторских экземпляров не предусмотрена.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Degaltseva A. V., Sirotinina O. B.** The attitude of native speakers of the Russian language to its norms: The dynamic aspect 124
- Isachenko O. M.** The redundancy of the personal reflexive pronoun *self*: To the question of non-banal grammatical pleonasm 131
- Vatina A. Y.** Bisubstantive sentences in scientific discourse: Types of evaluation in scientific articles 139
- Buzheninov A. E.** Categorical modeling of the sublanguage of homeopathy 147
- Koliadin A. V.** Linguocultural lexical timers and chronemes in the informative code of journalistic discourse (on the material of the magazines *National Geographic* and *Vokrug Sveta* (Around the World)) 153
- Glamazda S. N.** Specific features of proxemic informative text structure in *The Portrait of a Lady* by H. James 162
- Tkacheva V. N.** Other people's speech in contemporary Russian prose (A. Slapovsky's collection *Foggy Alleys*) 169

Literary Criticism

- Chekalov K. A.** Martian chronicles of the "Belle Époque" 174
- Ponomareva A. A.** "No matter how to live, but to live together...": The mother-son plot in N. D. Khvoshchinskaya's socio-political stories 183
- Kashlyavik K. U., Lobkov A. E.** The perception of Blaise Pascal and his legacy by the official Soviet culture of the 1920–1930s 190
- Kabanova I. V.** Christian truth and political power in Evelyn Waugh's *Helena* 197
- Kulagin A. V.** Alexander Kushner: Two "Visits" 204

Journalism

- Abbud M.** Otherness of individual existence in the context of fake reality 212
- Zubarkina E. S.** Ethical aspects of preparing journalistic materials about children and for children's audiences: A humanistic approach 220

Higher School Problems

- Zhang Yu.** Features of the teacher's interaction with Russian and Chinese student audiences 228

Appendix

Chronicle of Scholarly Activities

- Dmitrieva O. I.** IX International Scientific Seminar "The Development of the Word-Formation and Lexical System of the Russian Language" 234

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Бакиров Поян Уралович, доктор филол. наук, профессор (Термез, Узбекистан)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакар Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитарн. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Мохаммед Газван Аднан Мохаммед, Ph.D., доцент (Баакуба, Республика Ирак)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, Китай)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, Китай)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шестеркина Людмила Петровна, доктор филол. наук, доцент (Челябинск, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL "IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. PHILOLOGY. JOURNALISM"

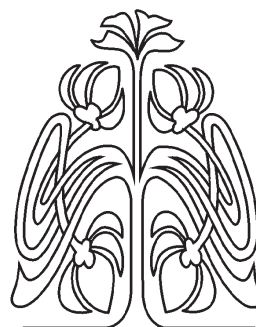
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

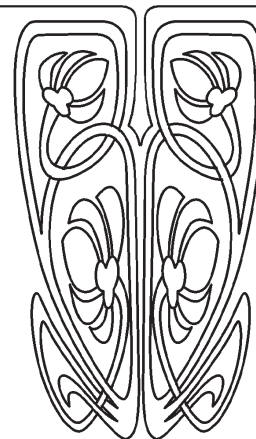
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaev (Nalchik, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Ghazwan Adnan Mohammed (Baqubah, Republic of Iraq)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Poyon U. Bakirov (Termez, Uzbekistan)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, China)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, China)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Lyudmila P. Shesterkina (Chelyabinsk, Russia)
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 124–130
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 124–130
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-124-130>
EDN: JPWSLV

Научная статья
УДК 811.161.1'271.1

Отношение носителей русского языка к его нормам: динамический аспект

А. В. Дегальцева , О. Б. Сиротинина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

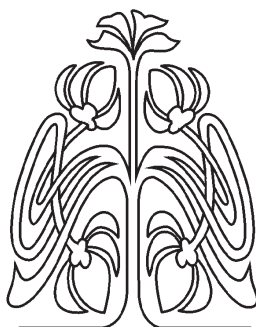
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, skunak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Аннотация. Разные исторические периоды характеризуются неодинаковым отношением носителей русского языка к его нормам. Советский период русской истории ознаменован борьбой за чистоту и правильность русской речи. При этом охрана норм русского языка была наполнена глубоким идеологическим смыслом, поскольку русский язык выступает как единое средство общения для многонационального населения СССР. Период перестройки характеризуется борьбой с советским официозом, что находит выражение в демократизации и вульгаризации речи, отмене цензуры в СМИ. В связи с этим в публичную речь проникает поток сниженной и нелитературной лексики, в журналистской среде формируется особый – литературно-жаргонизирующий – тип речевой культуры. Второе и третье десятилетия XXI в. демонстрируют вольное отношение носителей русского языка к его нормам, снижение заботы о форме выражения мысли, активное проникновение разговорной речи в другие сферы общения. Цифровизация коммуникации приводит к снижению уровня речевой культуры, развитию клипового мышления и преобладанию «точечного» внимания (это особенно заметно в подростковой и молодёжной среде). Глобализация важнейших сфер жизни общества, с одной стороны, способствует расширению морфемного и лексического репертуара русского языка, развитию значений его лексем, с другой – приводит к моде на англицизмы и ориентации на западную речевую культуру. Сегодня проблема охраны норм русского литературного языка становится одной из важнейших государственных задач, от успешного решения которой зависит сохранение русской культуры.

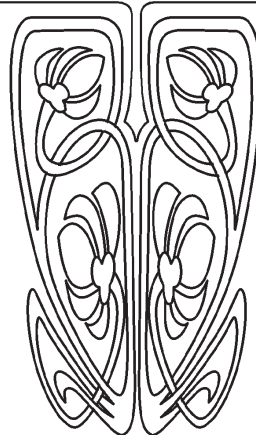
Ключевые слова: нормативность, нормы русского языка, русский литературный язык, речевая культура, экология речи

Для цитирования: Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Отношение носителей русского языка к его нормам: динамический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 124–130. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-124-130>, EDN: JPWSLV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The attitude of native speakers of the Russian language to its norms: The dynamic aspect

A. V. Degaltseva , O. B. Sirotinina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Olga B. Sirotinina, skunak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Abstract. Different historical periods are characterized by different attitudes of native speakers of the Russian language to its norms. Russian history during the Soviet period was marked by the struggle for the purity and correctness of the Russian speech. The process of protecting the Russian language was filled with deep ideological meaning, since the Russian language acts as a single means of communication for the multinational population of the USSR. The period of perestroika is characterized by the struggle against Soviet officialese, which took the form of the democratization and vulgarization of speech, the abolition of censorship in the media. This resulted in a stream of substandard and non-literary vocabulary penetrating into public speech, a special literary-jargonizing type of speech culture being formed in the journalistic environment. The second and third decades of the 21st century demonstrate an easy attitude of native speakers of the Russian language to its norms, the decreasing concern about the form of thought expression, the active penetration of colloquial speech into other spheres of communication. Digitalization of communication leads to a decrease in the level of speech culture, the development of clip thinking and the predominance of “point” attention (this is especially noticeable among adolescents and young people). Globalization of the most important spheres of society, on the one hand, contributes to the expansion of the morphemic and lexical repertoire of the Russian language, the development of the meanings of its lexemes, on the other hand, it brings about a fashion for anglicisms and a focus on foreign speech culture. Nowadays, protecting Russian literary language standards is becoming one of the most important national tasks; finding an effective solution will help preserve the Russian culture.

Keywords: normativity, norms of the Russian language, Russian literary language, speech culture, ecology of speech

For citation: Degaltseva A. V., Sirotinina O. B. The attitude of native speakers of the Russian language to its norms: The dynamic aspect. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 124–130 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-124-130>, EDN: JPWSLV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Под языковой нормой принято понимать совокупность наиболее пригодных для общества в конкретный исторический период языковых средств, которые являются результатом целенаправленного отбора определённых вариантов из множества существующих [1]. Основными критериями нормативности языковых фактов являются регулярная воспроизводимость, соответствие возможностям уже сложившейся системы литературного языка, общественное одобрение образованной частью общества, особенно людьми, чьи профессии связаны со словесностью (филологами, писателями, поэтами) [2]. В современной науке под нормативностью понимается как свойство единиц языковой системы, так и параметр текста и дискурса [3].

Отношения, которые возникают между литературной нормой и узусом (речевой практикой), зависят от периода развития языка. Так, во времена существования СССР русский язык стал интернациональным инструментом, объединившим народы, проживавшие на огромной территории. Охрана норм русского языка воспринималась как одна из важнейших задач поддержания идейного и культурного единства социалистического государства. За чистотой речи и соблюдением языковых норм бдительно следили филологи, учителя, поэты и писатели, а также сотрудники СМИ. Именно по-

этому советская пресса стала пропагандировать правильную, свободную от нелитературных элементов и иностранных слов речь [4]. Подтверждением этому служит опубликованная в газете «Правда» заметка «Словесный хлам», где говорилось, что региональные журналисты засоряют русский язык и часто неправильно и произвольно обращаются со словом, например, используют слова из народной речи: *закуп, бытовка, переобученцы, отопленцы, пошибает* и др. (Правда. 25.05.1946). Сохранение чистоты русского языка в послевоенный период было наполнено особым идеологическим смыслом, связанным с представлением о величии русского народа и его культуры [5].

По инициативе М. С. Горбачёва к середине 1980-х гг. правительством страны был взят курс на перестройку, следствием которой стала демократизация важнейших сфер жизни общества, в том числе и речи. В 1990 г. был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», отменивший цензуру и позволивший различным негосударственным организациям создавать собственные СМИ. Гласность способствовала тому, что журналисты стали публично говорить на ранее запретные темы и открыто выражать самые разные мнения. В этот период в СМИ активно проникали сотрудники, не имеющие филологического образования и

даже лишённые развитого языкового чутья. Их речь пестрила жаргонными и просторечными словами, встречался в ней даже мат. Таким образом, с 90-х гг. XX в. в СМИ начал формироваться литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры [6]. Речь журналистов постперестроечного периода характеризовалась криминализацией и вульгаризацией: *Если какой-нибудь «фраер» возьмёт на себя полномочия «вора в законе», его быстро снимут с пьедестала* (Аргументы и факты. 03.04.1996); *Один из парней попросил меня пройти с ними в машину. В «Мерседесе» сидел сам пахан* (Аргументы и факты. 11.04.1998); *<...> народ, быдло, безмолвствует, писатели, такое ж быдло, хнычут и некому Россию от Чубайса спасти!* (Литературная газета. 02.10.1997) и под. Итак, если советские СМИ транслировали только правильную речь, то журналисты постсоветского периода повсеместно нарушали её нормы, из-за чего отношение населения нашей страны к культуре речи существенно изменилось.

Лinguисты с сожалением отмечают, что современный узус характеризуется «речевой безграмотностью и невежеством. Неразборчивость ряда носителей литературного языка, усиленная погоней за языковой модой, способствует расшатыванию стройной системы норм» [7, с. 28]. С этим мнением трудно не согласиться. Свои наблюдения над изменившимся отношением современных носителей русского языка к его нормам мы выстраиваем на основе обиходно-бытовой, научной, деловой и медийной коммуникации, а также интернет-общения, привлекая к анализу как собственные материалы (например, записи деловой речи), так и данные из открытых интернет-источников. При этом мы опираемся прежде всего на общенаучные (описательный, сопоставительный и интерпретативный) методы.

Как показывают наши наблюдения, в начале XXI в. небрежное отношение носителей русского языка к своей речи, нежелание задумываться о правильности сказанного привели к тому, что в разных сферах общения всё чаще наблюдаются нарушения языковых и речевых норм. Ошибки проникают даже в научные тексты, всегда характеризовавшиеся точностью и строгостью изложения: *...В некоторых ИМНС разработаны различные технологии, чтобы работу свести к минимуму: готовые штампы для приёмки (остается поставить роспись и дату)...* (Самотохин В. М. Налоговая служба и налогоплательщик, 2005 г.); *Несколько грузинов владели профессией парикмахера, чрезвычайно*

востребованной во все времена (Кладова К. Ю. Ссылные грузинские меньшевики в городе Кургане в начале 1930-х годов, 2015 г.); *...цена не играет значения* (Москалев С. М., Касьяк Э. А. Оценка покупательского поведения на продовольственном рынке, 2017 г.).

В связи с усилением влияния разговорной стихии на все сферы коммуникации в медийную, деловую и научную речь проникают сниженные и нелитературные слова и выражения: *Называют сумму за работу «от балды»* (Московский комсомолец. 17.10.2023); *На фигу козе спорткар?* (Комсомольская правда. 03.08.2016); *Сегодня направлю все вопросы в Питер; Если он сможет создать эффективную дистрибуционную компанию в будущем, то флаг ему в руки* (из деловых писем); *Он стоял аккуратно напротив нынешнего Законодательного собрания Кубани <...>* (Чумаченко В. К. Родословная Кубанской станицы, 2011 г.); *Успешные и развитые кредитные институты всегда привлекали внимание потенциальных заемщиков и инвесторов <...>* (Фалынскова А. И., Медюха Е. В. Эффективность деятельности кредитных институтов на финансовом рынке, 2017 г.). Воздействием просторечной культуры объясняется появившаяся допустимость в современной официально-деловой устной речи вариантов, которые ранее не считались нормативными: *договор, договорá, переговоры по разоружению, теле вещание на границу* и под.

Кроме того, снижение заботы о форме выражения мысли привело к обеднению языка. Например, из синонимического ряда *снова, опять, в очередной раз, ещё раз* и других в разных сферах общения активно стало использоваться просторечное слово *по новой*: *Пропустил свою очередь / занимай по новой* // (записи разговорной речи); *В прошлом году полиция взялась по новой за последователей Пешковой* (Известия. 11.10.2021); *По их же мнению, катастрофа даёт шанс начать по новой* (Ищенко Н. С. Проблемы экономической и информационной безопасности, 2009 г.); *Если и этот алгоритм не работает, придётся перепроверять все шаги по новой* (из делового письма).

Под влиянием узуса постепенно утрачивает смыслоразличительную функцию порядок слов. Так, ещё два столетия назад порядок слов в русском языке служил для выражения зависимости действия или процесса от воли человека. На «помимоволие» указывала постпозиция служебного глагола (*готов был броситься в реку, но: был готов к работе; должен был помочь, но был должен денег*). В начале XXI в.,

однако, эта норма стала нарушаться и порядок слов в узусе оказался более свободным [6].

Наблюдения исследователей показывают, что современным носителям русского языка не нравится рекомендательный характер норм и их вариативность [7]. В то же время сами русскоговорящие эти нормы расшатывают и нередко любят доказывать правомерность неправильных и не рекомендуемых словарями вариантов. Например, студенты-нефилологи на занятиях по культуре речи, ориентируясь на мнение большинства, доказывают преподавателю, что одинаково верными являются акцентологические варианты *квартал* и *квартáл*, *включит* и *включит*.

Как справедливо отмечает А. Г. Петрова, «в становлении нормы современного литературного языка важное значение имели экстралингвистические факторы, <...> определившие характер языковой ситуации и языковых процессов рубежа XX–XXI вв.» [8, с. 4]. Сегодня среди таких внелингвистических факторов наибольшее влияние на язык и речь оказывают демократизация общества, а также глобализация и цифровизация коммуникации.

Отношение носителей русского языка к его нормам меняется под воздействием глобализации важнейших сфер жизни общества. Ориентация на английский как язык глобального общения привела к тому, что во многие сферы коммуникации стали неоправданно проникать англицизмы: *Чайлд-хейт* – это намного страшнее, чем *чайлд-фри* (Московский комсомолец. 25.04.2018); *Мне уже прислали инвайт* на московскую конференцию (из деловых писем); *Хайп* как превалирующая модальность рецепции инфоповодов в социальных сетях (название научной статьи В. М. Насртдиновой).

Положительными следствиями употребления заимствований в русском языке являются обогащение его лексического состава и морфемного репертуара, пополнение синонимических и антонимических рядов, расширение семантической структуры слов [9]. Есть, однако, и негативные последствия: хлынувший в русскую речь поток англицизмов привёл к её засорению. Иноязычные слова стали употребляться неуместно и неоправданно: слово *экспириенс* заменило привычное *опыт*, *тинейджер* сменил *подростка*, *скилл* – *навык*, *топовый* пришло на смену лексеме *лучший* и под. Именно поэтому далеко не все русскоговорящие хорошо относятся к потоку заимствований. Приведём примеры обсуждения этой проблемы в социальной сети «ВКонтакте» (с сохранением авторских

орфографии и пунктуации): *Откуда у детей возьмётся патриотизм, если они русских слов не знают? Патриоты Европы* (https://vk.com/wall-87721351_4374617); *Язык – это зеркало духовной жизни народа! Наш народ сейчас болен, соответственно и язык болен. Исцелится народ – исцелится и язык!; Заимствования – это жестокая человеческая лень, один из видов греха* (https://vk.com/topic-3151467_7138294?offset=60).

Российские власти в целом негативно относятся к хлынувшему в современную речь потоку заимствований. Президент В. В. Путин 28 февраля 2023 г. внёс изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», согласно которым «при использовании русского языка как государственного <...> не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общепотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях <...>» (ФЗ от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”»). Таким образом, если в русском языке есть слово, со всей полнотой выражающее тот же смысл, что и модное заимствование, от употребления иностранной лексики следует отказаться. Одним из следствий реализации данного Закона является очищение городского пространства от иноязычной лексики. Так, администрация г. Саратова вынесла на рассмотрение и общественное обсуждение проект запрета использования вывесок на иностранных языках. Многие жители города разделяют позицию чиновников, о чём свидетельствует опрос населения, проведённый сотрудниками газеты «Аргументы и факты. Саратов»: *Франция приняла закон, запрещающий англицизмы в видеознаках, – отмечает саратовец Сергей Фёдоров. – А у нас зачем-то парикмахерские называют барбершопами. Рабочее преклонение перед Западом раздражает* (Аргументы и факты. Саратов. 27.09.2023). Не все, однако, полагают, что иностранные вывески негативно влияют на русский язык и русскую культуру. Например, саратовский общественник А. В. Ермишин высказал следующее мнение: *Я полагаю, что использование вывесок на иностранных языках – это вопрос моды. Большинство помнит, чем закончились для СССР попытки запрета моды. Знание иностранных языков никогда не влияло на патриотизм* (Взгляд-инфо. 13.10.2023).

Демократизация и глобализация современного общества оказывают существенное воздействие и на особенности русского делового этикета. Так, не только в обиходной коммуникации, но и в СМИ, рабочем общении возобладало обращение к собеседнику на «ты» (даже если коммуниканты находятся на разных ступенях социальной лестницы и относятся к разным возрастным категориям) и по имени (без отчества) – полному или сокращённому (нередко англизированной: *Дэн, Макс* и под.) [10]. Воздействие англоязычной традиции можно заметить в этикетных формулах и способах выражения эмоций: *Хелло! Гудбай (Бай)! Велкам! Плиз! Сорри (Сорян)! Вау! Упс!* и др. В отличие от представителей старшего поколения, молодёжь в основном воспринимает такие слова позитивно.

Минимизация интеллектуальных усилий при построении высказывания и ориентация на западные образцы привели к тому, что носители русского языка перестали склонять имена собственные и числительные и начали активно употреблять аналитические конструкции: *У пассажира в Домодедово в багаже нашли 350 животных и насекомых* (Московский комсомолец. 06.04.2023); *И вот летел он с двадцать пять человек на борту* (из разговорной речи); *Он уходит и возвращается уже без Джо Байден* (комментарий под видео на платформе YouTube); *У меня наушники Киттай* (из разговорной речи) и под. Как отмечает А. Г. Петрова, «перегруппировка и унификация реальных падежных употреблений <...> сегодня становятся одним из отличительных признаков изменений в категории падежа имён существительных» [8, с. 18].

Во втором и третьем десятилетиях XXI в. СМИ перестают быть самой влиятельной сферой коммуникации. Они уступают своё место социальным сетям, далёким от нормативности. Цифровизация современной жизни во многом негативно сказывается на культуре русской речи. Так, замена чтения художественной, публицистической и научно-популярной литературы восприятием коротких виртуальных текстов, а навыков письма набором знаков на экране или клавиатуре негативно сказалась на общем уровне культуры молодёжи и подростков (и далеко не только этих возрастных категорий). Ведь, много читая, человек запоминает графический облик слова, а выводя его рукой на бумаге, фиксирует внимание на его написании. Кроме того, у тех, кто проводит много времени в Интернете, «снижается способность запоминать

информацию, появляются проблемы с концентрацией внимания, меняется “природа” чтения. Оно становится поверхностным, легкомысленным, <...> читающий печатную страницу понимает текст лучше читающего с монитора» [11, с. 163]. С развитием компьютерной коммуникации снижается время на обдумывание сообщения. У людей, постоянно находящихся в сети, развивается особое мышление – клиповое. Они усваивают уже готовые образы и принимают распространяемые в Интернете утверждения на веру, не раздумывая над их правильностью и справедливостью [12]. Опасность клипового мышления заключается и в том, что его обладатели не могут глубоко понимать, чувствовать и сопереживать [13].

Всемирная паутина наводнена ошибками, которые обычно никем не исправляются. Человек с недостаточно сформированным уровнем речевой культуры не заметит их или запомнит и будет воспринимать как норму. По мнению М. А. Кронгауза, у пользователей Интернета можно наблюдать неполную грамотность (недостаточно высокий уровень владения нормами и правилами русского языка), безграмотность (невладение нормами и правилами) и даже антиграмотность (демонстративное отрицание грамотности, сознательное нарушение норм) [14]. М. Ю. Сидорова и У. Баоянь выделяют четыре типа пользователей сети в зависимости от уровня их речевой грамотности [15]. В первый условно выделенный тип попадают те, кто преднамеренно нарушают языковые и речевые нормы ради самовыражения: *Теперь одни поухавишие, а другие – пооставишиеся; Аффтэр жжот; Ржунимагу* и под. Ко второму типу относятся совершенно неграмотные пользователи, с трудом выражающие свои мысли на письме. Люди, имеющие общее представление об орфографии и пунктуации, но систематически нарушающие правила русского языка, относятся к третьему типу. Наконец, в четвёртый тип входят пользователи сети, обладающие довольно высоким уровнем языковой компетентности. Ошибки в их речи встречаются редко. На наш взгляд, к выделенным М. Ю. Сидоровой и У. Баоянь типам можно было бы добавить пятый, к которому можно отнести людей хоть и в достаточной степени грамотных, но нарушающих коммуникативные нормы (например, постоянно и в категоричной форме указывающих на ошибки в речи других). В начале XXI в. в сети появилось объединение людей, ревностно относящихся к соблюдению норм и правил русского языка. Это так называемые «граммар-наци» – «наиболее

радикальные борцы за грамотность, <...> которые, пренебрегая интересами коммуникации, обсуждают не заявленную тему, а ошибки в письменной речи собеседника» [14, с. 36–37]. Конечно, радикальный настрой таких людей не делает их «образцовыми» представителями полнофункционального типа речевой культуры, поскольку они нередко нарушают этические и коммуникативные нормы (или не владеют ими в достаточной степени). Представители «граммар-наци» любят делать замечания «неграмотным» пользователям Интернета и оставляют под их текстами гневные или оскорбительные комментарии: *Автор, выучи русский язык, а то глаза болят читать* (https://vk.com/wall-92556078_585257).

Интернет, однако, не только наводнён ошибками, он позволяет пользователям совершенствовать свои коммуникативные навыки и получать новые знания о родном языке. В многочисленных электронных библиотеках в открытом доступе находятся базовые словари и справочники, а справочно-информационный портал «Грамота.ру» (<https://gramota.ru/>) много лет успешно помогает пользователям Интернета определиться с правильным орфографическим или пунктуационным вариантом и отвечает на их вопросы о языке. В последние годы стали также появляться и активно развиваться блоги, посвящённые русскому языку. Их авторами чаще всего являются филологи и учителя-словесники.

К сожалению, сегодня у многих наших соотечественников наблюдается незаинтересованное и небрежное отношение к нормам русского языка. Отчасти оно обусловлено повсеместным распространением социальных сетей и мессенджеров, которые способствуют укоренению клипового мышления и точечного внимания (особенно у подростков, молодёжи и людей средних лет, проводящих много времени в сети). Благодаря усилиям советских педагогов, журналистов, филологов у старшего поколения русскоговорящих сформировалась «матрица долговременной памяти», в которой хранятся представления о правильной речи [16, с. 41]. Именно поэтому люди преклонного возраста чаще всего интересуются судьбой языка, его нормами, обращаются в теле- и радиопередачи, посвящённые чистоте русской речи (в Саратове таким источником информации о речевых и языковых нормах долгие годы была радиопередача «Служба русского языка»; сейчас доц. СГУ им. Н. Г. Чернышевского Г. С. Куликова совместно с асп. А. А. Лукья-

новой продолжает эту традицию в просветительской радиопередаче «Слово за слово»). У младшего же поколения носителей русского языка матрица долговременной памяти ещё не сформирована в достаточной степени [17].

Таким образом, в начале XXI в. отношение многих носителей русского языка (особенно негуманитариев, а также подростков и молодёжи) к его нормам меняется: наблюдаются небрежность и бедность в выражении мыслей, толерантное (иногда и восторженное) отношение к ненужным заимствованиям; приоритетными становятся правила общения, сложившиеся в Интернете; снижается интерес к художественной литературе и родному языку.

Конечно, на сохранение норм русского языка влияют их кодификация, опубликование и распространение словарей, в том числе профессионально направленных (для учителей, журналистов, врачей, менеджеров, юристов и др.), публикация научно-популярных работ, освещающих проблемы экологии русского языка, активное распространение блогов, теле- и радиопередач такой тематики. Тем не менее, повышение уровня речевой культуры населения невозможно без осознанного и заинтересованного отношения каждого из нас к родному языку и своей речи.

Список литературы

1. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М. : Высшая школа, 1974. 352 с.
2. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М. : Просвещение, 1978. 240 с.
3. Матвеева Т. В. Культура речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М. : Флинта : Наука, 2011. С. 186–191.
4. Басовская Е. Н. Вопросы культуры речи в советской прессе (вторая половина 1940 – начало 1950-х годов) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). С. 113–122.
5. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Русский язык как интернациональное средство общения на советском и постсоветском пространстве: проблема охраны и изменения норм // Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-летию образования СССР : материалы междунар. науч. конф. (Саратов, 14–15 октября 2022 г.) / под ред. А. П. Мякшева. Саратов : Саратовский источник, 2023. С. 179–186. EDN: UANERV
6. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с.

7. *Цынк С. В.* Об отношении к норме русского литературного языка в XXI веке // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2016. № 2 (74). С. 28–30. EDN: WCZKGT
8. *Петрова А. Г.* Норма русского литературного языка и живая речь носителей русского языка на рубеже веков (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
9. *Сиротинина О. Б., Дегальцева А. В.* Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2023. 128 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04808-4>
10. *Дегальцева А. В.* Факторы, влияющие на эффективность сетевого делового общения // Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы её достижения / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. С. 143–156. EDN: ХАААUW
11. *Цицкун В. В.* Опосредованное влияние интернета на грамотность современной молодежи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 4. С. 158–165.
12. *Ерахтин А. В.* Гуманитаристика, философия и клиповое мышление // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 35–41.
13. *Пендикова И. Г.* Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // Омский научный вестник. Серия «Общество и история». 2016. № 1. С. 53–56.
14. *Кронгауз М. А.* Самоучитель Олбанского. М. : АСТ, 2013. 440 с.
15. *Сидорова М. Ю., Баоянь У.* Кто и почему пишет неправильно в Интернете? // Филология и человек. 2007. № 1. С. 67–82.
16. *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2007. 383 с.
17. *Клушина Н. И.* Медиастилистика. М. : Флинта, 2018. 184 с.

Поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 09.11.2023; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 131–138
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 131–138
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-131-138>, EDN: KDZQKD

Научная статья
УДК 811.161.1'373.612.4

Избыточность лично-возвратного местоимения себя: к вопросу о небанальном грамматическом плеоназме

О. М. Исаченко

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2

Исаченко Оксана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, isachenkoo@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>

Аннотация. В статье рассматривается случай грамматического плеоназма, заключающийся в вербализации приглагольной позиции актанта или локализатора – падежными формами лично-возвратного местоимения *себя*, которые имеют пространственное или субъектно-объектное значения. Данное явление широко распространено в современном узусе, в разных функциональных разновидностях и типах дискурса (публицистическом, политическом, рекламном, разговорном, художественном, педагогическом и научном), в устной и письменной речи, но в терминах «языковая норма» или «речевая ошибка» не осмыслено, хотя данные толковых словарей предписывают запрет на дублирующее употребление местоимения *себя* при определенных глаголах. В статье доказывается дефектность таких сочетаний с опорой на семантический анализ, а также путем грамматической трансформации – смены части речи или порядка слов, которые служат дополнительными методами верификации ошибки. На основе анализа семантики выявлен списочный состав глаголов (50 ед.), формирующих плеонастические коллокации (55 ед.) со всеми формами парадигмы лично-возвратного местоимения *себя*: родительного, винительного, дательного, творительного и предложного падежей (с предлогом или без него). Плеонастическое управление провоцируют преимущественно переходные глаголы со значениями расположения, помещения / перемещения объекта (включения в состав чего-либо или его исключения, соединения, собирания или удаления), а также обладания или получения. В метафорических контекстах с этими глаголами местоимение *себя* также является избыточным. С точки зрения языковой логики, семантики и существующих словарных прескрипций данное явление необходимо кодифицировать как грамматический плеоназм.

Ключевые слова: плеоназм, плеонастическое сочетание, грамматический плеоназм, лично-возвратное местоимение, глагольная семантика, инкорпорированная сема, десемантизация, диспозитивная норма

Для цитирования: Исаченко О. М. Избыточность лично-возвратного местоимения себя: к вопросу о небанальном грамматическом плеоназме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 131–138. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-131-138>, EDN: KDZQKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The redundancy of the personal reflexive pronoun *self*: To the question of non-banal grammatical pleonasm

O. M. Isachenko

Novosibirsk State University, 2 Pirogova St., Novosibirsk 630090, Russia

Oksana M. Isachenko, isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>

Abstract. The article deals with the case of grammatical pleonasm, which involves the verbalization of the verbal position of the actant or localizer by the case forms of the personal reflexive pronoun *self*, which have a spatial or subject-object meaning. This phenomenon is widespread in modern usage (at least 50 verbs participate in it), in different types of discourse (journalistic, political, advertising, colloquial, literary, educational and scientific), in oral and written speech, but it is not comprehended in terms of “language norm” or “speech error”, although the data of explanatory dictionaries impose a ban on the duplicate use of the pronoun *self* with some verbs. The article proves the deficiency of such combinations based on the semantic analysis of verbs, as well as by means of grammatical transformation – changing the part of speech or word order, which serve as additional methods of error verification. Based on the analysis of semantics, the list of verbs (50 units) that form pleonastic collocations (55 units) with all members of the case paradigm (Genitive, Accusative, Dative, Ablative and Locative with or without a preposition) of the personal reflexive pronoun *self* was revealed. Pleonastic control is provoked mainly by transitive verbs with the meaning of “location” and “placement / movement of an object” (integrating it into something, or excluding it, joining it with something, collecting or eliminating), as well as the meaning of “possessing” or “obtaining”. In metaphorical contexts with these verbs, the pronoun *self* is also redundant. From the point of view of linguistic logic, semantics and existing dictionary stipulations, this phenomenon should be codified as a grammatical pleonasm.

Keywords: pleonasm, pleonastic combination, grammatical pleonasm, personal reflexive pronoun, verbal semantics, incorporated seme, desemantization, dispositive norm

For citation: Isachenko O. M. The redundancy of the personal reflexive pronoun *self*: To the question of non-banal grammatical pleonasm. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 131–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-131-138>, EDN: KDZQKD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

*Иногда стоит совершить ошибку
хотя бы ради того, чтобы знать,
почему ее не следовало совершать.*

Конфуций

Плеоназм, будучи «излишеством», которое заключается в семантическом дублировании, не всегда и не всеми оценивается как речевая ошибка. Более того, конструкции, которые нами рассматриваются [1], не попадают в традиционный список плеонастических сочетаний, таких как: *Если человеку хочется запастись продуктами впрок...; ...15-летний школьник по описанным выше причинам насмерть зарезал мать...* [2, с. 374], которым посвящены исследования М. К. Есаковой [3], Т. Г. Зуевой [4], Т. А. Ковалевой [5, 6], Эр. И. Хан-Пиры [7], вероятно, по причине их неочевидной семантической дублетности.

Мы считаем, что «вирус плеоназма» бесконтрольно распространяется на новые участки языковой системы. В частности, в последние 10–15 лет устойчивым стало плеонастическое употребление лично-возвратного местоимения себя (в персональной и предметной референции) в приглагольной постпозиции, что подтверждается материалами собственноручных записей из разных источников и данными Национального корпуса русского языка (ссылки на НКРЯ как на источник контекстов даются в квадратных скобках, остальные – в круглых). Сочетания с местоимением себя встречается в разных типах дискурса, как будто иллюстрируя наблюдения современного писателя: *Со словами в России давно разучились управляться и профессиональные журналисты, и политики, и школьные учителя. Дело здесь не столько в грамотности, о которой так радеют кустарные писатели. Дело – в чувстве языка, которое не позволит использовать слово не по назначению* (А. Матвеева. Вздохнули львы):

– в **публицистическом**: *Партия «Яблоко» исключила из себя... [нескольких человек]* (ТК «Венедиктов», 2020); *Ни один, ни второй не смогли шайбу себе отобрать* (из спорт. комментария о хоккеистах); *Песенка о пьянице Финнегане... становится книгой-палimpseстом, вобравшей в себя все, когда-то написанное, сказанное, прожитое* (М. Шишкин. Больше чем Джойс // Colta.ru, 2019); *Выступление несло в себе несколько сигналов; Учителя несут на себе функции вос-*

питания (А. Орех. Персонально ваш // «Эхо Москвы», 09.2021); *Ученые опасаются, что быстрое разрушение этого ледника может повлечь за собой ускоренное таяние всех прочих* (ТК «Good news», 2019);

– в **политическом**: *Свобода ничего не стоит, если она не включает в себя свободу ошибаться* (Махатма Ганди); *Это неминуемо повлечет за собой политические изменения* (Е. Шульман);

– в **рекламном**: *Мини-клубни [картофеля] – усовершенствованный продукт на рынке садоводства, собравший в себе лучшие качества стандартных сортов («Сады России»); Каждый выпускник НГУ несёт в себе огонёк исследовательского любопытства и популяризации науки* (из анонса недели Дарвина / сайт НГУ);

– в **разговорном**: *Они быстро между собой нашли общий язык; Две квартиры присвоили себе; украл себе деньги;*

– в **художественном**: *...одна отчаявшаяся второклассница вмещает в себе достаточно ненависти, чтобы расфигачить Солнечную систему...* (И. Лукьянова. Стекланный шарик); *Лес сопротивлялся, не впускал в себя, корчил в судорогах и раздирал свою утробу когтистыми лапами;* [Река Иртыш] *воплощала в себе такую природную силу, какая приемлема только в бескрайнем море или в поднебесных горах* (А. Иванов. Тобол. Мало избранных); *...воздух по-июньски остывал, но земля, как полы с подогревом, выпускала из себя тепло* (А. Архангельский. Музей революции); *...старинный рояль... занимал собой почти всю большую комнату; Он просит меня вытянуть обе руки перед собой и внимательно на них смотрит.* (Е. Водолазкин. Брисбен); *...это событие потянуло за собой цепочку следствий* (О. Зайончковский. Счастье возможно); *Аркашон Пушкин тоже не спал в эту ночь, вместившую в себя столько новых переживаний* (А. Матвеева. Есть!); [звезды] *сохранили в себе колдовскую силу; Лепешка содержала в себе тонизирующие вещества* (Е. Гуляковский. Чужие пространства); *Мне остро, яростно захотелось жить. Пить большими глотками осенний воздух, впитывать в себя ароматы леса, земли и неба* (О. Покровская. Одна судьба на двоих);

– в **педагогическом** (методическом): *В последнее время проблемы преподавания лите-*

ратуры в педагогических вузах **привлекают к себе** все больше внимание (Войтоловская Э. Л., Румянцева Э. М. Практические занятия по русской литературе XIX в.);

– в **научном**¹: **Вбирает в себя; впитал в себя** (Н. Н. Рогозная. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск, 2012); **ФСП заключает в себе** (А. В. Бондарко. Категории в системе функциональной грамматики [9]); **Сложные жанры вбирают в себя простые** (М. М. Бахтин. Проблема речевых жанров); **Вызывая к себе скептическое отношение у одних исследователей, она** [когнитивная лингвистика] **рассматривается другими ... как направление, уже сделавшее немало серьезных открытий** (Е. С. Кубрякова. Еще раз о значении термина «когнитивный» [9]); **Теперь вы в общих чертах представляете себе, насколько велики различия между языками** (В. Плунгян. Почему языки такие разные); **Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию, и кодификацию...** (Л. П. Крысин. Языковая норма и речевая практика); **Это позволило сделать вывод о том, что подобные выражения, заключающие в себе элемент речевой избыточности, устоялись в языке и многими воспринимаются как норма** (З. К. Кокенцова, Т. К. Бердалиева, Г. М. Чумбалова. Плеоназмы в медицинской лексике); **Суф. -ть несет в себе грамматическое значение** (из речи студентов²).

К плеоназмам с лично-возвратным местоимением примыкают сочетания, которые входят в метаязык словарного описания и широко используются в практике толкования: *присвоить себе, содержащий в себе, вместивший в себя, представить себе, конкурировать между собой, выделять из себя* [какую-л. влагу] [10] (далее – БТС). Приведенные речевые факты подтверждают выводы А. В. Дегальцевой и О. Б. Сиротининой о том, что «даже в письменных жанрах научной речи встречаются случаи нарушений лексических, грамматических и стилистических норм» [8, с. 6].

¹ Мониторинг современной научной речи, проведенный А. В. Дегальцевой и О. Б. Сиротининой, позволил выявить многочисленные «болевые точки» этого типа дискурса: анахронизмы, нарушенную лексическую сочетаемость (например, при неразборчивом использовании наречия *достаточно*), смешение паронимов, некорректные падежные формы и нелогичный порядок слов, а также немотивированное использование нелитературной лексики [8].

² В устной речи студентов часты факты «нарушения экологии речи» [8, с. 6]: «К сожалению, сегодня студенты и магистранты всё меньше задумываются о соблюдении речевых и языковых норм» [8, с. 4].

Практически все падежные формы *себя*, как «возвратного элемента» [11, с. 59], с предлогом и без, регулярно воспроизводятся при глаголах³ определенной семантики:

– форма Вин. п. **в себя** (с пространственным значением) при глаголах с архисемой ‘состоять из... / содержать’, имеющих типовую семантику ‘располагаться, помещаться где-л.’⁴, в частности глаголы включения объекта в состав чего-л. (*вбирать / вобрать, включать, вмещать / вместить, впитывать / впитать, впускать / впустить* ‘дать проникнуть чему-л.’), помещения в результате перемещения (*всунуть / совать*), разрешения (*впускать / впустить* ‘позволить кому-л. войти, въехать’);

– предложные формы Род. п.:

а) **из / вокруг себя** (в пространственном значении) с глаголами «отторжения», удаления, т. е. перемещения чего-л., освобождения от кого-чего-л. (*выпускать, исключать, источать* ‘издавать, испускать, распространять (свет, запах, влагу и т. п.)’) или, напротив, соединения (*сплотить вокруг себя*);

б) **для себя** (в значении субъекта) с глаголом открытия (*открыть*) в метафорическом употреблении (*Я на этом проекте для себя открыла по-новому*⁵ (Ани Лорак // Голос, 2018)) или закрытия (*закрыть для себя гештальт*);

– форма П. п. **в себе** (преимущественно в пространственном значении⁶) с глаголами расположения чего-л. где-л. (*вмещать / вместить, заключать, содержать, хранить*), объединения / соединения / собирания (*концентрировать, накопить, объединить, собрать, сочетать*), скры-

³ Зафиксирован единственный случай употребления дублирующего возвратного местоимения с наречием: *...теперь он находится у себя дома...* Лексема *дома* включает сему ‘у себя’ (ср: *дома* – ‘1. У себя дома, на своей квартире’ [БТС]). Для описания иных possessивных отношений используются личные местоимения (*у тебя / у них / у вас дома...*). Вероятно, это сочетание восходит к устойчиво воспроизводимой речевой формуле упрека: *как у себя дома*.

⁴ Для семантической классификации предикатов мы опирались на данные «Толкового словаря русских глаголов» [12] (далее – ТСРГ), но корректировали их с учетом актуальных пространственных или других типов значений. Так, многозначные глаголы только в части своих значений могут использоваться в анализируемых плеонастических сочетаниях. Например, глагол закрытия *заключат* (*под стражу*), глагол обеспечения *содержать* (*на попечении*) или глагол профессионально-трудовой деятельности *нести* (*службу*) в таких структурах не отмечены.

⁵ Грамматическая неоформленность реплики не мешает пониманию ее смысла.

⁶ Только в сочетании с глаголом «изображения объекта», шире – «преобразования в реальность» – *воплотить / воплотить* П. п. имеет объектное значение.

вания (*таить, скрывать*), а также перемещения объекта – в прямом или метафорическом смыслах (*нести: несет в / на себе функцию*) и преобразования в реальность (*воплотить / воплощать*);

– предложная форма Тв. п. **собой** (с пространственным или объектным значениями) с глаголами обладания (*найти общий язык между собой, охватить собой, иметь под собой основание*), местоположения, помещения / перемещения объекта (*занимать собой, приносить / приводить с собой, приводить за собой, вытянуть перед собой*⁷; *повлечь за собой*⁸), скрывания (*скрывать за собой / под собой*), противодействия (*конкурировать между собой*) или, напротив, соединения (*путать между собой, объединить собой*) и взаимосвязи (*взаимодействовать между собой, дружить между собой*), а также воображения и предположения (*подразумевать под собой*);

– предложные и беспредложные формы Д. п. **себе** (со значением субъекта-адресата) с глаголами получения в свое распоряжение чего-л. и деятельности по достижению цели (*взять себе, набивать себе карманы, присвоить себе, отобрать (у кого-то) себе, зарабатывать себе на жизнь*), принуждения (*потребовать себе*), перемещения (*привлечь внимание к себе*), а также с глаголом воображения (*представить себе*).

Как видим, семантическая природа этих глаголов, грамматически преимущественно переходных (за исключением *конкурировать, взаимодействовать*) не гомогенна, но очевидна тенденция: к плеонастическому соседству с возвратным местоимением тяготеют глаголы с семой ‘место, расположение’, которая имеет в структуре лексического значения имеет ядерный или периферийный статус. Ее наличие подтверждается данными БТС, эта сема может:

а) выражаться в дефиниции через соответствующие метаслова: *расположить = разместить, поместить, место = пространство, распространиться*, например: *путать* ‘нарушать обычный порядок расположения чего-л.’, *вытянуть* ‘поместить какие-то части тела где-л. или каким-л. образом’; *охватить* ‘З. Распространившись по всей поверхности, заполнить собой; объять (о пламени, темноте и т. п.)’, *скрывать, прятать* ‘помещать кого-, что-л. куда-л., чтобы другие не могли обнаружить, увидеть’;

б) «наводиться» методом ступенчатой идентификации, например:

⁷ Точнее, в ТСРГ – помещение объекта в результате перемещения [12, с. 134].

⁸ По аналогии с *увлечь* – ‘перемещать (переместить) кого-, что-л. за собой силой собственного движения, течением и т. п.’

– *охватить* ‘З. <...> заполнить собой’ → *заполнить = занять* ‘1. Заполнить какое-л. пространство // кому, для кого (в сочет. с сущ. место). Сохранить для кого-л. свободное место (в вагоне, столовой и т. п.)’;

– *накопить* ‘Копя, собрать в каком-л. количестве’ → *собрать* ‘1. кого (что). Объединить в одном месте многих, создав, пригласив и т.п. прийти, приехать и т.п. с какой-л. целью. <...> 2. что. Сложить, поместить в одно место, вместе...’;

– *взаимодействовать* ‘Быть, находиться во взаимной связи с предметами, явлениями, действуя по согласованию’ → *находиться* ‘Располагаться; быть расположенным где-л.’

Плеонастическое употребление *себя* «провоцируется» семантикой глагола, что ярко иллюстрируют глагольные полисеманты. Так, широкозначный глагол *брать / взять* в одних лексико-семантических вариантах (ЛСВ) устойчиво воспроизводится в паре с возвратным местоимением: это значения собирания (И. С. *брал себе много аспирантов* [Воспоминания о Шкловском (1996)]), выбора (*Неудивительно, что он взял себе имя и фамилию величайшего лекаря прошлого* (А. Матвеева. Подожди, я умру – и приду), а также использования, получения в свое пользование, компенсированного приобретения: *Вмешалась Мура: она внимательно прочла бумагу и увидела, что директор Лионского Кредита брал себе 65% горьковских гонораров...* [Н. Берберова. Железная женщина (1978–1980)]; *Наш язык брал себе те слова, которыми называли за рубежом различные предметы, не встречающиеся в нашей стране: фрукты ананас и апельсин, зверя аллигатора, птицу альбатроса* [Л. В. Успенский. Слово о словах (1971)]. А в других ЛСВ позиция *себя* не «предусмотрена» парадигматически и не реализуется синтагматически: это значения прикосновения (*взять с руки кусок сахара*), деятельности по достижению цели (*актер брал талантом*) и приведения в эмоциональное состояние (*ее брали тревога, меня брали сомнения*)⁹.

Анализ лексических значений глаголов, «предрасположенных» к плеонастическому сочетанию с *себя*, позволяет выявить их «магистральную» семантику. Наиболее разнообразны в количественном отношении глаголы помещения / перемещения объекта, выражающие значение включения объекта в состав чего-л. или его исключения из состава, а также расположения где-л., в том числе путем перемещения (*вбирать*,

⁹ Выделенные типы значений именованы в соответствии с классификацией, представленной в ТСРГ.

заключать, включать – исключать, вмещать, впитывать, впускать – выпускать, вытянуть, занимать, нести, повлечь, приводить, приносить, совать, содержать, хранить).

Глаголы этих семантических групп можно дифференцировать по семе 'цель помещения / перемещения': разрешения (впускать); скрывания (таить, скрывать) или открытия (открывать), объединения и собирания (концентрировать, копить, объединять, охватить, путать, собирать, сочетать, сплачивать), получения в распоряжение (взять, иметь, найти, набивать, потребовать, привлекать, присвоить, отобрать, зарабатывать).

Единичными примерами представлена социальная и ментальная сферы: глаголами противодействия и взаимосвязи (антонимичными конкурировать – взаимодействовать) и глаголами ментальной деятельности (подразумевать, представить, воплотить).

Помимо прямых ЛСВ, в процесс семантического дублирования с помощью лично-возвратного местоимения втянуты и метафорические значения глаголов. Так, приставочные глаголы с корнем -влечь- (повлечь, привлечь, увлечь...) описывают «метафорическое перемещение» в ментальной, эмоциональной и социальной сферах, и в таких словоупотреблениях возвратное местоимение используется часто: *привлечь к себе внимание / людей / пациентов...* (реализуется ЛСВ '5. кого-что. Вызвать интерес, возбудить любопытство к себе, заставить обратить на себя внимание', в котором приставка *при-* со значением 'соединенность с чем-л.' направляет «вектор» внимания / заинтересованности / любопытства кого-л. к исполнителю действия; приведенный в словаре пример иллюстрирует самодостаточность глагола: *Новый гость привлёк общее внимание* [БТС]), *увлечь за собой массы / пионеров / последователей...*, *повлечь за собой конфликт / последствия / увольнение / изменения / неприятности* и др. Очевидно, что местоименный акт при глаголах-метафорах усиливает их исходную пространственную семантику, транслируя идею перемещения в разных направлениях: *вслед за кем-, чем-л. или к кому-, чему-л.*, что служит буквализации метафоры, как бы приближает ее к «сфере-источнику» метафоризаторов (например: *лексические единицы несут на себе стилистические оттенки* – невольно вызывает образ носильщика или грузчика с поклажей на спине).

В отличие от разнообразных лексических случаев плеоназма, широко представленных в

лингвистических работах, этот вид плеоназма никак не кодифицирован. Употребление лично-возвратного местоимения отдано на откуп языковому чувству меры носителя языка и допускает варьирование двух видов: с актантом или без него, в разных падежных формах: *скрывать за / под собой, таить в себе / под собой, объединить собой / в себе, представляет собой / из себя, нести в себе / на себе* – они очерчивают невнятные границы диспозитивной нормы. Но вопрос выбора падежной формы вторичен на фоне оценки корректности и целесообразности ее использования.

Для демонстрации семантического удвоения и речевого излишества сложной процедуры не требуется – достаточно семантического анализа компонентов лексического значения глагола, представленного в дефинициях. Например: **включить** '2. кого-что (во что). Ввести, внести **в состав**, в число кого-, чего-л.'

вобрать '1. что. Постепенно принять **в себя**; втянуть (воздух, воду и т.п.). *Растения вобрали всю влагу*;

привлечь '5. кого-что. Вызвать интерес, возбудить любопытство **к себе**, заставить обратить **на себя** внимание. <...> // Расположить **к себе**, возбудить какие-л. положительные чувства';

охватить '5. **Вобрать в себя, в свой состав**, содержание; вовлечь в сферу действия чего-л.'

Наличие возвратного «маркера» в дефиниции – свидетельство его инкорпорированности в структуру лексического значения. Следовательно, его дублирование в высказывании, дополнительная вербализация – очевидная избыточность. Между тем в БТС отражается и, вероятно, нормализуется узус такого дублирования: **вообрать** '2. кого-что (обычно в сочет. со сл. *в себя*). Включить, принять в свой состав; объединить в своём составе кого-, что-л. ...*Экологическое движение вобрало в себя население области*'. «Обычность» не является признанием нормы, хотя приведенный контекст без возвратного местоимения выглядит как языковая девиация.

М. Н. Есакова разграничивает случаи полного и частичного совпадения сем в плеонастических сочетаниях [3, с. 28]. Анализируемый нами случай плеоназма – охват значением глагола значения местоимения, так как оно дублирует «встроенную» в значение глагола сему. Если продемонстрировать такое совпадение – «инклюзивный тип» отношений между словами, то круговая схема Л. Эйлера будет выглядеть следующим образом:

Таким образом, экспликация *себя* при глаголах (нами зафиксировано 50 лексем, без учета видовых коррелятов) определенной семантики (расположения, перемещения (удаления, соединения), обладания / получения и др.), обозначающих действия с участием облигативного локализатора или актанта, с учетом их инкорпорированности в глагольное значение¹⁰, без специального задания или видимой коммуникативной целесообразности¹¹, является **речевой ошибкой**¹², если следовать языковой логике и ориентироваться на «встроенный» «детектор ошибок» [2, с. 370]. Приведенные глагольные «связки» с возвратным элементом (*включать в себя, конкурировать между собой, повлечь за собой, источать из себя* и пр.) – это **грамматический**, точнее – синтаксический, плеоназм (отмечено 55 коллокаций), так как в роли «лишнего» компонента выступает местоимение (указывающее, но не называющее объект, т. е. априори десемантизированная единица языка), которое «падает» в грамматическую зависимость от глагола, диктующего выбор определенной предложной или предложно-падежной формы. На месте нормативно достаточного одиночного глагола возникает избыточное словосочетание (*присвоить* → *присвоить себе, соперничать* → *соперничать между собой, вообразить* → *вообразить себе, воплотить* → *воплотить в себе* и т. п.), которое легко корректируется – механическим удалением лишнего локализатора / актанта, выраженного возвратным местоимением:

¹⁰ Ср.: с тавтологичным и плеонастическим сочетанием *оседлать седлом*, когда инструмент инкорпорирован в семантику глагола [13].

¹¹ Например, в предложении: *Дверь открыла на секунду, впустил в себя шум улицы* (И. Казаков. Девушка за спиной) – локализатор *в себя* необходим, так как указывает на особое пространство направленного движения и приречения звуков – человеческое тело.

¹² Такое «здание» имеется в словарных дефинициях, призванных максимально точно сформулировать значение, например: *сочиться* '2. Испускать, выделять из себя (какую-л. жидкость)' [10]. Очевидно, что падежная форма *из себя* дублирует и усиливает значения глагольных приставок *ис-*, *вы-*.

Начальная школа... вмещала в себя посменно двести учеников (С. Челнокова. От шести до девяти // Школа жизни. Честная книга: любовь – друзья – учителя – жуть (сборник)); *На допросе Арашуков потребовал себе* переводчика с русского (Сенатор без языка. Кто прикрывал спину Арашукова // Национальная служба новостей, 01.2019 /); *Он умело сочетает в себе юмор, талант и профессионализм, что делает его* непременным участником любой успешной комедии (<https://topazcentr.ru>, 12, 2023).

Наблюдение за многочисленными примерами такого плеоназма приводит к мысли о действии закона «масштабирования плеоназма» – ему традиционно сопутствуют другие речевые ошибки, например, в предложении: *И опять всунула себе в уши наушники* (И. Казаков. Девушка за спиной) – плеоназм «усиливается» тавтологией *наушники в уши*, хотя достаточной для передачи смысла является лаконичная фраза: *И опять всунула наушники*. Аналогично: – *Я научу тебя прилично вести себя в светском обществе и смывать за собой в унитазе* (П. Басинский. Полуденный бес).

Дополнительными критериями верификации таких сочетаний как ошибочных могут быть грамматические трансформации – с помощью изменения порядка слов и замены глагола девербативом. Проведенные замены позволяют выявить следующие закономерности:

1) девербатив, который традиционно сохраняет лексические валентности глагола – *ходить в народ / хождение в народ, включить в список / включение в список* (при этом требуется морфологическая «настройка»: *хранить наследие / хранение наследия*), лично-возвратное местоимение *себя* «отторгает» – такие сочетания выглядят искусственными (*конкурировать между собой / *конкуренция между собой*), некорректными и даже невозможными: ...*мононациональный Китай впитывал в себя культуру всех народов* – **впитывание в себя культуры; заказчик присвоил себе права на мультфильм* – **присвоение себе прав; ...гормональная таблетка содержит в себе аналоги женских половых гормонов...* – **содержание в себе аналогов;*

2) актанта способны варьировать по месту расположения «вокруг» глагола, но такие «эксперименты» для лично-возвратного местоимения невозможны: *Огромный зал (в себя?) вбирал (в себя) едва ли не всю праздную толпу Нового Арбата* [Е. Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)]; *Его моральный кодекс (в себя?) как бы безоговорочно включал (в себя) все заповеди Ветхого и Нового заветов* [В. Катаев. Алмазный

мой венец (1975–1977)]; Фильм «День нашей жизни» (в себя?) **вмещал (в себя)** десятки эпизодов, снятых в разных концах страны, даже мира [Г. Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)]. Предложения с местоименной формой в отрыве от глагола звучат нелепо: *Фильм в себя **вмещал** десятки эпизодов; **десятки эпизодов вмещал** фильм в себя. Вероятно, это доказательство «перемены грамматической участи» форм лично-возвратного местоимения – их превращения в клитики (или «тяготения к клитическому употреблению» [14, с. 224]), особенно на фоне естественной десемантизации.

Представленный тип плеоназма, безусловно, имеет парадигматические, стилистические или дискурсивные «мотивы», которые требуют дополнительного анализа и осмысления. Тем не менее, бесспорным является необходимость кодификации данного явления, его нормативной оценки в рамках современной культуры речи и лингвоэкологии¹³, так как плеонастические дублеты с участием местоимения *себя* представляют собой речевой мусор. По нашим наблюдениям, описанная ошибка имеет широкое распространение, о чем свидетельствуют многочисленные речевые факты (узус) из разных типов дискурса, и формирует тенденцию, которая противоречит хотя и неявным, но все-таки нормативным предписаниям, которые легко извлекаются из данных толкового словаря.

Мы согласны с тем, что «кодификация не всемогуща: с одной стороны, слишком мало людей к ней обращаются, и с другой – она вынуждена меняться примерно каждые 10 лет из-за смены поколений и норм» [16, с. 52]. И совершенно очевидно, что в сфере грамматического плеоназма дескриптивное (как говорят и пишут, как принято говорить) противоречит «прескриптивному» (как надо, как правильно), если использовать терминологическую дихотомию Э. Косериу [17]. Невозможно не признать правоту Л. П. Крысина, который считает, что «речевая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласовании своих коммуникативных действий с возможностями системы, с традиционными способами использования языковых средств и с тем, что предписывают словари и грамматики» [18, с. 14]. В отношении грамматического плеоназма прескрипции скорее относятся к области нестрогого запрета и в

информативном нарративе представляют рекомендации его по возможности не употреблять.

В. Г. Костомаров считает, что при оценке нормативных явлений важна гармония языковой и речевой системы, без главенства коммуникативной целесообразности, которой можно оправдать любые просчеты, дефекты и ошибки: «Если нормальное развитие нормы обеспечивается равнодействием сохранности традиции и коммуникативной целесообразности, то сегодня влияние первой ослаблено, а вторая преувеличена и часто понимается искаженно» [19, с. 299]. А. В. Дегальцева и О. Б. Сиротинина обоснованно полагают, что в начале XXI в. «отношение говорящего или пишущего к норме меняется», она «отходит на второй план: в сознании носителей языка уделяется всё меньше внимания форме выражения мысли» [2, с. 370]. На этом в целом неблагоприятном фоне нельзя забывать о том, что «нормативность речи зависит от осознанного отношения каждого из нас к своей речи» [2, с. 376], даже в таких «мелочах», как грамматический плеоназм.

Список литературы

1. Исаченко О. М. Неочевидный плеоназм, или Держать «себя» в руках // Речевая коммуникация в современной России : тезисы докладов VI Международной науч. конф. (Омск, 27–30 сентября 2021 г.) / отв. ред. О. С. Иссерс. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. С. 29–31.
2. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. К проблеме изменения норм современного русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 368–376. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376>, EDN: VUIWGO
3. Есакова М. Н. Плеоназм как явление речевой избыточности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 24–31.
4. Зуева Т. Г. Формы речевой избыточности в речи теле- и радиожурналистов // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2010. № 57. С. 42–44.
5. Ковалева Т. А. К вопросу о типологическом своеобразии плеоназмов в русском языке в XXI веке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 98–101.
6. Ковалева Т. А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 158–163.
7. Эр. И. Хан-Пура. Плеоназм и тавтология. Разные судьбы плеоназмов // Русский язык. 2003. № 14. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200301409> (дата обращения: 21.07.2023).

¹³ А. П. Сквородников определяет лингвоэкологию как область, связанную с изучением «проблематики норм и компетенций речевого общения в их совокупности» [15, с. 15].

8. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Проблемы экологии современной научной речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-4-10>, EDN: GMKWEJ
9. Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст. к юбилею Г. А. Золотовой / сост. Н. К. Онипенко. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 512 с.
10. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. М. : Норинт, 2008. 1536 с.
11. Адамец П. Субъектность и возвратность // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст. к юбилею Г. А. Золотовой / сост. Н. К. Онипенко. М. : Эдиториал УРСС, 2002. С. 59–63.
12. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : AST-Press, 1999. 694 с.
13. Мухачёва И. В. Проблема выражения инкорпорированных актантов на синтаксическом уровне (на примере конструкций типа *оседлать лошадь богатым седлом*) // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 95-летию А. Ф. Прияткиной / отв. ред. : Е. С. Шереметьева [и др.]. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федер. ун-та, 2021. С. 169–174.
14. Богданова-Бегларян Н. В. Структура диалога при передаче чужой речи в русском повседневном дискурсе // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 95-летию А. Ф. Прияткиной / отв. ред.: Е. С. Шереметьева [и др.]. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федер. ун-та, 2021. С. 218–225.
15. Сквородников А. П. Экология русского языка. Красноярск : Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2016. 388 с.
16. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 256 с.
17. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового измерения) // Новое в лингвистике : сб. ст. / пер. с англ и фр. Вып. 3. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 143–343.
18. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика : сб. материалов II Междунар. науч. конф. / гл. ред. К. В. Анисимов. Красноярск : Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2007. С. 9–14.
19. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. 3-е изд. испр. и доп. СПб. : Златоуст, 1999. 320 с.

Поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования: 29.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing: 29.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 139–146
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 139–146
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-139-146>, EDN: HDDHFJ

Научная статья
УДК 811.161.1'38'42:001

Бисубстантивные предложения в научном дискурсе: виды оценок в научных статьях

А. Е. Ватина

¹Государственный университет просвещения, Россия, Московская обл., 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Россия, 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14

Ватина Анастасия Евгеньевна, ¹аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта; ²старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, an.vatina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3204-5989>

Аннотация. В статье проводится анализ общей и частных видов оценки, реализуемых в бисубстантивных предложениях в научных статьях по разным специальностям. Отмечается, что бисубстантивные предложения являются продуктивным средством выражения оценочного значения. Выявлено, что хотя в научных статьях преимущественно выражается нейтральная оценка, почти 12% всех проанализированных примеров имеют положительную или отрицательную оценку. Рассмотрено выражение оценки в предложениях с лексемой «проблема» и проанализировано использование интенсификаторов с данной лексемой. Отмечается тенденция к использованию эмоциональной оценки с целью привлечь внимание читателей. Определена частотность использования частнооценочных значений по классификации Н. Д. Арутюновой в бисубстантивных предложениях, использованных в научных статьях. Из 593 примеров предложений этого типа 327 имеют рационалистическую оценку (утилитарная оценка – 86 примеров, нормативная – 216, телеологическая – 34), сенсорная оценка встречается в 29 примерах (психологическая – 29, сенсорно-вкусовая – 0), сублимированная оценка выявлена в 5 примерах (эстетическая – 1, этическая – 4). Показано, что в одном предложении могут проявляться разные виды частных оценок, в то время как общая оценка может различаться внутри одного предложения только при наличии дополнительных средств противопоставления. Нормативная оценка является преобладающей. Отмечено, что 40% бисубстантивных предложений не имеют частнооценочного значения. Выявлено, что диминутивы в терминах не имеют оценочного значения в научном дискурсе.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, общая оценка, частная оценка, научный дискурс, научная статья, нейтральная оценка, нормативная оценка

Для цитирования: Ватина А. Е. Бисубстантивные предложения в научном дискурсе: виды оценок в научных статьях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 139–146. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-139-146>, EDN: HDDHFJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Bisubstantive sentences in scientific discourse: Types of evaluation in scientific articles

A. Y. Vatina

Federal State University of Education, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow region, Russia

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", 14 Krasnokazarmennaya St., Moscow 111250, Russia

Anastasia Y. Vatina, an.vatina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3204-5989>

Abstract. The article analyzes general and specific types of evaluation actualized in bisubstantive sentences in scientific articles in various specialties. It is noted that bisubstantive sentences are a productive means of expressing evaluative meaning. Although scientific articles have been revealed to express a predominately neutral evaluation, almost 12% of all analyzed examples have positive or negative assessments. The expression of evaluation in sentences with the lexeme "problem" is considered and the use of intensifiers with this lexeme is analyzed. There is a tendency to use emotional evaluation in scientific articles in order to attract the attention of readers. It was determined how frequently the specific evaluative meanings, based on the classification of N. D. Arutyunova, were used in bisubstantive sentences in scientific articles. Of the 593 examples of sentences of this type, 327 have a rationalistic evaluation (utilitarian evaluation – 86 examples, normative – 216, teleological – 34), sensory evaluation is found in 29 examples (psychological – 29, sensory-gustatory – 0), sublimated evaluation is identified in 5 examples (aesthetic – 1, ethical – 4). It is shown that different types of specific evaluation can appear in one

sentence, while general evaluation can vary within one sentence only if there are additional means of contrast. Normative evaluation prevails in scientific articles. 40% of bisubstantive sentences are noted to have no specific evaluative meaning. It has been revealed that in scientific discourse diminutives in scientific terms do not have evaluative meaning.

Keywords: bisubstantive sentences, general evaluation, specific evaluation, scientific discourse, scientific article, neutral evaluation, normative evaluation

For citation: Vatina A. Y. Bisubstantive sentences in scientific discourse: Types of evaluation in scientific articles. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 139–146 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-139-146>, EDN: HDDHFJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Понятие дискурса в современной лингвистике является многогранным. Дискурсом в разное время занимались В. Г. Борботько, Т. ван Дейк, В. И. Карасик, Н. Л. Никульшина, К. Ф. Седов и др. Н. Д. Арутюнова определила дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [1, с. 136]. Дискурс порождается участниками общения и характеризует их. В центре дискурса находится дискурсивная личность – человек как участник общения, проявляющий себя в разных типах коммуникативных ситуаций [2, с. 56].

Цель научного дискурса заключается в процессе выведения нового знания об окружающем мире [3]. В. И. Карасик выделил следующие признаки научного дискурса: участники (учёные-исследователи), хронотоп, цель, ценности, стратегии, тематика, разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты и дискурсивные формулы. К его разновидностям и жанрам относят научную статью, монографию, диссертацию, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчёт, рецензию, реферат, аннотацию и тезисы [4, с. 29]. Первичным жанром, «ядром» научного дискурса считается научная статья, основной задачей которой является постановка и решение одной научной проблемы [5, с. 86–89]. В научном дискурсе особой важностью обладают приращение знаний, беспристрастность, точность и ясность [3, с. 12–13]. При этом даже в научном дискурсе присутствует самовыражение дискурсивной личности, проявляющееся, например, в категорическом продвижении своей мысли и осмеянии чужих идей [6, с. 567–568]. Самовыражение проявляется особенно явно в оценочных предложениях.

Под оценкой вслед за Н. Д. Арутюновой мы понимаем соответствие (или несоответствие)

идеализированной модели мира, осознаваемой как цель бытия человека [7, с. 59]. При этом выделяется оценочная шкала «хорошее – безразличное – плохое», в которой «хорошее» соответствует, «плохое» – нет, а «безразличное» отмечается как нецениваемое, т. е. вовсе не причастное к идеализированной модели мира. Категорию оценки исследовали и продолжают изучать многие лингвисты (см., например, Дж. Мур, Г. фон Райт, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. А. Ивин, А. Вежицкая, Т. В. Маркелова и др.). Предложены разные классификации оценки, определены её виды, изучаются функционирование оценки в языке, способы выражения определённых типов оценки в разных частях речи и многое другое, однако выражение оценки в бисубстантивных предложениях не было ещё в полной мере затронуто исследователями.

Бисубстантивные предложения (БП) представляют собой самостоятельный тип двусоставных неглагольных предложений, предикативное ядро которых организовано двумя именами существительными (или их эквивалентами) при участии связки [8, с. 10]. БП называют продуктивным способом выражения характеристики и оценки персонажа, событий, фактов и явлений, которые описываются в тексте [9, с. 10]. Т. В. Маркелова и М. В. Петрушина отмечают, что БП находятся в ядерном репертуаре структурных схем предложений, актуализирующих оценочное значение в высказываниях. Оценочное значение в данном типе предложений создаётся в первую очередь лексически ограниченным наполнением компонентов, выступающих в роли предиката [10, с. 15].

Бисубстантивные предложения используются во всех функциональных стилях русского языка без ограничений, следовательно, оценочность, проявляющаяся в данном типе предложений, влияет на выражение оценки в том числе и в научном стиле. О выражении оценочного значения в научном стиле писали Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская, О. В. Кобзеева, М. Н. Кожина, М. П. Котюрова, Н. В. Соловьёва и др. Цель данной статьи – проанализировать реализацию оценочных значений в научном дискурсе

на материале бисубстантивных предложений, которые являются одной из синтаксических форм выражения оценки в русском языке.

Материалом исследования послужили научные статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК (картотека составляет 593 примера БП). Методом случайной выборки были отобраны 47 журналов разных специальностей за последние несколько лет: по архитектуре (например, «Academia. Архитектура и строительство»), по медицине («Acta Biomedica Scientifica»), по языкознанию («Язык и культура»), по автоматизации («Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении»), по авиастроению («Авиационные материалы и технологии»), по ветеринарии («Генетика и разведение животных») и др. Из каждого журнала была проанализирована одна статья. При отборе примеров не учитывались приведённые авторами цитаты, поскольку они были частью высказываний других людей и могли быть стилистически маркированными, относиться к иному времени и эпохе, а также могли иметь другую коммуникативную задачу.

Для анализа примеров необходимо определить со способом классифицирования. Шкала оценок представляется разными исследователями по-разному. Так, Н. Д. Арутюнова [7, с. 6], Е. М. Вольф [11, с. 29], Г. фон Вригт [12, с. 437] и другие предлагают использовать двучленную шкалу оценок «хорошо – плохо». Зона «безразличного» для оценки отмечается Е. М. Вольф [11, с. 16], А. А. Ивиным [13, с. 28–43], М. С. Миловановой [14, с. 176] и др. Мы предлагаем использовать шкалу общих оценок «хорошо – нейтрально – плохо», в которой нейтральная зона представляет собой центр оценочной шкалы, от которого ведётся переход в положительную или отрицательную зоны оценок [15, с. 7].

М. П. Котурова отмечает, что в современных научных текстах единиц со значением позитивной оценки в 7 раз больше, чем негативно-оценочных, что связывается с действием механизма преемственности в познавательной деятельности, а также с соблюдением стилистической нормы [16, с. 87]. Однако в рассматриваемом нами языковом материале в научных статьях количество бисубстантивных предложений с положительной оценкой составило 28 примеров (4,7%), с нейтральной – 525 (88,5%), с отрицательной – 41 (6,9%). В процентном соотношении общая сумма – 100,1% из-за наличия в одном предложении и положительной, и отрицательной оценки: *Во 2-ой группе результаты лечения 10 детей*

оценены 80–93 баллами, что является хорошим показателем, у пяти детей эти результаты оценены 60 баллами, что является удовлетворительным результатом, у одного больного результат оказался ниже 60 баллов (29 баллов), что является плохим результатом (Ходжа-нов И. Ю., Борзунов Д. Ю., Байимбетов Г. Дж. Лечение детей с множественными повреждениями костей, образующих локтевой сустав). При этом *удовлетворительным результатом* относится к положительной оценке, поскольку *удовлетворительно* – «отметка, обозначающая самую низкую из положительных оценок знаний», *удовлетворительный* – «достаточно хороший, удовлетворяющий определённым требованиям» [17, с. 1234]. Количество примеров с отрицательной оценкой превышает количество примеров с положительной незначительно, однако это может быть показателем того, что авторы чаще критикуют что-либо в процессе решения поставленных в статьях проблем. Мы предполагаем, что расхождение в количественном соотношении оценочных единиц во всех научных текстах и в научных статьях может свидетельствовать об особенностях жанра научных статей, для которых характерны постановка проблемы и поиск её решения.

В целом к положительной оценке обычно относятся предложения с лексемами *прогресс, плюс, рост, перспективный* и другими, обозначающими положительные изменения в чём-либо и обладающими изначальной положительной коннотацией: *Единственный плюс в растениеводстве, проявившийся в последнее время, – резкий рост (почти в 2,5 раза) продуктивности зерновых культур в крупных хозяйствах, что позволяет надеяться, что «живые» сельскохозяйственные предприятия стремятся к качественному улучшению своих показателей* (Даньшин А. И. Примитивизация сельского хозяйства как фактор и следствие развития экономики Смоленской области). К отрицательной оценке, соответственно, относятся предложения с лексемами с отрицательной коннотацией: *Существенным недостатком в их использовании является неудобство взятия крови для анализа в условиях хронического опыта, особенно, если необходимо относительно большой объём крови* (Васильева С. В., Карпенко Л. Ю., Душенина О. А. Поиск оптимальных способов забора крови у лабораторных крыс в условиях хронического опыта).

Проведённый анализ показал, что оценка, выражаемая в бисубстантивных предложениях, не всегда зависит от конкретной лексической

единицы. На примере БП, содержащих слово *проблема*, можно продемонстрировать амбивалентность оценки. В толковых словарях проблемой называют сложный вопрос, задачу, требующие разрешения, исследования [17, с. 907; 18, с. 538]. Такие слова, как *проблема*, *вопрос* и другие, М. П. Котюрова называет словами широкой семантики и определяет, что в научных текстах они зафиксированы в общеупотребительном значении «трудность», хотя познавательно-научное значение данной лексемы – «противоречие, требующее научного исследования», и приходит к выводу, что в научном стиле происходит смешение данных значений [19, с. 156]. Лексема *проблема* концентрированно выполняет оценочную функцию и эксплицирует главные характеристики научного знания – степень достоверности, дискуссионность и новизну [16, с. 234]. Предложения с лексемой *проблема* могут обладать любой оценкой в зависимости от контекста употребления.

Положительная оценка достигается при наличии прилагательных с положительной семантикой и других средств выражения положительной оценки: **Одним из путей рационального природопользования является эффективное решение проблемы утилизации отходов** (Жигулина А. Ю., Пономаренко А. М. Инновационные решения в проектировании систем мусороудаления для многоэтажных зданий). Лексема *эффективный* имеет значение ‘дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный’ [18, с. 791]. Данная лексема обладает утилитарным значением пользы, имеющим положительную оценку. Н. Д. Арутюнова, рассуждая о природе оценки, определяет её антропоцентризм, заключающийся в том, что оценка непосредственно связана с человеком и его оценкой объектов по критериям, важным человеку и человечеству [20, с. 197]. Автор высказывания, выбирая лексему *эффективный*, определяет путь, по которому, на его взгляд, следует продвигаться в решении проблемы утилизации отходов, тем самым подчёркивая существование определённого способа утилизации, выгодно отличающегося от остальных. Выбранное им прилагательное *эффективный* демонстрирует важный для данного автора критерий для поиска новых знаний и решения поставленных задач.

Отрицательная оценка проявляется аналогичным образом: **Помимо прочего, серьёзной проблемой является дискомфорт, связанный с новой – академической – жизнью, в том числе отсутствие чувства принадлежности к обществу университета** (Ивченко М. И., По-

ляков О. Г. Развитие студенческого сообщества как способ совершенствования изучения иностранного языка). В данном примере *серьёзный* означает ‘требующий пристального к себе внимания, чреватый важными последствиями, опасный’ [17, с. 1066] и имеет отрицательную оценку. Нейтральная оценка проявляется в научных статьях, если автор обозначает существование какой-либо проблемы без дополнительных оценочных средств: **Уменьшение или исключение негативного воздействия бытовых отходов на человека и природную среду является одной из главных экологических проблем современного общества** (Жигулина А. Ю., Пономаренко А. М. Инновационные решения в проектировании систем мусороудаления для многоэтажных зданий). Здесь словосочетание *одной из главных* является интенсификатором и не влияет на изменение общей оценки по шкале «хорошо – нейтрально – плохо». В указанном словосочетании проявляется частнооценочное значение, которое может свободно сочетаться с любой общей оценкой, а том числе и с нейтральной.

В анализируемых примерах с лексемой *проблема* авторы часто прибегают к интенсификаторам. Усиление оценки повышает убедительность изложения и демонстрирует определённую авторскую позицию. В проанализированных нами примерах интенсификаторами выступают имена прилагательные, стоящие в непосредственной близости к лексеме *проблема*: *важная, не менее важная, важнейшая, главная, серьёзная, серьёзнейшая, существенная, большая, комплексная, глобальная, актуальная*. Выбор имени прилагательного диктуется интенцией автора повлиять на читателя, а также показать критичность научного мышления учёного. Существует два типа основания оценок – логический (рациональная оценка) и иррациональный (эмоциональная оценка) [19, с. 102]. Авторы с помощью указанных имён прилагательных выражают различные оттенки рациональной оценки (известность, актуальность, важность, точность, целесообразность и др.) и эмоциональной оценки (удовольствие, одобрение, раздражение, осуждение и др.). Особенно явно эмоциональная оценка проявляется в примерах с именами прилагательными в превосходной степени (*важнейшая, серьёзнейшая*). Мы можем предположить, что это связано с особенностями идиостиля отдельных авторов, а также со стремлением авторов оказать воздействие на читателя не только силой логических доводов и аргументированностью мысли, но и с помощью сильных чувств, чтобы вызвать у читателя эмоциональный отклик.

Оценка передаёт не только общее отношение субъекта оценки к объекту по шкале «хорошо – нейтрально – плохо», но и частнооценочные значения. Существует несколько классификаций таких значений. Самой известной из них является классификация Н. Д. Арутюновой, выделяющей сенсорные (сенсорно-вкусовые, или гедонистические, и психологические), сублимированные (эстетические и этические) и рационалистические (утилитарные, нормативные и телеологические) значения [7, с. 75]. С. О. Малевинский называет частнооценочные значения критериальными оценками и выделяет параметрические, стандартные, нормативные, утилитарные, истинностные и идеальные [21]. Л. М. Васильев составил классификацию частнооценочных предикатов и разделил их на утилитарные (в них, по его мнению, проявляется рациональная оценка), этические, эстетические, сенсорные и связочные (относятся к эмоциональной оценке) [22, с. 381]. В данном исследовании мы придерживаемся классификации Н. Д. Арутюновой, считая её классификацию наиболее полной и проработанной.

Из 593 примеров проанализированных бисубстантивных предложений из научных статей большинство имеют рационалистическую оценку: утилитарная оценка встречается в 86 примерах, нормативная – в 216, телеологическая – в 34. Сенсорная оценка встречается заметно реже: 29 примеров психологической оценки и ни одного – сенсорно-вкусовой оценки. Практически не встречается сублимированная оценка: 1 пример эстетической оценки и 4 – этической оценки. Проанализируем примеры, содержащие данные виды оценки.

Статья, включающая предложение с эстетической оценкой, отличается по стилю от всех рассмотренных. Авторы во введении отходят от научного стиля и используют яркие оценочные прилагательные, добавляя элементы научно-популярного стиля: *Арктика от греческого «медведица», «находящаяся под созвездием Большой Медведицы», – поистине, удивительное место на планете Земля с неповторимой окружающей средой и множеством природных ресурсов* (Глебова Л. В., Баринаева А. С. Влияние антропогенного воздействия на компоненты геологической среды Арктической зоны Российской Федерации). В данном примере эстетическая оценка *неповторимая окружающая среда* объединяется с психологической *удивительное место*. Указанное предложение находится во введении статьи, в котором автор устанавливает эмоциональный контакт с читателем и опреде-

ляет своё отношение к исследуемому объекту. Этическая оценка появляется в предложениях, в которых упоминаются религиозные образы и концепты, деятельность международных организаций и концепт социальной справедливости: *Мир действительного в контексте психологоса православия предусматривает некую модель поведения как истину, в которой образ Спасителя, Богородицы, святых – это ориентиры преобразования или самосовершенствования внутри концептосферы* (Емелькина И. В. Космо-психологос православия в условиях вызовов современности). Этическая оценка проявляется косвенно, поскольку автор не утверждает моральность или аморальность данных образов, опираясь на общекультурные и религиозные знания читателей. Некоторые явления, важные для духовной и общественной жизни человека, оцениваются с точки зрения этики. Используя подобные явления в речи, авторы учитывают заложенную в них этическую оценку. Мы приходим к выводу, что частные виды оценки связаны с содержанием и с композиционным строением научной статьи.

Психологическая оценка подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную оценку [7, с. 75]. Среди 29 бисубстантивных предложений с данной оценкой 7 примеров содержат прямое указание на те или иные явления, события, представляющие для исследователей интерес, например: *Большой интерес представляет использование органического сырья (как правило, в сельском хозяйстве) для экономики предприятий замкнутого цикла, которые являются и производителями, и потребителями биогаза* (Кулагин В. А., Дунаева Н. В., Яковлева Д. Д. Новые технологии использования биогаза как способ решения экологических проблем). Данные примеры относятся к интеллектуальной оценке, описывающей что-либо как интересное, увлекательное, банальное, скучное, захватывающее и т.д. В эмоциональной оценке присутствуют значения «радостный», «печальный», «желанный», «нежеланный», «приятный», «неприятный» и другие, например: *Факт существования реализации права на свободу мысли и слова является предметом острых обсуждений и дискуссий как среди политологов, юристов и государственных деятелей в общем, так и среди работников информационной среды, журналистов* (Горлов Е. В., Шириня А. А. Основные правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в современной России). *Острые дискуссии* имеют дополнительную окраску как напряжённые, критические, болезненные.

Мы различаем рациональные и эмоциональные оценки. Эмоциональная оценка связана с непосредственной реакцией на объект, а рациональная предполагает оценочное суждение. Согласимся с мнением Е. М. Вольф, что разделение чисто рационального и чисто эмоционального в языке условно [11, с. 40]. Стоит отметить, что термин «эмоциональная оценка» в нашей работе используется в двух значениях, поскольку существует в рамках оппозиции эмоциональной и рациональной оценки, а также как часть классификации частных оценок Н. Д. Арутюновой. Рациональную оценку также следует отличать от термина, предложенного Н. Д. Арутюновой, назвавшей одну из групп частнооценочных значений рационалистической оценкой [7, с. 76]. Данная оценка включает в себя утилитарную, нормативную и телеологическую оценки и связана с практической деятельностью и интересами человека. Наш материал показывает, что преобладающее количество предложений с рационалистической оценкой связано с особенностью научного стиля, который ориентируется не на эмоционально-чувственное, а на логическое восприятие и стремится к максимальной объективности.

Исследование О. О. Шкиль показало, что высказывания, содержащие телеологическую оценку, чаще всего принадлежат научному, производственному и публицистическому дискурсам [23, с. 27]. Н. Д. Арутюнова подчёркивает в целом телеологичность любой оценки (общей и частной) [7, с. 58], но в своей классификации сужает понятие и представляет её как оценку, связанную с эффективностью достижения цели [7, с. 76]. При этом появляется проблема различения телеологической оценки и утилитарной. Одно и то же явление может быть оценено и как полезное или вредное для чего-либо, и как эффективное или неэффективное для достижения какой-либо цели. По нашему мнению, отличие проявляется в наличии субъекта пользы в утилитарной оценке и в присутствии определённой цели в телеологической. В одном предложении могут оказаться оба эти оценочных значения: **Существенным препятствием для развития биогазовых станций в России стало ограничение, по которому максимальный объём поставленной электроэнергии на ВИЭ не может превышать 5% от ежегодного объёма потерь в сетях региона** (Кулагин В. А., Дунаева Н. В., Яковлева Д. Д. Новые технологии использования биогаза как способ решения экологических проблем). Субъект пользы скрытый, но он восстанавливается по контексту: это люди, занимающиеся развитием

биогазовых станций. Целью, для которой это ограничение стало существенным препятствием, является развитие биогазовых станций. Лексемы со значением «эффективный» являются продуктивным маркером телеологической оценки в БП: *С течением времени в области экспертного контроля наиболее эффективным и распространённым методом стало машинное обучение* (Чирков А. В., Гагарина Л. Г., Миронов Н. С., Липовый Р. В. Методы автоматизации диагностики в предметной области). В предложениях с утилитарной оценкой обычно субъект пользы выражен эксплицитно: *Как указывалось, одним из неблагоприятных для растений факторов на ледниках являются низкие температуры* (Белкина О. А., Мавлюдов Б. Р. Мхи на ледниках Шпицбергена). Субъект пользы представлен эксплицитно словоформой с предлогом *для растений*.

Наиболее продуктивным видом частной оценки в БП в научных статьях является нормативная оценка (216 примеров из 593), что связано с главной особенностью научного дискурса – точным объяснением мира. По мнению А. А. Алексеевой, нормативная оценка связана с недифференцированным отражением идеи соответствия или несоответствия норме, стандарту, правилам, традициям и т.д., но представляет собой категорию, включающую разные подтипы, такие как собственно нормативные, истинностные, рейтинговые, этические, эстетические, интеллектуальные, диффикультарные, временные, пространственные, секуритарные, композиционные и медицинские [24, с. 11–12]. Нам представляется, что нормативная оценка, как и другие частные виды оценки, например этическая, могут объединяться и дополнять друг друга, но не являться при этом подтипом. Вслед за Л. А. Сергеевой считаем, что норма служит основанием оценки предметов, действий, процессов и состояний [25, с. 195]. Проанализируем пример сочетания двух типов частной оценки: **Реанимация «атомной энергетики» явилась событием уникальным – до тех пор нигде ранее не «приводили в чувство» реактор и всё остальное оборудование после столь длительного простоя в условиях, далёких от нормативных требований** (Акобян М. Т., Ксенофонтов А. И. Пути энергообеспечения в Республике Армения). Нормативная оценка проявляется в отклонении от нормы, в уникальности события, единственном в своём роде. Вынесение согласованного определения *уникальным* в постпозицию по отношению к определяемому слову актуализирует семантику прилагательного и подчёркивает его

смысл, который раскрывается в дальнейшем контексте. Психологическая оценка связана с выбором лексических средств («реанимация», «приводили в чувство») и с использованием средств научно-популярного стиля, что позволяет оценить данное событие как захватывающее и увлекательное.

Произведённый анализ показал, что 40% бисубстантивных предложений в научных статьях не обладает частнооценочным значением. Частные виды оценки не являются облигаторными, они расширяют и дополняют общую оценку, присутствующую во всех БП: *Она подчеркнула важность принятия практических шагов по созданию доступных библиотек качественных данных для того, чтобы граждане могли осознанно распорядиться своими данными (положительным примером в этой связи может служить опыт работы интернет-портала «Госуслуги»)* (Емелин И. А. Государственная служба: риски и вызовы). Положительная оценка в данном примере не дополнена никаким из видов частнооценочных значений.

Обращает на себя внимание использование диминутивов в научном стиле. Как известно, диминутивы являются одним из средств выражения оценки в русском языке [26, с. 103]. Говорящий, намеренно используя различные способы отклонения от нейтральности языковой единицы, получает возможность выражения своего оценочного отношения. Однако существительные, называющие животных и растения, являются нейтральными с точки зрения оценки, потому что представляют собой термины или входят в состав терминологических сочетаний. Использование терминов – характерная особенность стиля научной статьи: *Веслоногий рачок *Thermocyclops oithonoides* (Sars, 1863) является массовым видом пелагического зоопланктона Онежского озера и важным кормовым объектом для рыб-планктофагов* (Фомина Ю. Ю., Сярки М. Т. Жизненный цикл рачка *Thermocyclops oithonoides* (Sars, 1863) в Онежском озере). Таким образом, в научных статьях термины-диминутивы прямо не влияют на формирование оценочного значения. Оценочное значение может возникнуть только в восприятии текста неподготовленным читателем.

В заключение можно сделать вывод о том, что в научных статьях бисубстантивные предложения выражают преимущественно нейтральную оценку. Среди частнооценочных значений преобладает рационалистическая нормативная оценка, поскольку главной особенностью научного дискурса является необходимость точ-

ного объяснения мира. Выбор частнооценочных средств может быть связан с содержанием и композиционным строением научной статьи. Общая и частная оценки со словами широкой семантики зависят от интенсификаторов, используемых автором высказывания. Выбор интенсификатора связан с желанием автора выразить различные значения рациональной и эмоциональной оценки. Использование имён прилагательных в превосходной степени в качестве интенсификатора связано с особенностями идиостиля отдельных авторов. Наряду с этим отмечается тенденция к активизации эмоциональной оценки в научном тексте, что свидетельствует о необходимости привлечь внимание читателей, заинтересовать их обсуждаемой проблемой, убедить в своей правоте, воздействуя не только на разум, но и на чувства. Проанализированный языковой материал показывает, что при высокой продуктивности бисубстантивных предложений в научных статьях большая часть из них не обладает частнооценочным значением. Диминутивы, используемые в качестве терминов, на выражение оценки не влияют.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 56–77. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77>
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
4. Мордовина Т. В. Обучение магистрантов письменно-му научному дискурсу (на материале научной статьи; английский язык) : дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2013. 268 с.
5. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 206 с.
6. Карасик В. И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9, № 3. С. 564–574. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).564-574](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574)
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 342 с.
8. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М. : Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
9. Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста / отв. ред. Т. Е. Шаповалова, зам. отв. ред. В. В. Леденёва. М. : Постатор, 2022. 244 с.

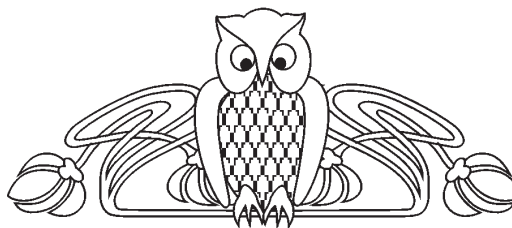
10. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М. : Ин-т современного искусства, 2019. 232 с.
11. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. стер. М. : ЛИБРОКОМ, 2020. 278 с. (Лингвистическое наследие XX века).
12. Вригт Г. Х. Логико-философские исследования. Избранные труды : пер. с англ. / сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов ; общ. ред. Г. А. Рузавина, В. А. Смирнова. М. : Прогресс, 1986. 594 с.
13. Ивин А. А. Основания логики оценок. М. : Директ-Медиа, 2015. 339 с.
14. Общая и русская лингвоаксиология / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик [и др.] ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М. : ИЯЗРАН ; Ярославль : Канцлер, 2022. 390 с.
15. Ватина А. Е. Особенности семантики бисубстантивных предложений с нейтрально оценочным значением // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1 С. 6–12. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-1-6-12>
16. Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Флинта ; Наука, 2008. 280 с.
17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1376 с. (Новые словари).
18. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
19. Котюрова М. П. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). М. : Флинта, 2019. 263 с.
20. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
21. Малевинский С. О. Типология оценочных значений и их языковое выражение // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2006. Т. 1, № 2. С. 91–97. URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_3_03.htm (дата обращения: 02.10.2023)
22. Васильев Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: Сборник избранных статей. Уфа : БашГУ, 2006. 520 с.
23. Шкиль О. О. Телеологическая оценка в русском языке: опыт анализа отдельных репрезентаций // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 27–30.
24. Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 5–15. <https://doi.org/10.17223/15617793/449/1>
25. Сергеева Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2004. 316 с.
26. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2013. 609 с.

Поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 05.02.2024

Научная статья
УДК 811.161.1'276.5

Категориальное моделирование подъязыка гомеопатии

А. Э. Буженинов

Уральский государственный университет путей сообщения, Россия, Свердловская область, 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66

Буженинов Александр Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, alexandrebougeninov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0116-6355>

Аннотация. Статья посвящена категориальному моделированию подъязыка гомеопатии. Подъязык профессиональной области знания и/или деятельности является средством вербализации ее понятий, концепций и категорий и служит формой создания, интерпретации, хранения и передачи специального знания. На материале 1258 терминов и общелитературных слов, взятых из гомеопатических словарей, монографий и учебных пособий по гомеопатии, выделяются восемь универсальных онтологических и гносеологических категорий (категории деятеля, состояния, процессов, занятий, свойств, величин, наук и отраслей, орудий) и одна специфическая для данного подъязыка категория препарата. Именно данные категории концептуально значимы для данного подъязыка, они формируют «каркас» гомеопатического знания. Универсальные категории присущи любой научной сфере, тогда как специфическая категория препарата является уникальным ментальным конструктом в силу специфичности составляющих эту категорию концептов и преобладающих средств их вербализации. С точки зрения вербализации гомеопатических концептов, формирующих выявленные категории, наибольший удельный вес имеет отраслевая (общемедицинская, анатомическая, клиническая) терминология, что обусловлено молодостью гомеопатии как профессионального знания и ее статуса ответвления медицинской науки. Общелитературная лексика также присутствует в гомеопатических текстах и репрезентирует часть обыденного знания, неизбежного для любой научно-профессиональной сферы, что обусловлено необходимостью коммуникации не только в рамках схемы «специалист – специалист», но и схемы «специалист – неспециалист» (например, «врач – пациент»). Наименьшую долю составляет пласт узкоспециальной, собственно гомеопатической терминологии, вербализующей уникальные концепты, созданные гомеопатией. Результаты исследования позволяют углубить знание о соотношении универсальных и специфических категорий в профессиональных подъязках и соотношении средств вербализации соответствующих концептов.

Ключевые слова: категория, категориальное моделирование, подъязык, LSP, концепт, термин, отраслевая терминология, узкоспециальная терминология

Для цитирования: Буженинов А. Э. Категориальное моделирование подъязыка гомеопатии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 147–152. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-147-152>, EDN: PCZZVQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Categorical modeling of the sublanguge of homeopathy

A. E. Buzheninov

Ural State University of Railway Transport, 66 Kolmogorova St., Ekaterinburg 620034, Russia

Alexander E. Buzheninov, alexandrebougeninov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0116-6355>

Abstract. The article considers the categorical modeling of the sublanguge of homeopathy. The sublanguge of a professional area of knowledge and/or activity is a means of verbalizing its notions, concepts and categories, and serves as a form of creation, interpretation, storage and communication of special knowledge. On the material of 1258 terms and general literary words from homeopathic dictionaries, monographs and tutorials on homeopathy, 8 universal ontological and epistemological categories are distinguished (categories of agent, state, processes, occupations, properties, values, sciences and branches, tools) and one category, characteristic for this sublanguge, – “Medication”. These particular categories are conceptually significant for this sublanguge, they form the “framework” of homeopathic knowledge. Universal categories are inherent in any scientific field, while the specific category “Medication” is a unique mental construct due to the distinctive characteristics of the concepts constituting this category and the prevailing means of their verbalization. From the point of view of verbalization of homeopathic concepts that form the identified categories, the sector-specific (general medical, anatomical, clinical) terminology has the largest share, which results from the youth of homeopathy as a professional knowledge and its status as a branch of medical science. General literary vocabulary is also present in homeopathic texts and represents a part of everyday knowledge that is inevitable for any scientific and professional field, due to the

necessity to communicate not only within the framework of the “specialist – specialist” scheme, but also within the “specialist – non-specialist” scheme (for example, “doctor – patient”). The smallest share is the layer of highly specialized, homeopathic terminology per se, verbalizing unique concepts created by homeopathy. The results of the study make it possible to enrich the knowledge of the relationship between universal and specific categories in professional sublanguages and the relationship between the means of verbalization of the corresponding concepts.

Keywords: category, categorical modeling, sublanguage, LSP, concept, term, sector-specific terminology, highly specialized terminology

For citation: Buzheninov A. E. Categorical modeling of the sublanguage of homeopathy. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 147–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-147-152>, EDN: PCZVQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вопросы соотношения различных типов знания и вербализующих их единиц являются особенно дискуссионными в современной науке о языке. Появление новых, а также развитие и совершенствование уже имеющихся научных, технических и иных областей знания и/или деятельности неизбежно ставят вопрос об адекватном вербальном воплощении, систематизации понятий и концепций для последующей коммуникации в этих областях.

Важнейшим феноменом языкового и концептуального уровня в научной сфере становится LSP, language for special purposes (ЯСЦ, язык для специальных целей в русской традиции). Это понятие зарождается в 70-е гг. XX в. в рамках терминоведения и функциональной стилистики и противопоставляется разговорно-обиходному языку (LGP, language for general purposes). В современных исследованиях также пользуются такими терминами, как «профессиональный язык», «специальный язык», «субязык», «подязык», «язык профессиональной коммуникации», в зависимости от аспекта изучения: функциональный аспект, терминосистема или профессиональное просторечие и т.д.

Мы будем пользоваться термином *подязык*, подразумевающим статус функциональной разновидности языка, использующейся в научно-профессиональных сферах знания для формирования, описания, объяснения и передачи их понятий и концепций [1–6]. Как указывают С. В. Гринев-Гриневиц и Э. Я. Сорокина, «каждая профессиональная отрасль научного знания имеет свой ЯСЦ, созданный на базе национального языка» [2, с. 31].

Под подязыком мы будем понимать совокупность языковых средств, использующихся в какой-либо области профессионально-научных знаний и/или деятельности, служащую преимущественно для передачи предметной информации и отражающую понятийный аппарат данной науки (Н. Д. Андреев, А. С. Герд, Н. Б. Гвишиани, А. И. Комарова, З. И. Комарова, В. М. Лейчик, С. Е. Никитина, А. В. Суперанская, L. Dépecker, F. Gaudin, M.-C. L’Homme, M. Slodzian, J. Sager и др.).

Важнейшими составляющими LSP как языка, использующегося в научно-профессиональных сферах знания, на языковом уровне являются терминологическая лексика и соответствующие тексты.

Подязык, имея в своей основе термин, становится исключительно важным средством вербализации специального знания в науке, профессиональной деятельности и коммуникации. Термин является комплексной единицей, сочетающей в себе признаки и свойства языковой и ментальной сфер, а исследование подязыка – это «изучение корреляций между структурами специального знания и структурами языка» [5, с. 178].

Совкупность терминов и общелитературных языковых средств вербализуют знания, концепции в тексте. Как указывает А. С. Герд, текст, который составляет LSP, – это «текст, содержание которого составляет то или иное профессиональное знание – научное, правовое, техническое...» [7, с. 21].

Научные сферы и, как следствие, обслуживающие их подязыки отличаются категориальной стратификацией. Моделирование категориальной структуры того или иного подязыка позволяет смоделировать «каркас» науки, выявить ключевые тематические блоки, вокруг которых выстраивается научная концепция.

Первым ученым, писавшим о категориальной классификации, был Д. С. Лотте, он первым выделил четыре научно-технических категории: процессов, предметов техники, свойств и единиц измерения [8, с. 29]. Позже Т. Л. Канделаки дополняет эту систему категорий категориями величин, наук и отраслей, профессий (категория профессионального деятеля, по Е. И. Головановой) [9, с. 9].

В дальнейшем было предпринято немало попыток категориального описания той или иной науки, сферы знания и/или деятельности, выявления как универсальных для терминоведения категорий, так и специфических для исследуемой предметной области. Так, в диссертации Е. В. Бекишевой в клинической терминологии представлена форма языковой репрезентации

гносеологической категории пространства [10]. В исследовании [11] представлены категории пространства, времени, причины в терминологии миграционного права.

В работе [12] предложена категориальная модель общеэкологической терминологии на основе универсальных, понятийных категорий (субстанции, свойств, качества и т.д.) и модель общелингвистической терминологии на основе категорий единицы, структуры, формы, отношения. Показана роль категориального моделирования для двух прикладных задач: формирование словника терминологического двуязычного словаря и дидактическая задача обучению языка науки. Категориальная модель рассматривается как модель фиксации базовой терминологии соответствующих областей знания.

С тех же позиций исследуется категориальная модель терминосистемы экологического аудита в работе [13]. Категориальная модель данной терминологии также основывается на универсальных понятийных категориях и выполняет систематизирующую функцию при составлении глоссария.

Изучается и категориальное моделирование терминосистем: биржевого дела [14], физики низкоразмерных систем [15], экономики [16], строительства [17].

Необходимо отметить, что данные исследования посвящены категориальному моделированию терминологий или терминосистем. Единицами исследования являлась терминологическая лексика, дефиниции терминов, терминополь.

В настоящем исследовании ставится цель выявления категорий профессиональной сферы знания «Гомеопатия», вербально представленной в подъязыке гомеопатии. При этом подъязык включает в себя не только терминологическую лексику. С одной стороны, подъязык как целостный фрагмент национального языка, приспособленный для специальной коммуникации, является совокупностью единиц всех уровней языка, необходимых для ее осуществления. С другой стороны, это обусловлено молодостью самой гомеопатии, незначительным количеством собственной терминологии и тем фактом, что основная доля терминологических единиц, бытующих в гомеопатическом подъязыке, – общемедицинские термины. Более того, лексикографическая фиксация понятий и терминов гомеопатии ничтожно мала, что обуславливает обращение в первую очередь к дискурсивным источникам по гомеопатии.

Таким образом, единицами анализа в настоящем исследовании являются три лексических

пласта подъязыка гомеопатии: 1) общеупотребительная лексика, вербализующая релевантные для гомеопатии понятия и отражающая обыденное, наивное знание; 2) общемедицинские термины, родовые для гомеопатии (клинические, анатомические и т.д.); 3) узкоспециальные термины, репрезентирующие понятия, выработанные в рамках самой гомеопатии. Общий массив единиц анализа составил 1258 терминов и общенародных лексических средств.

Исследование проводилось в несколько этапов. Первый этап – составление корпуса терминологических средств подъязыка гомеопатии. Единицы извлекались из двух видов источников: сферы фиксации терминов (словари и справочники) и сферы функционирования (учебные пособия и монографии). Через выделение специального корпуса терминологических средств устанавливались границы предметного знания гомеопатии.

На втором этапе в системно-категориальном аспекте выделялись категориальные признаки научных концептов посредством компонентно-дефиниционного анализа семантики терминов.

Третий этап предполагал концептуальный анализ семантики терминов в речевом аспекте (в гомеопатическом дискурсе).

На четвертом этапе ранжировались концептуальные признаки и моделировалась иерархическая структура категорий.

Пятый этап заключался непосредственно в категоризации – объединении концептов в категории на основе категориально-понятийного анализа (родо-видовая разновидность у Т. Л. Канделаки).

Анализ фактического материала показал, что предметная сфера гомеопатии включает девять крупных категорий, восемь из которых являются универсальными онтологическими и гносеологическими категориями, свойственными различным сферам знания и их подъязыкам, и одна – специфическая. Рассмотрим эти категории, их базовые концепты, а также соотношение вербализующих их лексических средств.

1. Категория деятеля. Объективируется двумя концептами: «Врач-специалист» и «Пациент». Следует отметить, что предметная сфера гомеопатии обуславливает некую специфичность данной категории, традиционно постулируемую как категория профессионального деятеля (Т. Л. Канделаки, Е. И. Голованова, Л. А. Шкатова, Е. А. Федотова и др.). В гомеопатическом подъязыке и профессиональной сфере гомеопатии пациент как «непрофессиональный» деятель (и различные вербализующие этот концепт

средства) также играет ключевую роль. Подавляющее большинство средств-вербализаторов выявленных концептов – отраслевая терминология (50,7%): *нейрофизиолог, сосудистый хирург, нефролог. Узкоспециальная терминология – 36,2% (гомеопат, комплексист, уницист, псорический больной)*. Общелитературная лексика – 13,1% (*больной, врач*).

2. Категория состояния. Включает один суперконцепт «Болезнь как нозологическая форма» и два концепта: «Болезнь как состояние нездоровья» и «Симптом». Суперконцепт «Болезнь как нозологическая форма» состоит из 12 концептов, номинирующих различные нозологические группы: болезни почек, психические заболевания, болезни органов пищеварения и т.п. Подавляющее большинство вербализующих концепты лексем – отраслевая терминология (62,3%), фактически представляющая собой номенклатуру болезней: *сахарный диабет, лейкоцитоз, фиброз печени* и т.п. Общелитературная лексика (28,2%) представляет собой общенародные наименования болезней, зачастую это обиходные синонимы нозологических терминов, имеющих греческие и латинские терминологические элементы: *малокровие, белая горячка, изжога, воспаление десен*. Достаточно высокий процент данных единиц говорит о том, что в гомеопатическом дискурсе важна и функция коммуникации с неспециалистом, например пациентом. Узкоспециальная терминология – 14,1%. Наименьшая доля собственно гомеопатических терминов категории состояния обусловлена тем, что, будучи ответвлением медицины, гомеопатия не изобретает новых заболеваний, а стремится излечить уже известные. Тем не менее, некоторые оригинальные понятия выработаны гомеопатией и особенно характерны для концепта «Симптом» (*элиминирующий симптом, симптомы испытаний, модальность ухудшения*).

3. Категория процессов объективируется двумя концептами: «Физиологические процессы» и «Физиологические процессы, происходящие в организме под воздействием препарата». Составляющие концепты термины вербализуются преимущественно отраслевой терминологией (57,9%) и общенародной лексикой (25,3%): *атрофия, патологическая адаптация, соматизация невротиков, отравление, расширение сосудов* и др. Узкоспециальная терминология наименее представлена – 16,8% (*выведение гомотоксинов, прогрессивная викарная гомотоксикоз*).

4. Категория занятий, процедур. В отличие от категории процессов, категория занятий репрезентирует концепты, связанные с

действиями, направленными на достижение некоего результата. Универсальная онтологическая и гносеологическая категория занятий репрезентируется концептами «Процедура терапии», «Процедура диагностики», «Процедура приготовления препарата» и «Работа с документацией». Большинство лексических средств (49,4%) принадлежат отраслевой терминологии: *гемотерапия, операция, фиброскопия, мацерация* и т.п. Гомеопатическая терминология составляет 30,2%: *потенцирование препарата, гомеопатическая пазология, индивидуализация препарата*. Общелитературная лексика наименее представлена – 20,4%: *взятие крови, лечение, сушка* и т.п.

5. Категория свойств репрезентируется тремя концептами: «Свойства пациента и его организма», «Свойства болезни», «Свойства препарата». Категория свойств примечательна тем, что лексика общенародного фонда и отраслевая терминология имеют практически равный удельный вес в вербализации концептов категории. Общелитературная лексика составляет 42,2%: *бесчувственность, тяжесть течения заболевания, высокомерие* и др. Отраслевые термины (медицины, психологии, анатомии) – 41,6%: *фрустрация, резистентность, тонус капилляров, психотип* и др.

Такой паритет может объясняться двумя схемами гомеопатической коммуникации: «специалист – специалист» и «специалист – неспециалист (пациент)». Поэтому значителен пласт общенародных слов, дублируемых терминами: *злоба – агрессия, скудость эмоций – дефицит чувств, неудовлетворенность – фрустрация* и т.д.

Наименее представлена собственно гомеопатическая терминология (16,2%): *типологичность препарата, конституциональное подобие, гомеопатический тип* и др.

6. Категория величин включает два концепта: «Величины, связанные с дозировкой» и «Величины, связанные с деятельностью организма». Отраслевой терминологией (*терапевтическая доза, субтоксическая доза, мышечная масса* и т.д.) представлены 32,7% вербализующих средств. Общелитературная лексика и узкоспециальная терминология оставляют 31,2%: *уровень сахара в крови, степень тяжести заболевания, десятичная доза, шкала разведения* и др.

7. Категория наук и отраслей представлена одним одноименным концептом и отражает понятия о гомеопатических школах и обще медицинских специальностях, с необходимостью присутствующих в гомеопатических текстах. Отраслевая терминология занимает доминирующее положение (61,9%), так как медицина явля-

ется одной из древнейших сфер человеческого знания: *хирургия, фармакология, кардиология, биохимия, педиатрия* и т.п. Гомеопатическая терминология занимает второе место (31,7%): *гомеопатия, аллопатия, гомеопатический унцизм* и т.п. Общелитературная лексика составляет лишь 6,4% и репрезентирует общенародные наименования гомеопатии и академической медицины: *доказательная медицина, нетрадиционная медицина* и т.п.

8. Категория орудий также представлена одним одноименным концептом. Данная категория объединяет понятия, отражающие представления о технической стороне науки (сфера деятельности). Поэтому, в отличие от других категорий, рассматриваемых ниже, орудийная категория суть категория предметная. Основоположник категориального подхода к терминологии Д. С. Лотте выделял среди первых категорий терминоведения категорию предметов, к которой фактически можно было отнести все, что имеет общее категориальное значение предметности. Однако все возрастающее разнообразие различных наук, областей человеческого знания и профессионального опыта не позволяет таким образом объединять разнородные концепты в одну категорию. В связи с этим в последнее время постулируется специфическая категория терминоведения – категория орудий как особых артефактов, с неизбежностью применяемых в той или иной научной деятельности человека в качестве производительной силы общества [18,19].

Категория орудия в гомеопатическом подъязыке является специфической и отличной от других категорий в том плане, что в вербализации ее концептов не принимают участия собственно гомеопатические термины. Иными словами, в рамках данной категории нет концептов, присущих единственно гомеопатии. Эта сфера знания может иметь собственные специфические концепты путей приготовления препаратов, уникальные концепции болезни и пациента, путей приготовления препаратов, но она не создает собственных технических артефактов, а использует те, которые созданы уже давно для других, более фундаментальных наук, таких как общая медицина, фармакология, фармацевтическая химия и др.

Отраслевая терминология представлена 57,7% вербализующих средств: *электронный микроскоп, ампула, шприц, колориметр, ЯМР-спектрометр, весы Мора-Вестфала* и др. Общепринятые лексемы составляют 42,4%: *игла, сито, фарфоровая ступка, сушильный шкаф, воронка, флакон* и др.

9. Категория препарата. Данная категория является специфической для LSP гомеопатии, несмотря на представленность в ней и чисто отраслевых и иногда общенародных средств вербализации понятий. Специфичность заключается в том, что данные единицы вербализуют понятия лишь одного концепта данной категории – «Аллопатические препараты». Второй крупный концепт, «Гомеопатические препараты», является сугубо специфическим и распадается на ряд концептуальных признаков (направленность лечения, состав, взаимодействие препаратов, галеническая форма). Специфичность в языковом плане заключается в том, что второй концепт полностью вербализован узкоспециальной терминологией, самым многочисленным пластом (39,1%): *женский и мужской препарат, полихрест, универсальный антидот, конституциональный препарат, симилимум, нозод* и т.д.

Для вербализации концепта «Аллопатические препараты» используются в основном отраслевые термины (36,8%): *психотропные, антиспазматические, противовоспалительные препараты, антибиотик* и т.д. Наименьший удельный вес имеет общенародная лексика (24,1%), включающая концепты базового уровня («Лекарство», «Средство») и общенародные наименования препаратов, выраженных терминами с греческими и латинскими терминологическими элементами: *почечное, глистогонное, противоточное лекарство* и т.п.

Таким образом, подъязык гомеопатии, обслуживающий соответствующую предметную область, отражает ее категориальную стратификацию на восемь универсальных гносеологических и онтологических категорий и одну специфическую для данного подъязыка категорию (категория препарата). Именно эти категории являются значимыми форматами знания исследуемой сферы, а вербализующие соответствующие концепты термины и общенародные лексические единицы выполняют функцию создания, хранения и передачи предметной информации между специалистами и неспециалистами.

Анализ показал, что большая часть лексических средств (52,0%) – это отраслевая терминология, принадлежащая фундаментальным дисциплинам (клиническая медицина, фармакология и др.), которой с неизбежностью пользуется гомеопатия как более молодая отрасль медицинской практики. Общелитературная лексика составляет 27,5% и репрезентирует часть обывательского знания, присущего любой научной сфере. Наименьшую долю имеет узкоспециальная, собственно гомеопатическая терминология (20,5%).

Список литературы

1. Антипков А. В. Язык для специальных целей (LSP) в системе функциональных стилей английского языка: аналитический обзор существующих точек зрения // Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова. 2019. Т. 30. С. 106–109.
2. Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А. Понятие «Язык для специальных целей» (ЯСЦ) и его место в системе национального языка // Методические и лингвистические проблемы LSP : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 18–19 мая 2021 г.). Самара : Изд-во Самарского ГМУ, 2021. С. 30–38. EDN: HHPZIE
3. Живлакова А. Е. Особенности военных текстов как текстов на языке для специальных целей (LSP) и трудности их перевода // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях : сб. науч. ст. IX Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 21 апреля 2021 г.). Новосибирск : НВИ войск нац. гвардии, 2021. С. 83–87. EDN: BNTTCK
4. Мезит А. Э. Подъязык и профессиональная языковая картина мира работников гидроэнергетической отрасли (функциональный и лексикографический аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018. 248 с.
5. Новодранова В. Ф. Взаимодействие обыденного и научного знания в медицинской терминологии // Науковий вісник Національного медичного університету імені О. О. Богомольця. 2009. № 3. С. 177–181.
6. Nagy I. English for special purposes: Specialised languages and problems of terminology // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2014. Vol. 6, iss. 2. P. 261–273. <https://doi.org/10.1515/ausp-2015-0018>
7. Герд А. С. Введение в изучение языков для специальных целей : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 60 с.
8. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 158 с.
9. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М. : Наука, 1977. 168 с.
10. Бекишева Е. В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 51 с.
11. Мишланова С. Л., Бисерова Н. В., Филиппова А. А. Фреймовый анализ терминологии миграционного права // Язык и культура. 2020. № 51. С. 52–71. <https://doi.org/10.17223/19996195/51/3>
12. Табанакова В. Д. Категориальное моделирование научной терминологии в прикладных целях // Структурная и прикладная лингвистика. 2007. № 7. С. 233–238. EDN: OJFFMJ
13. Кантышева Н. Г. Категориальное моделирование терминосистемы «экологический аудит» в систематизирующей глоссарии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). Филология. Искусствоведение. Вып. 49. С. 51–54.
14. Файбушевский М. В. Моделирование терминосистемы биржевого дела : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 216 с.
15. Костерина Ю. Е., Кербер Е. В. Категориальное моделирование англоязычной физической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71), ч. 3. С. 102–104.
16. Тлехатук С. Р. Категориальное структурирование предметной области «Экономика» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. Вып. 3 (202). С. 80–85.
17. Сути Я. Категориально-понятийная стратификация строительной терминологии: когнитивный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. Вып. 3 (242). С. 86–91.
18. Комарова З. И., Чукуева Е. И. Изучение категории орудий труда в языке техники // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 30–34.
19. Ладыгина С. Ю. Когнитивное моделирование категорий орудий труда в терминологии автомобилестроения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 178–184.

Поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

Научная статья

УДК [811.111'42+811.161.1'42]:070

Лингвокультурные лексические таймеры и хронемы в информативном коде публицистического дискурса (на материале журналов «National Geographic» и «Вокруг света»)

А. В. Колядин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Колядин Антон Валерьевич, ассистент подготовительного отделения для иностранных учащихся, kav3105@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6637-7244>

Аннотация. В статье охарактеризовано номинативное поле концепта-доминанты ВРЕМЯ посредством выявления специфики представленности хронем и лингвокультурных лексических таймеров в дискурсивной темпоральной архитектонике публицистических статей об арабской архитектуре в журналах «Вокруг света» и «National Geographic». Проведение исследования обусловлено необходимостью таксономического моделирования номинативного поля концепта-доминанты ВРЕМЯ в аспекте его контекстуального сопряжения с лингвокультурным спектром описания древнеарабской городской архитектуры в публицистическом дискурсе англоязычного и русскоязычного журналов. Рассмотрены статья В. Захарченко, В. Кабошкина «Земля и солнце Туниса», а также статья «These 5 destinations are among the holiest sites in Islam», написанная редактором журнала «National Geographic». Определены темпоральные компоненты в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в этих статьях, осуществлен их сравнительный анализ, показавший тенденции употребления темпоральных маркеров в дискурсивном информативном коде публицистических статей. Выявленные темпоральные маркеры применены в качестве отсылки к исторической эпохе создания того или иного архитектурного сооружения в городском пространстве. Результатом работы стало пополнение теоретических данных о специфике номинативного поля концепта-доминанты ВРЕМЯ, представленного различными хронемами и лингвокультурными лексическими таймерами в публицистическом дискурсе, а также в изложении авторской классификации хронем, выявленных в текстах об арабской архитектуре в журналах «Вокруг света» и «National Geographic». Полученные результаты исследования могут быть применены в лекциях и семинарах по дискурсологии, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистике, теории текста, в семинарах по интерпретации дискурсивного информативного кода номинативного поля концепта-доминанты ВРЕМЯ.

Ключевые слова: публицистический дискурс, лингвокультурные лексические таймеры, хронемы, дискурсивный информативный код, концепт-доминанта

Для цитирования: Колядин А. В. Лингвокультурные лексические таймеры и хронемы в информативном коде публицистического дискурса (на материале журналов «National Geographic» и «Вокруг света») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 153–161. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-153-161>, EDN: Q00THC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguocultural lexical timers and chronemes in the informative code of journalistic discourse (on the material of the magazines *National Geographic* and *Vokrug Sveta* (Around the World))

A. V. Koliadin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Anton V. Koliadin, kav3105@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6637-7244>

Abstract. The article describes the nominative field of the dominant concept “Time” by identifying the peculiarities of the representation of chronemes and linguocultural lexical timers in the discursive temporal architectonics of journalistic articles on Arabic architecture published in the magazines *Vokrug Sveta* and *National Geographic*. The research is determined by the need for taxonomic modeling of the nominative field of the dominant concept “Time” from the perspective of its contextual coupling with the linguocultural range of descriptions of ancient Arabic urban architecture in the journalistic discourse of English-language and Russian-language magazines. The article “The Earth and the Sun of Tunisia” by V. Zakharchenko and V. Kaboshkin as well as the article “These 5 destinations are among the holiest sites in Islam”, written by the editor of the *National Geographic* magazine, were both considered for the temporal components of the nominative field of the dominant concept “Time”. Their comparative analysis showed trends in the use of temporal markers in the discursive informative code of journalistic texts. The findings

indicate that the article by V. Zakharchenko and V. Kaboshkin "The Earth and the Sun of Tunisia" published in the magazine *Vokrug Sveta*, and the editorial article "These 5 destinations are among the holiest sites in Islam" published in the *National Geographic* magazine contain 25 and 23 chronemes and linguocultural lexical timers, respectively. The identified temporal markers are used as a reference to the historical period during which a particular architectural construction was created in the urban space. The result of this article involves the replenishment of the theoretical data on the features of the nominative field of the dominant concept "Time" represented by various chronemes and linguocultural lexical timers in journalistic discourse, as well as in the presentation of the author's classification of chronemes identified in the journalistic texts on Arabic architecture taken from the magazines *Vokrug Sveta* and *National Geographic*. The obtained research results can be applied in lectures and seminars on discourse studies, intercultural communication, cognitive linguistics, text theory, in seminars on the interpretation of the discursive informative code of the nominative field of the dominant concept "Time".

Keywords: journalistic discourse, linguocultural lexical timers, chronemes, discursive informative code, dominant concept

For citation: Koliadin A. V. Linguocultural lexical timers and chronemes in the informative code of journalistic discourse (on the material of the magazines *National Geographic* and *Vokrug Sveta* (Around the World)). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 153–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-153-161>, EDN: QOOTHС

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время одним из актуальных направлений развития дискурсологии является моделирование информативного кода в архитектонике дискурсов различных типов. Моделирование в этом случае основано на результатах интерпретативного процесса осмысления параметров дискурсивного информативного кода как единства «лексико-грамматических и синтаксических конструкций» [1, с. 297], где лексическая составляющая представляет собой совокупность маркеров невербального кода, лингвокультурем, глуттонимов, колоративов, эмотивов с учетом того, что каждый публицистический текст эффективен для восприятия читателем за счет применения различных компонентов информативного кода, отражающих созданный автором дискурсивный мир. Совокупность публицистических текстов формирует публицистический дискурс.

В современной дискурсологии проблема изучения информативного кода публицистических статей относится к мало разработанным [1, с. 298; 2, с. 96]. Н. Ф. Алефиренко рассматривает понятие дискурса через категорию речи, когнитивный аспект которой связывает «когнитивные механизмы ее порождения, знания мира, мнения, ценностные ориентиры, которые играют значительную роль для понимания и восприятия информации» [3, с. 238]. В современной дискурсологии отмечается тот факт, что теория дискурса «находится в зоне турбулентности» [4, с. 316], что приводит к появлению новых интерпретативных подходов к функционированию дискурса. Так, публицистический дискурс может быть рассмотрен с точки зрения «систематизации, кодирования и распространения информации» [5, с. 31], что способствует рассмотрению «мира дискурса» [6, с. 105]. Значим тот факт, что дискурсивные

миры «представляют собой динамические системы смыслов» [7, с. 7], состоящих из номинантов.

В данной статье представляется интересным рассмотреть лингвокультуру как один из типов номинантов дискурсивного информативного кода, а именно лингвокультурные лексические таймеры, в сравнении с хронемами. Под лексическими таймерами понимаются «слова и словосочетания, семантика которых косвенно репрезентирует темпоральный аспект» [8, с. 177]. Проводимое исследование нацелено на определение специфики представленности лингвокультурных лексических таймеров и хронем в архитектонике публицистического концепта-доминанты ВРЕМЯ, репрезентированного в статьях об арабской архитектуре, опубликованных в журналах «Вокруг света» и «National Geographic». Параметры концепта-доминанты ВРЕМЯ в нашем исследовании определяются в соответствии с необходимостью выявления «когнитивных доминант» [9, с. 536], указывающих на актуализацию ментальных структур сознания автора, отвечающих за репрезентацию времени в дискурсе, в данном случае в публицистическом дискурсе.

Исследование лингвокультурных лексических таймеров и хронем проводится посредством применения дискурсивного контент-анализа, когнитивного анализа номинативного поля концепта-доминанты ВРЕМЯ, лингвистического анализа, сравнительного анализа лингвокультурных лексических таймеров и хронем в англоязычном и русскоязычном научно-популярных журналах.

Рассматривается применение лингвокультурных лексических таймеров и хронем в дискурсивном информативном коде статьи В. Захарченко и В. Кабошкина «Земля и солнце

Туниса», опубликованной в журнале «Вокруг света» [10] и статьи «These 5 destinations are among the holiest sites in Islam» [11], написанной редактором журнала «National Geographic» (фамилия автора статьи на сайте журнала не указана). Обе разноязычные статьи посвящены описанию темпорального аспекта арабской архитектуры как культурно-маркированного городского пространства восточных городов посредством формирования номинативного поля концепта-доминанты ВРЕМЯ. Такое описание выстраивается на основе социографических маркеров как лексических единиц, в которых «заложена синергия двух компонентов реального мира, а именно синергия социумной информации и информации о географическом объекте» [12, с. 87]. Описание репрезентируется как кодируемый формат, обусловленный «характерными особенностями адресата и адресанта» [13, с. 7]. Кодируемый формат дискурсивного информативного кода состоит из различных компонентов. В частности, каждый публицистический текст включает в себя разного рода вербальные маркеры, которые характеризуют географические объекты, описываемые в статье с разных точек зрения, в сочетании с темпоральными маркерами.

Нами рассматриваются темпоральные вербальные маркеры информативного кода публицистического дискурса, которые определяются как хронемы и лингвокультурные лексические таймеры. Наличие хронем и лингвокультурных лексических таймеров в тексте формирует «темпоральный когнитивный аттрактор» [14, с. 180], представляющий совокупность номинантов номинативного поля концепта-доминанты ВРЕМЯ. Проведенные исследования публицистического дискурса выявляют «многочисленные номинанты, репрезентирующие категорию времени» [15, с. 89].

Хронемы, по данным исследователей, представляют собой конкретные указания в тексте на время совершения события или разные временные отрезки, которые обозначаются различными лексическими единицами либо числами. Хронема представляет собой дату, являющуюся историческим фактом, и выражена числом. Под лингвокультурными лексическими таймерами, в отличие от хронемы, предлагается понимать вербальные маркеры информативного кода публицистического дискурса, которые лишь косвенно указывают на время, в которое произошло событие. Лингвокультурный

лексический таймер – это, прежде всего, связь культурно и исторически маркированных лексических единиц, образующих синтаксические конструкции с целью описания темпорального фона того или иного события, объекта или субъекта, как в прошлом, так и в настоящем времени. Следовательно, только тот читатель, который знает исторические аспекты темы, описываемой в публицистической статье, может понять, какое время имеется в виду в определенных названиях, именах и т.д.

Многие авторы публицистических текстов сочетают в своих статьях хронемы и лингвокультурные лексические таймеры, однако перевес хронем, например, серьезно снижает качество чтения, поскольку лишние цифры в тексте мешают эмоциональному восприятию публицистического текста и делают его сухим и скучным.

Однако применение лингвокультурных лексических таймеров побуждает читателя публицистических текстов обращаться к словарям и справочникам, что дает повод для дополнительного интеллектуального развития и создает некую интригу повествования, что всегда вызывает интерес у читателя и привлекает его к такого рода статьям.

Проводя лингвистический анализ и когнитивный анализ дискурсивного информативного кода статьи В. Захарченко и В. Кабошкина «Земля и солнце Туниса», опубликованной в журнале «Вокруг света» (далее – в статье из «Вокруг света»), можно сделать вывод, что хронемы и лингвокультурные лексические таймеры высокочастотны и образуют ближнюю периферию ядерно-периферийной структуры, что позволяет предположить, что в статье функционирует концепт-доминанта ВРЕМЯ. В ходе исследования публицистической статьи было выявлено 25 единиц, которые прямо или косвенно номинируют концепт-доминанту ВРЕМЯ.

На рис. 1 представлена частотность темпоральных маркеров, а именно хронем и лингвокультурных лексических таймеров, входящих в номинативное поле концепта-доминанты ВРЕМЯ, репрезентированного в статье из «Вокруг света».

Из данных, приведенных на рис. 1, видно, что в дискурсивном информативном коде статьи представлено примерно равное количество двух типов номинантов концепта-доминанты ВРЕМЯ: 13 хронем и 12 лингвокультурных лексических таймеров.

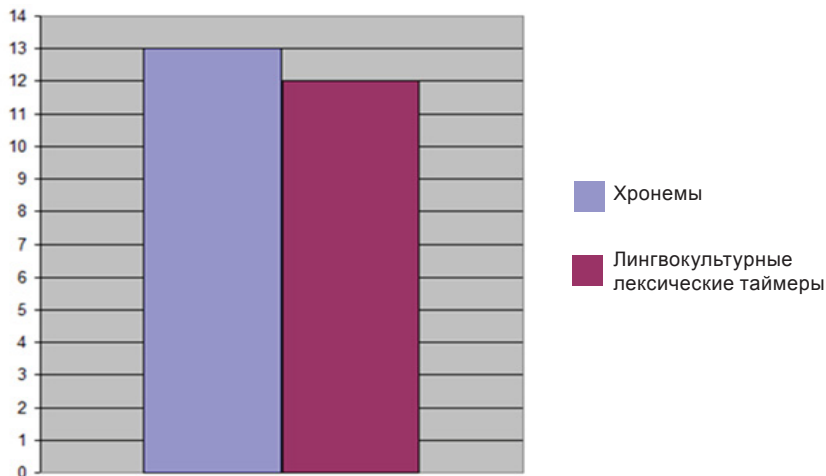

Рис. 1. Частотность хронем и лингвокультурных лексических таймеров в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «Вокруг света» (цвет онлайн)

Хронемы, представленные в дискурсивном информативном коде статьи, можно разделить на несколько групп. Нами предлагается следующая их классификация: 1) хронемы, отражающие точную дату события; 2) хронемы, отражающие примерную дату или временной

отрезок; 3) хронемы, отражающие абстрактное временное понятие. В соответствии с предложенной классификацией осуществлен количественный анализ хронем номинативного поля концепта-доминанты ВРЕМЯ, результаты которого представлены на рис. 2.

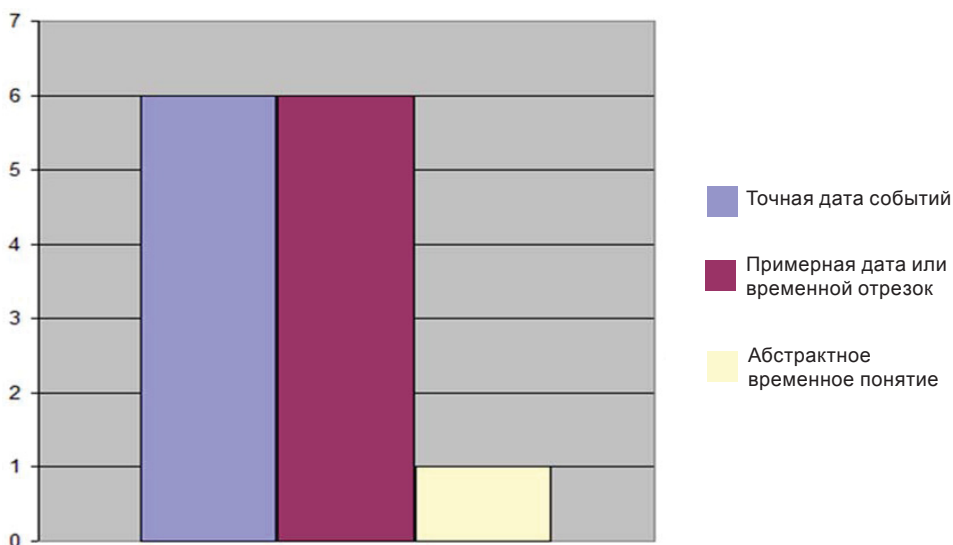

Рис. 2. Частотность хронем в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «Вокруг света» (цвет онлайн)

В анализируемой публицистической статье номинативное поле концепта-доминанты ВРЕМЯ состоит из 6 хронем, обозначающих точное указание даты события: *в XII веке до нашей эры; в марте 1956 года; в ноябре 1958 года; во II веке до нашей эры; в VII веке нашей эры; в 1881 году.* Эти хронемы культурно-исторически маркиро-

ванные и располагаются на темпоральной оси как до нашей эры, так и в нашей эре, что определяет диахронический спектр описания темпорально обусловленного пространства Туниса. Также было выявлено 6 хронем, обозначающих примерное указание даты события или временного отрезка, с которым связано событие: *глубь*

тысячелетий; сооружение далекого прошлого; период мрачного Средневековья; в течение нескольких столетий; до пришествия французских колонизаторов и веками. Эти хронемы также культурно-исторически маркированные. И лишь одна культурно-исторически немаркированная хронема обозначала абстрактное временное понятие – в свое время.

Номинативное поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в рассматриваемой публицистической

статье включает в себя четыре типа лингвокультурных лексических таймеров, представленных в дискурсивном информативном коде статьи. Существует следующая классификация лексических таймеров: пролонгированные, предельные, точечные и обобщающие лексические таймеры [14, с. 181]. Проведенный количественный анализ определил частотность всех четырех типов лингвокультурных лексических таймеров (рис. 3).

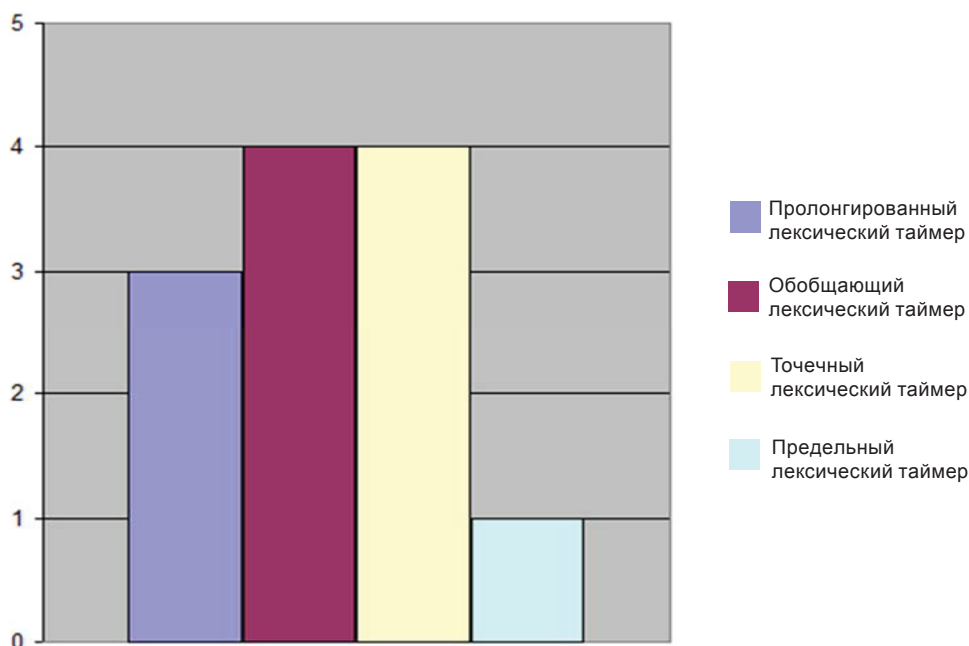

Рис. 3. Частотность лингвокультурных лексических таймеров в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «Вокруг света» (цвет онлайн)

Выявленные лингвокультурные лексические таймеры, состоящие из синтаксем, можно классифицировать следующим образом:

1) пролонгированные лингвокультурные лексические таймеры: *многолетнее иго колонизаторов; рабовладельческая империя; Карфаген;*

2) обобщающие лингвокультурные лексические таймеры: *древность встает перед глазами; новая история; путь новой жизни; следы истории.* Культурная маркированность двух последних таймеров ситуативна, т.е. контекстуально обусловлена;

3) точечные лингвокультурные лексические таймеры: *захват Туниса Испанией; провинция Рима; захват Османской империей; захват Францией;*

4) предельный лингвокультурный лексический таймер: *к падению Карфагена.*

Необходимо отметить также, что в дискурсивном информативном коде статьи из «Вокруг света», в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ хронемы и лингвокультурные лексические таймеры сопряжены друг с другом – лексический таймер дает повод для размышления читателю об описываемом времени, а хронема уточняет это время, т. е. выявляется сопряжение интерпретативных форматов авторов статьи и читателей как ее адресатов в процессе пересечения доменов, относящихся «к структуре знания, которая служит фоном для интерпретации значения лингвистических форм» [16, р. 184], поскольку домены включают «сопутствующие аспекты опыта, которые также концептуализируются» [16, р. 181].

Проведя лингвистический анализ дискурсивного информативного кода англоязычной

статьи «These 5 destinations are among the holiest sites in Islam» в журнале «National Geographic», можно сделать вывод, что частотность хронем и лингвокультурных лексических таймеров также указывает на то, что одним из концепт-доминант данной публикации является именно концепт-доминанта ВРЕМЯ. В ходе исследования было выявлено 23 темпоральных маркера, которые прямо или косвенно характеризуют время в сопряжении с пространственными параметрами описываемой архитектуры.

На рис. 4 представлено распределение по частотности временных маркеров, а именно хронем и лексических таймеров, в номинатив-

ном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ, репрезентированном в статье «These 5 destinations are among the holiest sites in Islam» в журнале «National Geographic» (далее – в статье из «National Geographic»).

Как следует из данных, приведенных на рис. 4, в дискурсивном информативном коде концепта-доминанты ВРЕМЯ рассматриваемой публицистической статьи представлено большее количество хронем (17 ед.) по сравнению с количеством лингвокультурных лексических таймеров (всего 6 ед.), что говорит о стремлении автора указать точные темпоральные параметры описываемого пространства.

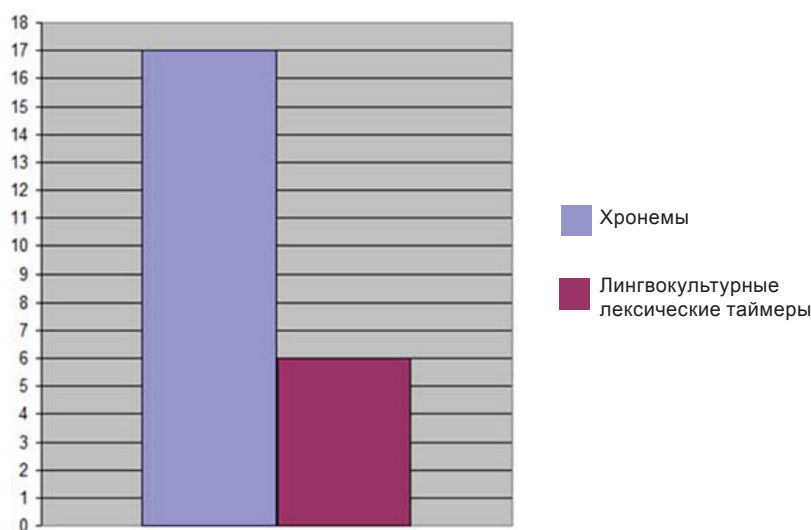

Рис. 4. Частотность хронем и лингвокультурных лексических таймеров в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «National Geographic» (цвет онлайн)

Хронемы, выявленные в дискурсивном информативном коде концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье, представлены в соответствии с авторской классификацией, изложенной выше, и в соответствии с их частотностью. Хронемы разделены на три группы по вышеприведенной классификации хронем (рис. 5).

Из данных, приведенных на рис. 5, видно, что в дискурсивном информативном коде публицистической статьи представлены 9 хронем, обозначающих точное указание даты события: *set by Muhammad in 624* (в 624 году); *during the ninth century* (в девятом веке); *38 years after* (через 38 лет); *died in 632* (в 632 году); *in A.D. 670* (в 670 году); *in 70 B.C.* (в 70 году до н.э.); *in A.D. 638* (в 638 году); *A.D. 715* (715 год).

Было выявлено 7 хронем, обозначающих примерное указание даты события или времен-

ного отрезка, с которым связано событие: *around A.D. 570* (около 570 года); *each year* (каждый год); *more than a thousand years* (более 1000 лет назад); *the world's oldest* (старейшему в мире); *over the next century* (в течение следующего столетия); *in biblical times* (в библейские времена); *dates from the 19th and 20th centuries* (между XIX и XX веком).

Определена одна хронема, обозначающая абстрактное временное понятие – *to this day* (по сей день).

Лингвокультурные лексические таймеры, представленные в дискурсивном информативном коде в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье, также можно разделить на четыре группы. Результаты количественного анализа номинантов этих четырех групп отражены на рис. 6.

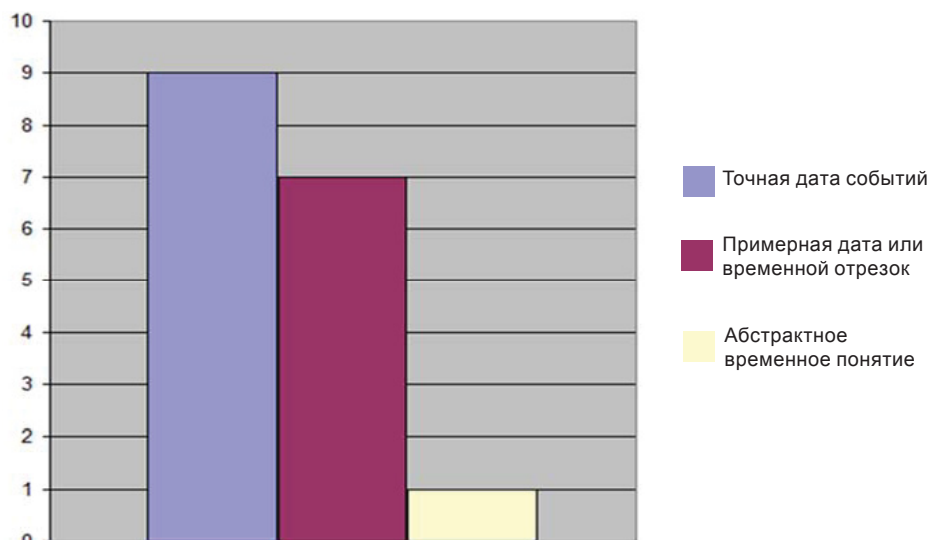

Рис. 5. Частотность хронем в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «National Geographic» (цвет онлайн)

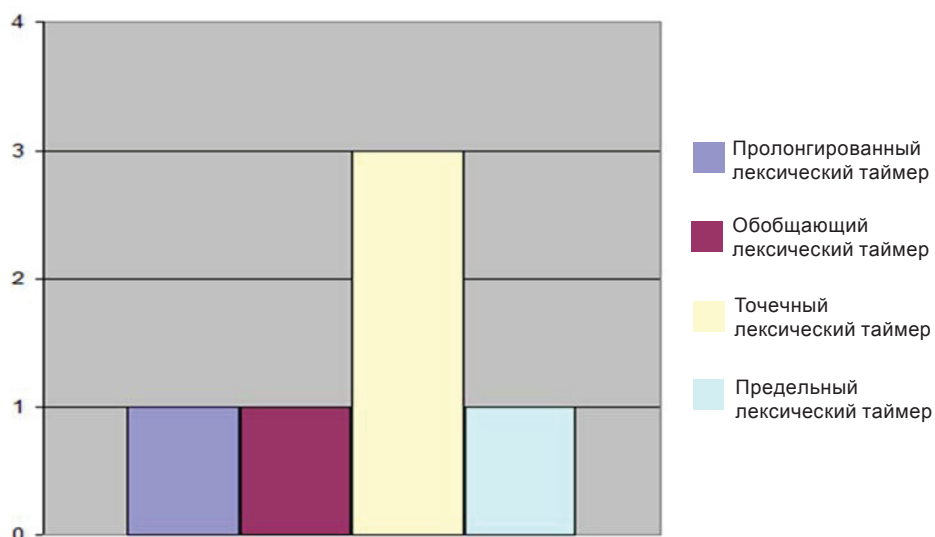

Рис. 6. Частотность лингвокультурных лексических таймеров в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «National Geographic» (цвет онлайн)

Выявленные лингвокультурные лексические таймеры, состоящие из синтаксем, можно классифицировать следующим образом:

1) пролонгированный лингвокультурный лексический таймер – *dates from the reign of the Arab-Muslim Aghlabid dynasty* (датируется правлением арабо-мусульманской династии Аглабидов);

2) обобщающий лингвокультурный лексический таймер – *sacred history* (священную историю);

3) точечные лингвокультурные лексические таймеры: *the burial place of Muhammad* (местом

захоронения Мухаммеда); *Adam and Abraham* (Адам и Авраам); *Muhammad ascended to heaven* (Мухаммед вознесся на небеса);

4) предельный лингвокультурный лексический таймер – *before he came* (до его появления).

В дискурсивном информативном коде в номинативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «National Geographic» хронемы и лингвокультурные лексические таймеры сопряжены друг с другом так же, как и в русскоязычной публицистической статье. Однако, учитывая исторический характер публицистического текста, автор статьи старается в

большей степени применять для временных описаний хронемы и лишь как стилистический прием – лингвокультурные лексические таймеры.

В таблице представлены результаты сравнительного анализа использования хронем и лингвокультурных лексических таймеров в но-

минативном поле концепта-доминанты ВРЕМЯ в статьях В. Захарченко и В. Кабошкина «Земля и солнце Туниса» в журнале «Вокруг света» и «These 5 destinations are among the holiest sites in Islam», написанной редактором журнала «National Geographic».

Показатели сравнения использования хронем и лингвокультурных лексических таймеров

Показатель для сравнения	Статья в журнале «Вокруг света»	Статья в журнале «National Geographic»
Общее количество временных маркеров в концепте-доминанте	25	23
Общее количество хронем	13	17
Хронемы с точным указанием даты события	6	9
Хронемы с примерным указанием даты события	6	6
Хронемы, основанные на абстрактных временных понятиях	1	1
Общее количество лингвокультурных лексических таймеров	12	6
Пролонгированные лексические таймеры	3	1
Обобщающие лексические таймеры	4	1
Точечные лексические таймеры	4	3
Предельные лексические таймеры	1	1

Исходя из данных, представленных в таблице, количество темпоральных маркеров, хронем и лингвокультурных лексических таймеров, составляющих концепт-доминанту ВРЕМЯ, в целом превалирует в статье из русскоязычного журнала «Вокруг света», однако количество только хронем преобладает в статье из журнала «National Geographic», что свидетельствует о стремлении автора англоязычной статьи четко с темпоральной точки зрения обозначить пространственные параметры исламских городов.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что авторы рассмотренных публицистических статей об арабской архитектуре и городских пространствах активно используют временные маркеры как номинанты концепта-доминанты ВРЕМЯ. Однако в большей степени применены хронемы, чем лингвокультурные лексические таймеры, поскольку такие тексты носят историко-культурный характер, выполнены в стиле экскурсии, которая предполагает точное указание дат и временных отрезков. Таким образом, у читателя лингвокультурных публицистических текстов появляется возможность весьма образно представить планировку и архитектурные до-

стопримечательности ориентального города, которые присущи большей части городов арабского мира.

Проведя количественный анализ темпоральных маркеров дискурсивного информативного кода как номинантов концепта-доминанты ВРЕМЯ в статье из «Вокруг света», можно сделать вывод о том, что хронемы и лингвокультурные лексические таймеры высокочастотны в анализируемом тексте. В ходе исследования было выявлено 25 темпоральных маркеров, которые прямо или косвенно характеризуют время.

Анализ дискурсивного информативного кода статьи из «National Geographic», показал, что хронемы и лексические таймеры так же высокочастотны, как и в рассмотренной русскоязычной статье. В ходе исследования было выявлено 23 темпоральных маркера, которые прямо или косвенно характеризуют время, являясь номинантами концепта-доминанты ВРЕМЯ.

Однако авторы статей об арабской архитектуре и городских пространствах активно используют временные маркеры, в большей степени применяют хронемы, чем лингвокультурные лексические таймеры. Тем не менее,

значительная часть историко-культурного аспекта темпоральности отражена именно в лингвокультурных лексических таймерах, поскольку исторический аспект описываемых урбанистических пространств арабского мира в стиле экскурсии в рассматриваемых публицистических статьях основан на точном указании дат и временных отрезков, являвшихся номинантами концепта-доминанты ВРЕМЯ. Лингвокультурные лексические таймеры в текстах журналов «Вокруг света» и «National Geographic» выполняют своего рода функцию посредника между архитектурной достопримечательностью и читателем: дают возможность понять стиль и традиции в градостроительстве той эпохи, когда создавался тот или иной материальный объект, но часть таймеров лингвокультурно маркированы ситуативно, т. е. контекстуально. Таксономически смоделированные номинативные поля концепта-доминанты ВРЕМЯ в виде англоязычной и русскоязычной палитр лингвокультурных лексических таймеров и хронем, пополняющих лингвокультурное содержание текста, его лингвокультурный дискурсивный информативный код, маркирующих категорию темпоральности культурного фона эпохи, формируют у адресата текста представление о характерной общности всей архитектуры и о градостроительстве такого обширного в географическом пространстве культурно-исторического ареала, как арабский мир.

Список литературы

1. Огнева Е. А., Трофимова Н. А. Маркеры невербального кода как компоненты дискурсивного информативного кода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 1. С. 296–300. <https://doi.org/10.30853/phil20230005>
2. Шептун Н. Н. Аппетитивность в дискурсивном информативном коде (на материале источников «Le monde» и «Российская газета») // Филологический аспект. 2023. № 03 (95). С. 95–101.
3. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М. : Флинта, 2022. 288 с.
4. Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б., Стебунова К. К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 2. С. 313–338. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205>, EDN: YZHBBD
5. Кожемякин Е. А., Красицова Т. Р. Эпистемический порядок медиадискурса: специфика операций смыслопорождения // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 31–40. EDN: VMJUWF
6. Кушнерук С. Л. «Мир дискурса» в аспекте когнитивного моделирования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 105–114.
7. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование. Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М. : Флинта, 2019. 368 с.
8. Бузина Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 174–178. EDN: YYYZXM
9. Даниленко И. А. Алгоритм выявления когнитивных доминант (на примере творчества Э.-М. Ремарка) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 536–541. EDN: CEVEBK
10. Захарченко В., Кабошкин В. Земля и солнце Туниса // Вокруг света. 2008. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6441/> (дата обращения: 03.05.2023).
11. These 5 destinations are among the holiest sites in Islam // National Geographic. 2023. URL: <https://www.nationalgeographic.com/premium/article/five-sacred-holy-destination-shrine-mosque-islam?cmpid=org=ngpr:mc=social::src=twitter::cmp=editorial::add=tw20230331history-holydestinationsislam&linkId=207908780> (дата обращения: 03.05.2023).
12. Огнева Е. А. Архитектоника научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия» в свете интерпретативного моделирования // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 2. С. 78–94. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-8>
13. Мощева С. В. Речевое поведение в манипулятивно маркированном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2021. № 4. С. 6–12. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-4-6-12>
14. Огнева Е. А. Темпоральный текстовый аттрактор в информативном коде военной прозы (на материале романа Б. Васильева «А зори здесь тихие...») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 178–188. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10923>
15. Трофимова Н. А. Частотность и соотношение маркеров темпоральности в архитектонике публицистического дискурса Эллен Барри (на материале «The New York Times») // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 88–94. <https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-77-1-088-094>, EDN: PHMCQT
16. Cienki A. Frames, idealized cognitive models, and domains // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. : D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 170–187.

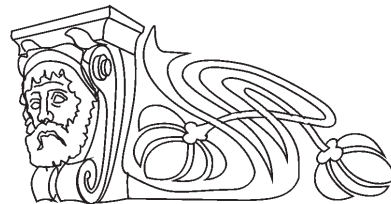
Поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

Научная статья

УДК 811.111(73)'42

Специфика функционирования проксемной информативной текстовой структуры в романе Г. Джеймса «Женский портрет»

С. Н. Гламазда

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, д. 7

Гламазда Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, svetlana-glamazda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6106-0520>

Аннотация. В статье исследуется англоязычное текстовое пространство. Цель проводимого исследования заключается в спецификации проксемной информативной текстовой структуры произведения Г. Джеймса «Женский портрет». В теорию текста вводится новое понятие «проксемная информативная текстовая структура» в качестве сегмента текстовой архитектоники, описывающей пространственные параметры, номинированные проксемами. Проксеммы интерпретируются как номинации пространственных параметров текста. Уточняется типология текстовых проксем, и к имеющимся проксемам-спейснеймам, проксемам-глаголам движения, проксемам-топонимам, проксемам-пейзажным единицам дополняются такие типы проксем, как метафорическая пейзажная единица, интерьерная проксема и дистантная проксема. Под метафорической пейзажной единицей предлагается понимать метафорически маркированную проксеми, номинирующую пейзажное описание в тексте. Интерьерная проксема понимается как номинация внутреннего убранства дома и представляет собой социокультурную интерьерную проксеми, интерпретируемую как социокультурный информативный конструкт, в котором пересекаются два социума: французский, а именно парижский, и испанский. Дистантная проксема-топоним интерпретируется как проксема, номинирующая сюжетно-текстовую отсылку к локации, в которой не происходят описываемые события в момент упоминания о них. Социокультурный топоним-пейзажная единица понимается как пейзажная номинация, отражающая социокультурный аспект локации. Впервые были описаны двудерные проксеми, которые представляют собой конструкты совокупности однотипных ядер и конструкты совокупности разнотипных ядер. Двудерность проксем является одним из параметров специфики проксемной информативной текстовой структуры произведения Г. Джеймса. Определено наличие в проксемной информативной текстовой структуре романа Г. Джеймса «Женский портрет» социокультурно маркированных проксемных единиц, сопрягающих различные европейские культурные маркеры в сюжетно-тематической матрице художественного произведения.

Ключевые слова: англоязычное текстовое пространство, проксемная информативная текстовая структура, метафорическая пейзажная единица, интерьерная проксема, дистантный художественный топоним

Для цитирования: Гламазда С. Н. Специфика функционирования проксемной информативной текстовой структуры в романе Г. Джеймса «Женский портрет» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 162–168. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-162-168>, EDN: QGPUZI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Specific features of proxemic informative text structure in *The Portrait of a Lady* by H. James

S. N. Glamazda

Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Koroleva St., Belgorod 308033, Russia

Svetlana N. Glamazda, svetlana-glamazda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6106-0520>

Abstract. The article deals with the English text space. The purpose of the study is to identify the specific features of the proxemic informative text structure of H. James's *The Portrait of a Lady*. A new concept of "proxemic informative text structure" is introduced into text theory as a segment of text architectonics that describes the spatial parameters nominated by proxemes. Proxemes are considered as nominations of spatial parameters of the text. The typology of textual proxemes is specified and the existing proxemes-spacenames, proxemes-verbs of movement, proxemes-placenames, proxemes-landscape units are supplemented with such types of proxemes as a metaphorical landscape unit, an interior proxeme and a distant proxeme. The metaphorical landscape unit means a metaphorically marked proxeme that nominates a landscape description in the text. An interior proxeme is understood as a nomination of the interior decoration of a house. The interior proxeme revealed in the novel is a socio-cultural interior proxeme, interpreted as a socio-cultural informative construct in which two societies intersect: French, namely Parisian, and Spanish. A distant proxeme, i.e. a distant literary placename is understood as a proxeme that nominates a plot-textual reference to a location in which the described events do not occur at the moment when they are mentioned. Socio-cultural toponym-landscape unit is

understood as a landscape nomination reflecting the socio-cultural aspect of the location. For the first time, bi-kernel proxemes were identified, which are constructs of a set of kernels of the same type and constructs of a set of kernels of different types. The bi-kernel feature of proxemes is one of the parameters of the specific features of the proxeme informative text structure in the work of H. James. Socio-culturally marked proxemic units, aligning various European cultural markers in the plot-thematic matrix of a work of fiction, are revealed in the proxemic informative text structure of H. James's *The Portrait of a Lady*.

Keywords: English text space, proxemic informative text structure, metaphorical landscape unit, interior proxeme, distant literary placename

For citation: Glamazda S. N. Specific features of proxemic informative text structure in *The Portrait of a Lady* by H. James. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 162–168 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-162-168>, EDN: QGPUZI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В развитии современной теории текста значим вопрос «определения текста» [1, с. 811]. Существуют различные подходы к пониманию текста, среди которых для проводимого исследования актуально мнение И. Р. Гальперина о том, что текст имеет «целенаправленность и прагматическую установку» [2, с. 18], что отражено в сюжетно-тематической матрице, сопряженной с пространственными параметрами текста.

Исследование построения и функционирования текстового пространства является одним из актуальных вопросов теории текста. Текст в этом случае предстает в виде совокупности информативных структур. Среди текстовых информативных структур реализуется проксемная информативная структура, под которой предлагается понимать сегмент текстовой архитектоники, описывающий пространственные параметры, номинированные проксемами. В зависимости от жанра текста, который понимается «как формат знания» [3, р. 1186], проксемная информативная структура может состоять из большего или меньшего количества проксем. Под проксемой понимается слово или словосочетание, обозначающее пространство. Под текстовой проксемой понимается слово или словосочетание, обозначающее текстовое пространство.

Проксемная информативная структура художественного текста состоит из значительного количества художественных текстовых проксем, поскольку этот тип текста предстает в виде «реконструкции бытия» [4], как текстового формата, созданного посредством интенции писателя и представляющего собой «специфическую модель мира» [5, с. 33]. Рассмотрение художественного текста в виде реконструкции бытия зиждется на том факте, что бытие кодируется в образы индивидуально-авторского мировоззрения писателя, проецирующего их в текстовые смысловые конструкции, среди которых проксемные текстовые конструкции играют роль локализации описываемых сюжетных событий.

Сформированная писателем сюжетно-тематическая матрица текста в сочетании с проксемной информативной структурой и темпоральной

информативной структурой в информативном поле читателя или исследователя трансформируется в «интерпретативные векторы смысла» [6, с. 214]. Данные векторы объединяют интенцию писателя и интерпретативный текстовый формат читателя в единую модель текстового мира, параметры которого детально представлены в «теории текстовых миров» [7, с. 269].

Функционирование проксемной информативной текстовой структуры основано на таком формате, как «познавательное содержание мышления» [8, с. 64], поскольку именно пространственные мыслительные образы писателя формируют художественное текстовое пространство.

Интерпретация текстового художественного пространства как совокупности семантических маркеров основана на таком явлении, как «специфика структуры проксем» [9, с. 113]. Специфика структуры в этом случае обусловлена типом проксем. Существует следующая типология текстовых проксем: «...слова и конструкции, семантика которых маркирует художественное пространство, глаголы движения, топонимы, пейзажные единицы» [10, с. 56]. В настоящее время типология уточнена посредством дополнения в нее понятия «спейсхема», под которой мыслится «словосочетание, состоящее из существительного и предлога, характеризующее местонахождение героя произведения или месторасположение предмета в текстовом художественном пространстве» [11, с. 130].

Среди перечисленных типов проксем пейзажная единица как «репрезентант невербального кода коммуникации может состоять из нескольких <...> ядер» [12, с. 330]. Остальные типы проксем имеют ядро и атрибутивы.

Цель проводимого исследования заключается в спецификации проксемной информативной текстовой структуры произведения Г. Джеймса «Женский портрет», впервые опубликованного в 1881 г. Объединение различных типов текстовых проксем в этом случае видится как «языковая лестница познания» [13, с. 37], а именно познания проксемного текстового пространства.

В рассматриваемых ниже контекстах романа проксема выделены полужирным шрифтом. Перечень типов проксем приведен в соответствии с пятикомпонентным алгоритмом: 1) интерпретация ранее существовавших в науке четырех типов проксем; 2) интерпретация новых, вводимых автором, четырех типов проксем; 3) интерпретация одноядерных проксем; 4) интерпретация двуядерных проксем; 5) интерпретация трехядерных проксем.

1. Интерпретация ранее существовавших в науке четырех типов проксем.

Проксема-спейнema. *He dined uncommonly well at his own table* [14, p. 9] / Он необыкновенно хорошо пообедал за его собственным столом (перевод здесь и далее автора. – С. Г.)

В контексте проксема-спейнema **at his own table** (за его собственным столом) указывает на пролонгированную локализацию героя произведения около предмета быта посредством атрибутива **own** (собственный), который номинирует существующую в период описания действий романа традицию иметь собственные столики в общих кафе для приема пищи. Следовательно, атрибутив **own** (собственный) позволяет «интерпретировать этнокультурно обусловленное смысловое содержание» [15, с. 231].

Проксема-глагол движения. *Their host <...> went forward to open the door through which they were to pass* [14, p. 35] / Их хозяин вышел вперед, чтобы открыть дверь, через которую они должны были пройти.

В контексте проксема-глагол движения **went forward** (вышел вперед) – это глагол с предлогом, употребленный в прошедшем простом времени и обозначающий направление движения в текстовом пространстве. В связи с последующим инфинитивом *to open the door* (чтобы открыть дверь) проксема-глагол движения номинирует цель движения героя романа в текстовом пространстве.

Проксема-топоним. *I have a much better house in Florence* [14, p. 3] / У меня во Флоренции дом гораздо лучше.

Топоним в данном контексте является культурно маркированным, поскольку номинирует итальянский город, построенный в XIII в. и играющий значительную роль во всестороннем развитии Апеннинского полуострова. Проксеме-топониму присуща «семантическая емкость» [16, с. 523], обобщающая проксемный, темпоральный и лингвокультурный аспекты.

Проксема-пейзажная единица. *She looked a while across the sea* [14, p. 23] / Некоторое время она смотрела на море.

В данном контексте проксема-пейзажная единица маркирует водную поверхность. Уточняется, что данная водная локация была в поле зрения героини только некоторое время.

2. Интерпретация новых, вводимых автором, четырех типов проксем. Наряду с ранее известными в науке проксемами в художественном пространстве романа «Женский портрет» установлено существование четырех новых типов проксем, а именно: 1) метафорическая пейзажная проксема; 2) социокультурная интерьерная проксема; 3) дистантная проксема-топоним; 4) социокультурная проксема-пейзажная единица.

Метафорическая пейзажная проксема. *She listened to the murmur of the Mediterranean waves* [14, p. 24] / Она слушала шепот средиземноморских волн.

В контексте функционирует метафорическая пейзажная единица **the murmur of the Mediterranean waves** (шепот средиземноморских волн) как новый тип проксема. Под метафорической пейзажной единицей предлагается понимать метафорически маркированную проксема, номинирующую пейзажное описание. В составе проксема в качестве атрибутива к ядру **шепот** показан топоним-пелагоним Средиземное (море).

Социокультурная интерьерная проксема. *He had some charming rooms in Paris, decorated with old Spanish altar-lace* [14, p. 11] / У него было несколько очаровательных комнат в Париже, украшенных старинными испанскими алтарными кружевами.

В контексте реализован новый тип проксема – интерьерная проксема, под которой понимается номинация внутреннего убранства пространства дома. Ядро данной интерьерной проксема **charming rooms in Paris** (несколько очаровательных комнат в Париже) включает в свой состав семанто-эмотив **очаровательные**, которая номинирует отношение героя произведения к увиденным комнатам, в то время как атрибутив к ядру номинирует культурно маркированный интерьер комнат **decorated with old Spanish altar-lace** (украшенных старинными испанскими алтарными кружевами). Исследуемая интерьерная проксема представляет собой социокультурную интерьерную проксема как социокультурный информативный конструкт, в котором пересекаются два социума: французский, а именно парижский, и испанский.

Дистантная проксема-топоним. ... *she might have led in her native Baltimore* [14, p. 8] / ...какую она могла бы вести в своем родном Балтиморе.

В контексте прослеживается дистантная проксема-топоним, под которой предлагается понимать проксема, номинирующую сюжетно-текстовую отсылку к локации, в которой не происходят описываемые события в момент упоминания о них. Дистантная проксема-топоним **Балтимор** представляет собой культурно-маркированный актионим.

Социокультурная проксема-пейзажная единица. ...a little grassy, empty, rural piazza [14, р. 27] / ...маленькая, поросшая травой, пустая сельская площадь.

В контексте новый тип проксема-пейзажной единицы – это социокультурная пейзажная единица **a little grassy, empty, rural piazza**, под которой понимается пейзажная номинация, отражающая социокультурный аспект локации.

Исследование показало, что в художественном пространстве романа функционируют одноядерные, двуядерные и трехядерные сопряженные проксема.

3. Интерпретация одноядерных проксем. Одноядерные проксема указанного типа представляют собой совокупность следующих подтипов.

Сопряжение проксем-пейзажных единиц земной и водной поверхностей. A clear and quite harbour [14, р. 25] / Чистая и тихая гавань.

Проксема контекста имеет одно ядро, слово **harbour** (гавань), в семантике которого объединены земная и водная пейзажные поверхности. Ядро связано с двумя атрибутами **clear and quite** (чистая и тихая), значения которых придают ядру – слову **гавань** как текстовой локации покой и умиротворение.

В художественном пространстве романа также обнаружено единение двух ядер различных типов проксем.

Сопряжение персонифицированных и неперсонифицированных пейзажных единиц. It had a narrow garden in the manner of the terrace productive chiefly of tangles of wild roses and old stone benches mossy and sun-warmed [14, р. 28] / Там был узкий сад на манер террасы, в котором росли, главным образом, дикие розы и располагались старые каменные скамейки, покрытые мхом и нагретые солнцем.

Как правило, пейзажные единицы описывают окружающие героев произведения образы природы. Такого рода пейзажные единицы интерпретируются как неперсонифицированные. Однако в семантике ряда контекстов прослеживается присутствие или влияние человека на образы природы. Такие пейзажные единицы получили наименование «персонифицированные

пейзажные единицы». В пейзажной единице **a narrow garden in the manner of the terrace** (узкий сад на манер террасы) семантика ядра – слова **garden** (сад) – указывает на рукотворность описываемого образа природы во взаимосвязи с другой пейзажной единицей **tangles of wild roses** (заросли диких роз), семантика которой указывает на отсутствие человека. В данном контексте художественное текстовое пространство выстраивается от более обширной локации (сада) к более точечной локации (кустарники роз) посредством двуядерной проксема.

Сопряжение социокультурной пейзажной единицы с нейтральной пейзажной единицей. The house had a front upon a little grassy, empty, rural piazza which occupied a part of the hill-top [14, р. 27] / Фасад дома выходил на маленькую, поросшую травой, пустую сельскую площадь, занимавшую часть вершины холма.

Социокультурная пейзажная единица имеет социокультурно маркированное ядро **rural piazza** (сельская площадь), атрибуты к которому уточняют параметры описываемой текстовой локации. Социокультурная пейзажная единица взаимосвязана с нейтральной пейзажной единицей **a part of the hill-top** (часть вершины холма), семантика которой может быть воспринята как еще один атрибут к ядру **rural piazza**, поскольку указывает на малые размеры описываемой площади.

4. Интерпретация двуядерных проксем. Среди сопряженных проксем преобладают двуядерные.

Сопряжение двух проксем-топонимов. ...sitting in the Champs Elysées opposite to the Palace of Industry [14, р. 10] / ...сидя на Елисейских полях напротив Дворца промышленности.

В контексте прослеживается взаимообусловленность двух топонимов, а именно годонима **the Champs Elysées** (Елисейские поля) и урбанонима **the Palace of Industry** (Дворец промышленности). Годоним **the Champs Elysées** (Елисейские поля) одновременно является лингвокультурно маркированным лексическим таймером, первое упоминание о котором датируется XVI в.. Под лексическим таймером понимаются «слова и словосочетания, семантика которых косвенно репрезентирует темпоральный аспект» [17, с. 177]. Урбаноним **the Palace of Industry** (Дворец промышленности) также является лексическим таймером, указывающим на дату Всемирной выставки 1867 г., к проведению которой дворец был построен на Марсовом поле в Париже. В контексте взаимосвязь двух топонимов осуществлена через предлог противоп-

ставления **opposite to** (напротив), поскольку прошло более трех веков от даты создания локации **Елисейские поля**, старинной части города, до даты возведения современного Генри Джеймсу здания – Дворца промышленности.

Сопряжение спейнемы и дистантной проксемы-топонима. *Led in her well cushioned little corner of the brilliant city as quiet as domestic a life as she might have led in her native Baltimore* [14, p. 8] / Вела в своем уютном уголке блистательного города такую же тихую домашнюю жизнь, какую она могла бы вести в своем родном Балтиморе.

В контексте есть двудерная проксема, в которой указывается на расстояние между двумя ядрами в художественном контексте. Первое ядро, номинирующее уютный уголок, представляет собой точку в художественном урбанистическом пространстве, тогда как второе ядро – город Балтимор – находится на расстоянии от локации первого ядра, что делает его дистантным.

Под дистантным художественным топонимом предлагается понимать проксема, номинирующую сюжетно-текстовую отсылку к локации, в которой не происходят описываемые события в момент упоминания о них. В данном контексте дистантный художественный топоним – **Балтимор** как дистантная проксема представляет собой культурно-маркированный актионим.

Социокультурная двудерная пейзажная единица. *...the villa overhung the slope of its hill and the long valley of Arno, hazy with Italian colour* [14, p. 28] / ...вилла возвышалась над склоном холма и длинной долиною Арно, подернутой дымкой итальянского колорита.

Данный контекст представляет собой двудерную пейзажную единицу, в которой взаимословлены ядро **hill** (холм) и ядро **the long valley** (длинная долина). Оба ядра номинируют пейзаж земной поверхности в двух пространственных осях: ядро **hill** обозначает вертикальную пространственную ось, в то время как ядро **the long valley** маркирует горизонтальную пространственную ось. Атрибутивом к двум ядрам выступает социокультурное словосочетание **hazy with Italian colour** (подернутое дымкой итальянского колорита), представляющие собой один из смысловых узлов текста, которыми «являются объекты социализации» [18, с. 139].

Сопряжение спейнемы и топонима. *He passed an hour (in the fine weather) in a chair in the Champs Elysées* [14, p. 9] / Он провел час (в хорошую погоду) в кресле на Елисейских полях.

В двудерной проксеме ядро-спейнема **in a chair** (в кресле) взаимосвязано с ядром-топонимом **in the Champs Elysées** (на Елисейских полях). Семантика двудерной проксеммы сопрягает точку в художественном пространстве, обозначающую частное кресло, и проксемный маркер, обозначающий обширное исторически маркированное пространство Елисейских полей, тем самым объединяет частное пространство героя произведения и социальное пространство Парижа.

Сопряжение глагола движения с пейзажной единицей. *...to go near the edge of the lake* [14, p. 11] / ...подойти поближе к краю озера.

Глагол движения с предлогом **to go near** (подойти поближе) описывает сближение двух ядер в структуре проксеммы. Семантика второго ядра **the edge of the lake** (край озера) указывает на текстовое слияние двух пейзажей земной поверхности и водной поверхности.

Сопряжение топонима и пейзажной единицы. *San Remo, on the Italian shore of the Mediterranean* [14, p. 18] / Сан Ремо, на итальянском побережье Средиземного моря.

В двудерной проксеме объединены лингвокультурно маркированное ядро-топоним **San Remo** (Сан Ремо), возникший в VII в. в связи с деятельностью святого Ромоло, в честь которого был назван город, основанный еще в I в. до н.э., и национально маркированное ядро-пейзажная единица **on the Italian shore of the Mediterranean** (итальянское побережье Средиземного моря). Атрибутив **Italian** придает пейзажной единице национально-культурный параметр как компонент культурного кода в качестве универсального способа «репрезентации, структурной организации и трансляции культурного опыта» [19, с.15].

5. Интерпретация трехъядерных проксем. Исследование ядерности проксем показывает наличие сопряженных трехъядерных конструкций.

Сопряжение топонима, проксеммы и сенсеммы. *The charm of Mediterranean coast deepened for our heroine* [14, p. 23] / Очарование Средиземноморского побережья оказало воздействие на нашу героиню.

Контекст представляет собой единство двух компонентов проксемной информативной текстовой структуры и сенсемного сегмента текста, среди которых два компонента персонифицированы – это топоним **Средиземноморский** и сенсема **очарование**, один компонент персонифицирован – это пейзажная единица **побережье**.

В отличие от вышеприведенных примеров различных типов проксем в следующем контексте представлена проксемная модель, а именно пейзажная модель.

Сопряжение пейзажных единиц, лексических таймеров и лингвокультурем. An ancient villa which stood on the summit of an olive-muffled hill outside of the Roman gate of Florence when looked at from a distance makes so harmonious rectangle with straight, dark definite cypresses that usually rise in groups of three or four, beside it [14, p. 27] / *Старинная вилла, стоявшая на вершине поросшего оливами холма за Римскими воротами Флоренции, если смотреть на нее издалека, представляет собой гармоничный прямоугольник с прямыми, темными отчетливыми кипарисами, которые обычно растут группами по три-четыре рядом с ней.*

В проксемной модели существует две пейзажные единицы с включенными в их структуру флоронимами, а именно пейзажная единица **the summit of an olive-muffled hill** (вершина поросшего оливами холма) и пейзажная единица **straight, dark definite cypresses that usually rise in groups of three or four** (прямыми, темными отчетливыми кипарисами, которые обычно растут группами по три-четыре). Упоминание флоронимов в структуре пейзажных единиц маркирует географическую точку на Средиземноморском побережье, где на холмах растут одновременно оливковые и кипарисовые деревья.

Следовательно, детальное рассмотрение структуры различных типов проксем романа Г. Джеймса в совокупности показывает специфику функционирования проксемной информативной текстовой структуры произведения как одного из компонентов идиостиля писателя.

Проведенное исследование позволило уточнить ранее существовавшую типологию проксем, состоящую из четырех типов: проксеммы-спейсмены, проксеммы-глаголы движения, проксеммы-топонимы, проксеммы-пейзажные единицы. Были дополнены такие типы проксем, как метафорическая пейзажная единица, интерьерная проксема и дистантная проксема, социокультурная проксема-пейзажная единица, что способствует дальнейшему развитию теоретико-методологической базы теории текста в целом и концепции текстового художественного пространства в частности. Были впервые исследованы двоядерные и трехъядерные проксеммы, рассматриваемые как совокупность разнотипных ядер.

Проксемная палитра номинаций в романе Г. Джеймса «Женский портрет» характеризует индивидуально-авторский аспект функционирования англоязычного текстового пространства.

Перспектива дальнейшего исследования видится в интерпретации новых типов проксем в составе проксемной информативной текстовой структуры других произведений Г. Джеймса с целью установления преобладающих типов проксем англоязычного текстового пространства.

Список литературы

1. Sedykh A. P., Bezrukova E. I., Krivchikova N. L., Kudryavtseva N. B., Naydenova M. V., Skokova T. N., Moisseva S. A. Text definitions of classifying type // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, № 5. P. 811–815. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.75103>
2. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стер. М. : КомКнига, 2007. 144 с.
3. Baghana J., Buzina E. I., Glamazda S. N., Khvesko T. V., Lazareva O. P. Literary text as knowledge format // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol. 10, № S. P. 1186–1196. <https://doi.org/10.22055/rals.2019.15200>, EDN: ZKNMWT
4. Огнева Е. А. Синергия в модели текстового художественного мира // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13955> (дата обращения: 20.08.2023).
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с. (Язык. Семиотика. Культура).
6. Карасик В. И. Интерпретативные векторы смысла // Слово и текст в синхронии и диахронии : сб. ст. к 95-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2022. С. 214–228. EDN: WTVFTV
7. Кушнерук С. Л. От теории текстовых миров к теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования: кристаллизация исследовательского направления // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 269–272.
8. Жирова И. Г. Семантика языка как познавательное содержание мышления // Современные направления лингвистики : сб. материалов Междунар. науч. семинара с участием иностранных студентов, магистрантов и аспирантов. Киров : АНО ДПО МЦИТО, 2021. С. 64–68. EDN: WXDQKH
9. Огнева Е. А. Особенности пространственной модели «Новая Атлантида» в архитектонике утопии Ф. Бэкона // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (63). С. 113–119. EDN: ZXFZCT

10. Огнева Е. А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (78). С. 54–58. <https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-78-2-054-058>
11. Тугуз Т. Р. Спейсмены как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья голубки») // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 128–132. https://doi.org/10.54398/18184936_2022_2_128
12. Даниленко И. А. Репрезентанты невербального кода коммуникации в номинативном поле концепта // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4, ч. 2. С. 327–330. EDN: VSPRXF
13. Карасик В. И. Языковая лестница познания. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. 462 с. EDN: ВНСUQP
14. James H. The portrait of a lady. London : Macmillan and Co, 1881. 261 p.
15. Казютина Е. С., Озерова Е. Г. Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б. Л. Васильева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 1. С. 231–244. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244>, EDN: PTDKGM
16. Хвесько Т. В., Третьякова С. Ю. Лингвопрагматический аспект антропонимов в художественном тексте // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.) / сост. и ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : ТПК «Печатный двор», 2019. С. 522–526.
17. Бузина Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 174–178. EDN: YYYZXM
18. Артемьева П. С. К вопросу о специфике поликультурного художественного текста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 139–143. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-139-143>
19. Алефиренко Н. Ф. Знание, значение и смысл в пространстве текста, дискурса и культуры // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 15–24. EDN: RVEWIR

Поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 169–173

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 169–173

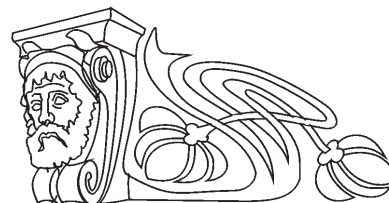
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-169-173>, EDN: RYPZOW

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Славовский+Бунин]

Чужая речь в современной русской прозе (сборник А. Славовского «Туманные аллеи»)

В. Н. Ткачева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

Ткачева Валентина Николаевна, аспирант кафедры русского языка, valentinarum271@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>

Аннотация. В статье анализируются способы передачи чужой речи в современной и классической прозе на материале сборников рассказов Ивана Бунина «Тёмные аллеи» и Алексея Славовского «Туманные аллеи». Внимание сосредоточено на таких способах, как конструкция с прямой речью, свободная прямая речь и диалог. Подобный отбор связан с тем, что именно эти способы наиболее ярко демонстрируют особенности современной прозы. Анализ рассказов позволяет выявить изменения не только в представлении собственно прямой речи и слов автора, но и в функциях расширения авторских слов, среди которых, например, появляется выражение языковой рефлексии, различие точек зрения автора и персонажа, мотивация их речевого поведения. Сделаны выводы об изменении соотношения частей конструкции с прямой речью, которая характеризуется бинарностью. Представление указанных способов передачи чужой речи рассматривается с учетом варьирования перволичного и третьеличного повествования, а также функционально-смысловых типов речи – информационного, демонстрационного, сентенционного, предложенных профессором С. Г. Ильенко. Мотивируется использование свободной прямой речи, а также сближение конструкции с прямой речью с высказываниями, содержащими вводные компоненты. Выявлены особенности представления внешней и внутренней речи персонажей с учетом пунктуационно-графической аранжировки. Продемонстрировано своеобразие изображения диалога в современной прозе. Сквозь синтаксическую призму удалось увидеть, что Алексей Славовский, творчество которого отличается вниманием к современнику, продемонстрировал изменения не только в языке, но и в отношении людей разных поколений к слову, мысли, любви.

Ключевые слова: чужая речь, современная проза, конструкция с прямой речью, диалог, свободная прямая речь, пунктуационно-графическая аранжировка

Для цитирования: Ткачева В. Н. Чужая речь в современной русской прозе (сборник А. Славовского «Туманные аллеи») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 169–173. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-169-173>, EDN: RYPZOW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Other people's speech in contemporary Russian prose (A. Slapovsky's collection *Foggy Alleys*)

V. N. Tkacheva

The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russia

Valentina N. Tkacheva, valentinarum271@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>

Abstract. This article provides a description of the ways in which other people's speech is conveyed in modern and classical prose on the material of the collections of novels *Dark Alleys* by I.A. Bunin and *Foggy Alleys* by A. I. Slapovsky. The focus is on several ways: direct speech constructions, free direct speech, and dialogue. This choice is due to the fact that precisely these ways most clearly demonstrate the features of modern prose. The analysis of the stories reveals changes not only in the representation of direct speech and the author's words, but also in the functions of the extension of the author's words, among which, for example, appear the expression of linguistic reflection, the distinction between the points of view of the author and the character, the motivation of their verbal behavior. The conclusions are made about the change in the correlation of the parts of the construction with direct speech, which is characterized by binarity. The representation of the above ways of rendering the speech of other people is considered taking into account the variation of the first-person and third-person narrative, as well as the functional and semantic types of speech – informational, demonstrative, sententious, proposed by Professor S. G. Ilyenko. The use of free direct speech is motivated, as well as the convergence of direct speech constructions with statements containing introductory components. The particularities of the presentation of the external and internal speech of the characters are revealed, taking into account the punctuation-graphic arrangement. A specific way of presenting the dialogue in contemporary prose is demonstrated. Through the syntactic lens it was possible to see that Alexei Slapovsky, whose work is marked by attention to the contemporary, demonstrated not only changes in language, but also changes in the attitude of people of different generations to the word, thought, love.

Keywords: other people's speech, contemporary prose, direct speech construction, dialogue, free direct speech, punctuation and graphic arrangement

For citation: Tkacheva V. N. Other people's speech in contemporary Russian prose (A. Slapovsky's collection *Foggy Alleys*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 169–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-169-173>, EDN: RYPZOW
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Алексей Иванович Слаповский – недавно ушедший из жизни известный прозаик, драматург и сценарист, лауреат премии «Большая книга». Его разножанровые произведения посвящены судьбе современного человека. При этом Слаповский обращается к классическим произведениям («Вишневый сад» А. П. Чехова, «Крейцера соната» Л. Н. Толстого и др.), экспериментируя с языковыми формами, в частности со способами представления чужой речи.

Его сборник рассказов «Туманные аллеи» (2019) [1] вступает в диалог с «Темными аллеями» (1946) И. А. Бунина [2], актуализированный также в названиях рассказов: «Сто рупий» – «Сто рублей»; «В Париже» – «В Цюрихе и после»; «В одной знакомой улице» – «Огней так много золотых» и т. д. Каждому из рассказов Слаповского в сборнике предпосланы эпиграфы, большинство из которых занимает сильные позиции в рассказах Бунина – их абсолютное начало или конец.

В предисловии к «Туманным аллеям» автор, филолог по образованию (выпускник Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского), предвосхищает иронические замечания читателей и критиков о переписывании им классического бунинского текста: «Алексей Иванович посягнул на Ивана Алексеевича» [1, с. 5]. Автор также обозначает, что преследовал иную цель: осознать изменения во времени, людях и языке, в понимании самого явления любви и жизни классических сюжетов в современности.

В этой связи вспоминается высказывание В. В. Набокова о «парчовой» прозе Бунина [3, с. 189]. Слаповский же иначе говорит о сложности восприятия бунинского стиля. Он настраивает читателя на сложный диалог с классическим текстом, вызывая желание перечитать его, возможно, читать параллельно, без чего оказывается весьма сложно осознать концепцию современного текста.

Авторы литературоведческих [4] статей о творчестве Слаповского, называя его прозу экспериментальной, подчеркивают, что она представляет собой исследование человека, живущего в быстро меняющемся, а потому трудноуловимом времени.

Однако литературоведческий подход к изучению творчества современных прозаиков предполагает неразрывную связь с лингвистическим, что демонстрирует, например, совместное

исследование В. Д. Черняк и М. А. Черняк [5]. Говоря о новейшей отечественной литературе, авторы отмечают, что она отражает разноаспектно речевой портрет современников, репрезентируя и оценивая с различных точек зрения его речевое поведение, а также ярко демонстрирует индивидуальные коммуникативные стратегии и тактики, присущие их языковым личностям.

Безусловный интерес для современных лингвистических исследований представляют чужая речь и способы ее передачи. При их интерпретации необходимо, прежде всего, учитывать тип повествования – перволичного или третьеличного. Слаповский, как и Бунин, варьирует их. Специфика представления чужой речи мотивирована жанровыми особенностями рассказа, который предполагает компрессию изложения, несовпадение времени истории и восприятия текста.

В русистике исследованы различные способы передачи чужой речи: конструкции с прямой и косвенной речью, свободная прямая, тематическая и несобственно-прямая речь, диалогическое единство. Результаты их изучения широко представлены в работах С. Г. Ильенко [6], М. К. Милых [7], Л. А. Соколовой [8], Г. М. Чумакова [9] и других, выполненных в основном на материале классической литературы.

В современных лингвистических исследованиях М. М. Скоморох [10], Г. В. Черкасовой [11], О. А. Блиновой [12], С. И. Клецкой [13], посвященных проблемам чужой речи в художественном тексте, построенных на материале не только русскоязычных текстов, ставятся задачи описания новых способов (инкорпорированная чужая речь [13], гибридные формы чужой речи [11]), предлагается расширение терминологии [10], демонстрируются новые подходы к классификации способов передачи чужой речи [12].

Оставляя за пределами несобственно синтаксические способы передачи чужой речи (несобственно-прямую и тематическую речь), а также конструкцию с косвенной речью, сосредоточимся на конструкции с прямой речью (КПР), свободной прямой речи и диалогическом единстве.

В ряду способов передачи чужой речи уникальной синтаксической единицей является КПР, состоящая из прямой речи и слов автора. Членами научной школы С. Г. Ильенко (Ф. Б. Аманали-

евой [14], Н. В. Максимовой [15], Н. И. Чирковой [16]) были исследованы речевая и текстовая реализации слов автора, а также их расширение. Обращение к современной прозе позволяет усложнить представления о различных способах передачи чужой речи, их трансформации и функционировании в художественном тексте.

В рассказах Слаповского КПР функционирует отдельно или в составе комментированного диалога. Учитывая бинарность КПР, отметим, что в них прямая речь не отличается концептуальной сложностью. Большой интерес представляют так называемые слова автора. Анализируя расширение слов автора в классическом тексте (в романах И. А. Гончарова), Н. И. Чиркова определила факторы расширения вводящих авторских слов и их функции. Среди них исследователь назвала: «...представление <...> “события”, выявление <...> “точки зрения” и скрытых намерений говорящего, выражение скрытой авторской модальности» и др. [16, с. 11–12].

В анализируемых текстах рассказов Слаповского расширение слов автора мотивируется авторской рефлексией. Как отмечают исследователи, языковая рефлексия, которая отражена в художественных текстах новейшей прозы, выразительно демонстрирует современное состояние языка [6], фиксируя его характеристики и представляя различные речевые ситуации и особенности речевого взаимодействия.

КПР традиционно понимается как форма буквальной передачи чужой речи, что, однако, опровергается обращением исследователей как к классическому, так и к современному тексту. Автор не может не учитывать наивных читательских ожиданий воспринимать КПР как способ передачи чужой речи «здесь и сейчас». В связи с этим обратимся к концепции функционально-композиционных типов речи С. Г. Ильенко. Согласно темпоральному критерию, в ней выделяются демонстрационный (ДТР), информационный (ИТР) и сентенционный (СТР) типы речи. В ДТР иллюзию совпадения времени текста и времени истории создают не только детализация, повышенная плотность глагольных рядов, но и включение в повествование КПР и диалога. В отличие от ДТР, ИТР представляет собой краткий рассказ о действительности [6, с. 158–159]. Таким образом, КПР и диалог являются конституирующими признаками ДТР, другие же способы передачи чужой речи могут быть присущи всем функционально-композиционным типам речи.

Художественной установкой Слаповского является изображение типичных ситуаций, предполагающее синкретизм двух типов речи – информационного и демонстрационного.

Повторяемость этих ситуаций становится основой обобщения, смещая акцент с собственно прямой речи на слова автора:

«...дядя Слава, – классный бульдозерист, который каждый вечер медленно поднимался по лестнице, широко ставя ноги <...>; встречных или попутных он пропускал <...>, отдавая честь и говоря: “Здравия желаю!”» (А. Слаповский. Соседка) [1, с. 245].

В предлагаемом фрагменте очевидно повышение смысловой значимости слов автора, предворяющих прямую речь, которая при этом становится частью описания типичной ситуации.

Прямая речь персонажей Слаповского отличается клишированностью. Автор, неравнодушный к судьбе русского языка, представляя языковую личность современников, демонстрирует *девальвацию слова* в речи своих персонажей. Штампы и речевые стереотипы предстают в форме свободной прямой речи, которая отличается от прямой не только пунктуационно-графической аранжировкой, но и установкой на типизацию ее формы и содержания:

«...тут он меня вызывает к доске. <...> Начинаю отвечать, а он вдруг так посмотрел <...>. Сказал: всё, садись, пять. <...> И я его убедила – давай все оставим в приятных воспоминаниях, спасибо тебе, но не будем друг другу морочить голову» (А. Слаповский. Романтическая быль) [1, с. 224].

Характерной особенностью изображения внутренней речи в анализируемых рассказах является сближение КПР и высказываний с вводными компонентами, отличающимися пунктуационно-графической аранжировкой. Еще в работах А. Г. Руднева рассматривался вопрос о сходстве слов автора с вводными компонентами [17]. В рассказах Слаповского вводные компоненты различного объема так же, как и слова автора, предназначены для выражения языковой рефлексии, нередко при этом подчеркивается *чужеродность* высказывания:

«На этого мальчика я сразу сделала стойку, как говорит моя подруга Рада. <...> Я хороша <...>. Мужчины западают на раз, как сказала бы Рада» (А. Слаповский. Сто долларов) [1, с. 387].

Свободная прямая речь также становится формой изображения внутренней речи, бедность которой свидетельствует о *девальвации мысли*, о неспособности или о нежелании современного человека думать:

«Я ведь совсем ее не люблю, зачем я это делаю? – примерно так думал бы он, если бы способен был думать» (А. Слаповский. Соседка) [1, с. 251].

В сфере внутренней речи языковая рефлексия автора и персонажей закономерно предполагает не только субъективные модальные сдвиги, но и сдвиги в плане реальности/ирреальности:

«И жили долго и счастливо и умерли в один день, хотелось бы после этого сказать, но еще рано, прошел только год» (А. Слаповский. Ленка и Настя) [1, с. 168].

Слаповский, изображая чужую речь, демонстрирует и чужое речепорождение, мотивацию выбора слова и дальнейшего речевого развертывания:

«Женя не знал, что еще сказать, а разговор заканчивать не хотелось <...>. Спросил:

– А у тебя все так, как написано?

<...>

Жене показалось, что девушка слегка насто-рожилась, поэтому поспешил успокоить:

– <...> Просто ты мне очень понравилась» (А. Слаповский. Страсти Жени Харисова) [1, с. 326–327].

Это проявляется в особом семантическом наполнении расширения вводящих авторских слов.

Сквозь синтаксическую призму можно увидеть, что изменилась не только речь современников, портреты которых создавал Слаповский. Многие персонажи его рассказов лишены бунинского романтического ореола, не способны к выражению сильных чувств. Не только внешняя, но и внутренняя речь персонажей «Темных аллей» более глубока, эмоциональна, развернута, чем речь персонажей «Туманных аллей»:

«Боже мой, что же мне делать! – с отчаянием подумал он. – Опять эти теплые детские слезы на детском горячем лице... Она даже и не подозревает всей силы моей любви к ней! А что я могу? Увезти ее с собой? <...>» И стал быстро шептать <...>:

– Танечка, радость моя, не плачь, послушай: я приеду весной на все лето, и вот правда пойдём мы с тобой “во зеленый сад” – я слышал эту твою песенку и вовеки не забуду ее, – поедем на шарабане в лес – помнишь, как мы ехали на шарабане со станции?» (И. Бунин. Таня) [2, с. 61].

Приведенный пример убедительно демонстрирует различия представления чужой речи в классическом и современном тексте и подтверждает выполнение Слаповским указанной им в предисловии к сборнику задачи проследить разноаспектные изменения не только в речи, но и в способности людей любить, а также выражать свои мысли и чувства.

Специфика своеобразия представления способов передачи прямой речи в рассказах Слаповского мотивирована опытом его сценар-

ного письма. Раскрывая особенности сценарного текста, И. А. Мартынова отмечает возможности присутствия в словах автора двух различных позиций – говорящего и наблюдателя. Роль наблюдателя является ведущей, при этом воздействует на синтаксические особенности текста, что «приводит к элиминации предиката говорения и графическому отрыву слов автора» [18, с. 71], которые способны указывать на причины выбора говорящим слова.

В рассказах Слаповского слова автора в некоторых случаях значительно превышают по своему объему прямую речь. Это связано с тем, что в их расширении дается оценка речевого поведения персонажей, мотивируется выбор слов и отказа от них. Развернутый авторский комментарий, предваряющий диалогическое единство, актуализирует точки зрения рассказчика и персонажей, выражает авторскую иронию. С ним контрастируют неразвернутые реплики персонажей, иногда состоящие из слов служебных частей речи:

«Сцена была нелепая, похожая на диалог двух джентльменов девятнадцатого века <...>. Мне надоело, я сказал:

– Эпизод, не эпизод, вам-то что? <...>

– Я просто очень ее люблю.

– Я тоже.

– И?

– Что и?

– Я понял. Извините. До свидания» (А. Слаповский. Курица) [1, с. 25].

У Слаповского, в отличие от Бунина, мы не встречаем значительных по объему монологов персонажей, отличающихся концептуальной сложностью, при этом диалог перемещается в речевую сферу рассказчика. Нередко современные прозаики закономерно стремятся «спрятать диалог внутри абзаца» [19, с. 322]. Такой способ его представления может быть мотивирован модальными сдвигами (Д. Рубина) или аномалиями развертывания текста (Л. Петрушевская). При выборе такой формы очевидно влияние устной разговорной стихии, однако причины трансформации традиционного представления диалога мотивируются различными причинами, среди которых исследователи называют «напряженную субъективированность <...>, подчеркнутую объективированность речи, доминирование наблюдаемого над слышимым, сдвиги в модально-временном плане» [18, с. 72]. У Слаповского этот выбор обусловлен иначе: он создает пересказ диалога в лицах:

«Короче, он [Виктор] входит и стоит. Я – ты чего? Он – машина сломалась. <...> Я говорю, ты иди давай, грейся <...>. Говорю – выпей кофе,

потом разберешься. А он так со смыслом – да, разберусь» (А. Слаповский. Обида) [1, с. 367].

Таким образом, обращение к сборнику рассказов Слаповского «Туманные аллеи» демонстрирует своеобразие представления чужой речи в современной прозе. Особенно это выражается в таких способах, как конструкция с прямой речью, свободная прямая речь и диалогическое единство. Сопоставление классического и современного текстов показывает, как изменяются КТР и объем ее частей, развивается рефлексивная функция слов автора, наблюдается сближение КТР и высказываний с вводными компонентами в изображении внешней и внутренней речи персонажей. Описывая типичные, повторяющиеся жизненные ситуации, Слаповский выбирает форму свободной прямой речи, создает синкретичные формы таких функционально-композиционных типов речи, как демонстрационный и информационный. В диалоге немногословные, клишированные, не наполненные концептуально и семантически реплики персонажей становятся средством выражения субъективной модальности и демонстрируют авторскую ироничную оценку современного человека, проявляющуюся в отражении *девальвации слова и мысли* в его речи.

Подводя итог, необходимо отметить, что не только эксплицитно выраженная позиция автора, тонко ощущающего современное состояние языка, но и взгляд сквозь синтаксическую призму и анализ способов передачи чужой речи позволяют сделать более разноаспектными представления об изменяющемся времени и о речевом портрете современника. Продуктивными для лингвистического анализа современной прозы оказываются принципы, предложенные профессором С. Г. Ильенко: взаимообусловленность функционально-композиционных типов речи (информационного, демонстрационного) и способов представления чужой речи, а также учет соотношения монологической и диалогической форм в художественном тексте и установка на исследование речевого поведения персонажей.

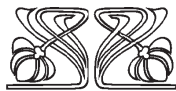
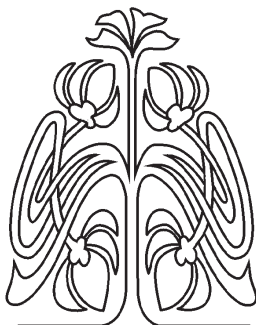
Список литературы

1. Слаповский А. И. Туманные аллеи. М. : АСТ, 2019. 250 с.
2. Бунин И. А. Темные аллеи. М. : Эксмо, 2008. 280 с.
3. Набоков В. В. Другие берега : сб. Л. : Политехника, 1991. 400 с.
4. Безруков А. Н. Редукция художественного повествования в прозе постреализма (цикл «Туманные аллеи» Алексея Слаповского) // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 24–34.
5. Черняк В. Д., Черняк М. А. Русская литература XXI века: приглашение к чтению : учеб. пособие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 320 с.
6. Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 674 с. (Герценовская антология).
7. Милых М. К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1956. 166 с.
8. Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. 282 с.
9. Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев : Вища школа, 1975. 220 с.
10. Скоморох М. М. Нестандартные способы включения чужой речи как проявление деиерархизации современной прозы // Rossica Petropolitana Juniora : сб. науч. работ молодых ученых в области русистики / отв. ред. К. Ю. Зубков. СПб. : СПбГУ, 2007. Вып. 1. С. 166–175.
11. Черкасова Г. В. Гибридные формы чужой речи в свете теории высказывания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 23 с.
12. Блинова О. И. Способы передачи чужой речи в художественном тексте (миметическая классификация) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 153–157. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.37>
13. Клецкая С. И. К вопросу о грамматическом статусе инкорпорированной прямой речи (на материале произведений Л. С. Петрушевской) // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 169–177. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.4.28126>. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28126 (дата обращения: 03.04.2023).
14. Аманалиева Ф. Б. Не-dialogические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 17 с.
15. Максимова Н. В. О разнородности форм передачи чужой речи и их языковом, речевом, текстовом статусе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 16. С. 48–60.
16. Чиркова Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте: на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 19 с.
17. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М. : Учпедгиз, 1959. 198 с.
18. Мартыанова И. А. Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 112 с.
19. Петрушевская Л. С. Девятый том. М. : Эксмо, 2003. 336 с.

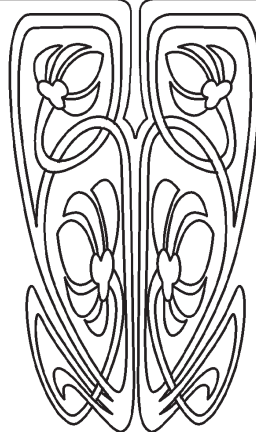
Поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 05.02.2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 174–182

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 174–182

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-174-182>

EDN: GCDOVO

Научная статья

УДК [821.133.1.09-312.9:087.6] | 18/19 | +929

Марсианские хроники «прекрасной эпохи»

К. А. Чекалов

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения, ktchekalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

Аннотация. В том блоке французской словесности конца XIX – начала XX в., который можно условно назвать «космической фантастикой», в центре внимания оказались полеты на Марс и установление контакта с марсианами. Популярность темы в массовой литературе обеспечили научные открытия того времени (в первую очередь так называемые каналы) и традиционная символика римского божества, по имени которого названа Красная планета. Все авторы, кто обращался к теме Марса в период «прекрасной эпохи», в той или иной степени ориентировались на сочинения известного астронома Камилла Фламариона (как собственно научные, так и художественные). В статье рассмотрена специфика трактовки марсианской темы в произведениях Ж. Рони-старшего, А. Лори, Ж. Лефора и А. де Граффины, А. Галопена, Г. Леружа и Ж. де Ла Ира. Показано, что использование традиционных для популярного романа ресурсов сочетается здесь со стремлением обновить его нарративные приемы. В тетралогии «Необыкновенные приключения одного русского ученого» Лефора и Граффины (1888–1896) наблюдается контраст новой для французской словесности «межгалактической» тематики с некоторым архаизмом ее трактовки. В дальнейшем усиливается тенденция к жанровой комбинаторике, к соединению марсианской темы с вампирической сюжетикой и оккультной составляющей. В литературном отношении наиболее интересна так называемая марсианская диалогия Г. Леружа, где формируются элементы столь существенной для массового чтения XX в. поэтики хоррора. «Модернистская» направленность особенно ощутима в романе Ж. де Ла Ира «Тайна XV», предвосхищающем новый для популярного романа тип героя-супермена (не получивший достаточно широкого распространения во Франции).

Ключевые слова: Марс, «прекрасная эпоха», нарратив, роман, массовая литература, путешествие, протонаучная фантастика, вампир

Для цитирования: Чекалов К. А. Марсианские хроники «прекрасной эпохи» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 174–182. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-174-182>, EDN: GCDOVO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Martian chronicles of the “Belle Époque”

К. А. Chekalov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Kirill A. Chekalov, ktchekalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

Abstract. The French literature from the late 19th and early 20th centuries that can be classified as “space fiction” centered on missions to Mars and making contact with Martians. The topic’s appeal stems from scientific findings of the time (particularly the so-called Martian canals) as well as the traditional symbolism of the Roman god who gave the Red Planet its name. All authors who wrote about Mars during the “Belle Époque” were inspired, to varying degrees, by the writings of the eminent astronomer Camille Flammarion (both scientific and fictional). The article delves into the specifics of how Joseph Rosnyainé, André Laurie, Georges Le Faure, Henry de Graffigny, Arnould Galopin, Gustave Le Rouge, and Jean de La Hire interpret the Martian theme in their works. It is demonstrated that the use of traditional materials for popular novels is mixed with a desire to update popular literature’s narrative strategies. Thus, *The Extraordinary Adventures of a Russian Scientist Across the Solar System* by Le Faure and Graffigny, written between 1888-1896, contrasts the “intergalactic” theme, which was novel in French literature, with its archaic interpretation. The tendency to mix genres, to combine the “merveilleux-scientifique” (scientific marvelous) with Gothic and vampire literature approaches, as well as to augment the story with the occult component, increases. The so-called “martian duology” by G. Le Rouge, which lays the foundation for the poetics of horror – so vital to the 20th-century popular reading – is among the most significant literary works. The modernist bent is particularly evident in J. de La Hire’s 1911 book *The Mystery of the Fifteen*, which foresaw the rise of the superman hero, a new type of hero for the popular novel (however, this hero did not gain popularity in France).

Keywords: Mars, “Belle Époque”, narrative, novel, popular literature, travel, proto-science fiction, vampire

For citation: Chekalov K. A. Martian chronicles of the “Belle Époque”. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 174–182 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-174-182>, EDN: GCDOVO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1910 г. парижская газета «Le Soleil» опубликовала заметку известного поэта и критика Андре Сальмона, в которой отчасти подытоживается марсианская лихорадка «прекрасной эпохи». Вот что пишет, в частности, Сальмон: «Марсиане! Именно они привлекают к себе повышенное внимание толпы, разогретой не столько интересными исследованиями астрономов, сколько воображением романистов – создателей научно-чудесного» («merveilleux-scientifique») [1].

Не станем здесь останавливаться на проблеме «научно-чудесного», которую Сальмон затрагивает по стопам Мориса Ренара; нам уже приходилось писать об этом явлении – фактически национальной версии протонаучной фантастики [2]. Что же касается собственно марсианской темы, которая оказалась в поле зрения французской словесности еще в середине 1860-х [3, с. 79–80], то именно в годы «прекрасной эпохи» она становится существенной составляющей обыденного сознания. Хотя у истоков французской «космической фантастики» стояла лунная диалогия Жюль Верна «Из пушки на Луну» («De la Terre à la Lune», 1865) и «Вокруг Луны» («Autour de la Lune», 1869), Марс затмил естественный спутник Земли по своей упоминаемости на страницах прессы и беллетристики. Есть основания считать последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX-го периодом настоящего бума Красной планеты. Инфильтрация марсианской темы в обыденное сознание прослеживается в самых разных сферах: так, производитель известной марки марсельского мыла «Le Petit Marseillais» с удовольствием обыгрывает созвучие названий Красной планеты и столицы Прованса [4]; незатейливый ежегодник, выпускавшийся в городке Монморийон, развлекает читателей заманчивым проектом фуникулера от Земли до

Марса [5]; парижский кафе-шантан «La Cigale» ставит реву под названием «Марс – вперед!» [6].

Важнейшим событием, стимулировавшим активное распространение марсианской темы, следует считать открытие так называемых каналов, осуществленное руководителем Миланской обсерватории Джованни Скиапарелли. (Итальянский астроном проводил свои наблюдения в 1877–1878 гг.). Соответствующие публикации журналистов, ученых и самого Скиапарелли появлялись на страницах доступной широкому читателю прессы, становясь достоянием массовой аудитории (см., например: [7]). Что же касается интерпретации его открытия как доказательства наличия на Марсе разумной жизни (гипотеза об искусственном происхождении «каналов»), то она поначалу отвергалась Скиапарелли, но в дальнейшем он присоединился к ней. Благодаря указанному открытию «сенсационная тема обитаемости Марса как бы переместилась из сферы чистой фантастики и утопии в область теоретически возможного, допустимого и достижимого» [8, с. 157].

Особую значимость для французской публики имело то обстоятельство, что выкладки Скиапарелли поддержал знаменитый астроном и прозаик Камилл Фламарион, отдавший дань марсианской тематике во многих своих научных и научно-популярных работах, а также и в романах [3, с. 82]; им, в частности, была составлена карта поверхности Марса (трактат «Небесные светила» («Terres du Ciel», 1884)). В романе Фламариона «Урания» («Uranie», 1889) Жорж Сперо (alterego писателя в молодые годы) и его возлюбленная, обворожительная норвежская барышня Кристина Нильсон (она же Икля), гибнут по ходу путешествия на воздушном шаре, однако продолжают свое духовное существование на

Марсе, «в мире, соседнем с нашим и замечательно похожем на тот, в котором мы обитаем» [9, с. 98]. Образ Красной планеты в романе соотносится с традиционным топосом земного Рая; обитатели планеты живут «духом и для духа» [9, с. 152], не ведают войн, наслаждаются прекрасной природой и питаются воздухом. Фламарион прожил долгую жизнь (он умер в 1925 г., дожив, таким образом, до «второй волны» марсианской лихорадки, на фоне которой вышла в числе прочих сочинений и первая редакция «Аэлиты» А. Н. Толстого); в своих поздних публикациях он то и дело возвращался к теме Красной планеты, корректируя, хотя и не ревизуя кардинальным образом свои взгляды.

Если же обращаться к более глобальным причинам, обусловившим широкое распространение марсианского нарратива, то здесь, на наш взгляд, следует указать на изначальную амбивалентность мифологического персонажа, имя которого носит Красная планета. Это одновременно и бог войны, победно устремленный вперед «Mars Gradivus», и лесное божество «Mars Silvanus», которое ассоциировалось с весенним пробуждением природы (отсюда и название третьего по счету месяца года), процветанием и благоденствием. Соответственно, четвертая планета Солнечной системы воспринималась как полигон военных конфликтов и революций, как источник скрытых угроз для землян, но в то же время и как возможная локализация утопического гармоничного общества.

Двойственная символика Марса соответствовала установкам массового чтения на остро сюжетное повествование – с одной стороны, и поддержание столь важной для «космической фантастики» генетической связи с романом-утопией – с другой. Вот почему марсианская тема оказалась востребована в первую очередь именно массовой литературой, хотя ее не обошли и такие представители «высокой литературы», как Ги де Мопассан (новелла «Марсианин» («L'Homme de Mars», 1888)). Два контрастных аспекта Марса вступали на страницах популярной прозы в сложное, хотя и не всегда конфликтное, взаимодействие. Сказанное вовсе не означает, что все авторы этих романов четко осознавали соответствующую символику – речь идет о постепенном накоплении культурной памяти, которой массовая литература была вовсе не чужда. Что же касается развлекательной функции марсианской тематики, то Фламарион в 1901 г. определил ее так: пресытившиеся банальностями земного бытия современники с жадностью впитывают все, что связано с Красной планетой [10].

Широкая медиатизация открытия Скиапарелли была поддержана в середине и конце 1890-х гг. работами американского астронома Персиваля Лоуэлла (его наблюдения проводились благодаря сооруженному в Аризоне гигантскому телескопу). Но не меньшее значение для разных категорий французской публики имели и произведения (как научные, так и художественные) Герберта Уэллса, и прежде всего его роман «Война миров» (1897, фр. пер. – 1900). Книгу с энтузиазмом приняли французские критики; казалось бы, Фламарион с его представлением о марсианах как «небесных братьях» землян не мог поддержать гипотезу об их вторжении на Землю; так оно и вышло, но в остальном отношении французского астронома к роману Уэллса оказалось на удивление благожелательным [10]. Значимость сочинений английского классика усматривалась не только в точном изложении астрономических представлений своего времени, но и в повышении самого статуса соответствующего нарратива: если книги Верна считались феноменом массового чтения, то Уэллсу ставили в заслугу перенос той же тематики на уровень «высокой литературы» [11, р. 154]. С другой стороны, как представляется, именно благодаря «Войне миров» во французской словесности «прекрасной эпохи» утвердилась связь марсианской темы с вампирической. Таким образом, воздействие Уэллса на французскую «космическую фантастику» оказалось весьма существенным и разноплановым.

Ниже будет рассмотрено несколько заметных французских сочинений 1880–1900-х гг., относящихся к «космической фантастике» (некоторые исследователи предпочитают вслед за Фламарионом пользоваться термином «астрономический роман») и затрагивающих марсианскую тему.

Крупнейшим представителем французской протонаучной фантастики, без сомнений, следует считать Жозефа Рони-старшего (настоящее имя Жозеф Анри Бекс), и хотелось бы начать анализ именно с него. В новогоднем выпуске 1896 г. адресованного светской публике еженедельника «Le Figaro illustré» Рони публикует этюд «Межпланетная коммуникация» [12], посвященный установлению контакта между землянами и марсианами. Жители Марса с определенной точки планеты подают Земле сигналы при помощи ультрафиолетовых лучей; французским ученым (их имена – Кальмань и Верман) удастся распознать в этих сигналах изображения простейших геометрических фигур. Тема путешествия на Марс в этом тексте отсутствует. На наш взгляд,

в «Межпланетной коммуникации» Рони, прежде всего, экспериментирует с литературной формой, превращая научно-фантастическую новеллу в симулякр документального очерка (и развивая тем самым традицию, идущую от «Обитателя планеты Марс» («Un habitant de la planète Mars», 1864) Анри де Парвиля). К той же традиции примыкает и опубликованный пятью годами позже этюд другого популяризатора науки – Т. де Фонвелья («На поверхности Марса» [13]).

Примечательно, что подробно описанное здесь Рони гипотетическое научное изобретение (позволяющее наблюдать невидимую часть спектра вещество под названием «лиллиум» – от названия города Лилль, уроженцем которого был Кальмань) в определенном смысле предвосхищает рентгеновские лучи (эксперименты В. Рентгена были обнародованы в 1897 г.).

Можно было ожидать, что за «Межпланетной коммуникацией» последует более развернутый и более содержательный текст Рони на марсианскую тему. Однако автор «Ксипехузов» («Les Xipéhuz», 1887) аккуратно обошел марсианский мейнстрим 1900-х гг. и лишь в 1925 г. выпустил роман «Космоплаватели бесконечности» (другой вариант перевода – «Звездоплаватели» («Les Navigateurs de l'infini»)), в котором воссоздал путешествие корабля «Стеллариум» на Красную планету и убедительно представил тот когнитивный тупик, в котором поначалу оказались астронавты (именно Рони впервые употребил это привычное теперь слово) перед лицом инопланетных форм жизни.

Впервые во французской литературе понастоящему масштабные картины Красной планеты представили Жорж Лефор и Анри де Граффиньи, авторы монументальной тетралогии «Необыкновенные приключения одного русского ученого» («Les aventures extraordinaires d'un savant russe», 1888–1896). Главный герой романного цикла, профессор Михаил Осипов, изобрел мощную взрывчатку – селенит (по имени дочери профессора, Селены; в старом русском переводе – в полном противоречии с замыслом книги, но в порядке «доместикации» – устранена аллюзия на спутник Земли; здесь, соответственно, «Елена» и «еленит»), с помощью которого можно отправиться на Луну. Селена влюблена во французского дипломата Гонтрана Фламмериона (рассеянный Осипов поначалу путает его с Фламмерионом, а затем принимает его за весьма сведущего астронома – однофамильца автора «Популярной астрономии»). Осипов, Селена, Гонтран и его приятель, типичный верновский чудак инженер Альсид (в старом русском перево-

де Сломка), а также американский коммерсант Джонатан Фаренгейт (однофамилец знаменитого физика XVIII в.) летят на Луну, используя в качестве импульса для своего космического корабля извержение вулкана. Затем с Луны герои романа совершают полет на Венеру, в дальнейшем они оказываются на Меркурии; путешествуют на комете и счастливым образом избегают столкновения с Солнцем; на Марсе становятся свидетелями глобальной катастрофы, в которой едва не гибнут Селена с Фаренгейтом; в дальнейшем их маршрут приобретает еще более головокружительный характер – астронавты достигают созвездия Сириус, затем летят к Малой и Большой Медведицам, Арктуру... По своей масштабности и фееричности, по детализированности изображения обитателей различных планет и галактик роман Лефора и Граффиньи не имеет себе равных в «космической фантастике» конца века.

Марсианский эпизод принадлежит к наиболее пространному в тетралогии – он занимает большую часть второго и начало третьего тома. Перед тем как отправиться на Красную планету, герои оказываются на ее спутнике Фобосе (разумная жизнь там также присутствует) и загодя ведут ученые беседы об особенностях Марса (характерной чертой всей тетралогии является обилие научнообразных экскурсов). Как и ожидалось, климат Красной планеты оказывается вполне подходящим для землян, а ее природа радует глаз (здесь авторы романа прямо ссылаются на упоминавшуюся уже книгу Фламмериона «Небесные светила»): «Природа планеты Марс мало чем отличается от Земли. Как и у нас, берега моря оглашаются вечною жалобой волн, которые шумят, ударяясь о скалы; как и у нас, ветер носится на поверхности вод, вздымая пенные валы, водная гладь, как и у нас, отражает сияние солнца и лазурь неба» [14, с. 237].

Тем же источником навеян и портрет крылатых марсиан (Фламмерион и его последователи полагали, что в силу слабой гравитации обитатели Марса наверняка имеют возможность перемещаться по воздуху): «У машин находились существа странного вида. Высокого роста, тощие, худые, с огромными ушами и совершенно плешивыми головами, обитатели Марса казались какими-то карикатурными уродами. Но что было у них всего замечательнее, так это широкие кожистые крылья, походившие на крылья летучей мыши; эти крылья служили своим обладателям вместе и одеждою, в которую они драпировались с большим достоинством. У некоторых лиц, по-видимому, начальствующи-

щих, перепонка крыльев была весьма искусно раскрашена в разные цвета и местами покрыта металлическими украшениями» [14, с. 239].

В описании жизненного уклада Красной планеты доминируют приметы научно-технической и социальной утопии; столица Марса именуется, подобно Парижу, «Городом Света». Уровень развития марсианской цивилизации чрезвычайно высок, и Осипов откровенно сожалеет, что не является уроженцем Марса. В то же время, по Лefору и Граффины, жизнь на Красной планете отнюдь не идиллична: безвозвратно канувшие, казалось бы, в прошлое войны приходится возобновить. По взаимному согласию всех марсианских народов раз в полвека здесь происходят военные конфликты, цель которых – предотвратить перенаселенность Красной планеты.

Внутренним стержнем всего повествования можно считать любовную интригу. Так, Гонтран питает надежду, что пребывание на Марсе – удачная возможность наконец-то жениться на Селене, ведь высокоразвитая марсианская цивилизация наверняка знает институт брака; надежда не сбывается. Фламмермон подобен средневековому рыцарю, которому предстоит завоевать руку красавицы благодаря многотрудной «quête amoureuse», но в ее комической версии. Гонтрану удается на протяжении чрезвычайно длительной космической одиссеи скрывать от отца своей избранницы абсолютную неосведомленность в области астрономии. Выглядит это не очень правдоподобно, но для популярного нарратива подобная условность не является чем-то экстраординарным. Интересно, что в финале тетралогии отсутствует вполне ожидаемый «поцелуй в диафрагму» – Селена отказывает Гонтрану и объявляет о своем намерении полностью посвятить себя опеке над престарелым отцом и служению его делу.

По сравнению с тетралогией Лefора и Граффины с ее головокругительными космическими горизонтами интрига романа Арну Галопена «Доктор Омега» («Docteur Oméga», 1906) выглядит весьма несложной. Книга была переиздана зимой 1908/1909 гг. в виде двенадцати отдельных выпусков большого формата и под измененным названием «Искатели неведомого. Необычайные приключения одного молодого парижанина» («Les chercheurs d'inconnu: aventures fantastiques d'un jeune parisien»). В новой версии главный герой носит имя Косинус, а к паре основных героев (музыкант Дени Борель и гениальный изобретатель Омега) добавляется юный персонаж по имени Фред. Издательская

аннотация к новой версии неумеренно нахваливала роман как «шедевр детской литературы» [15, р. 62], хотя автор обогатил его эпизодами в духе хоррора, вряд ли подходящими для подростковой аудитории (седьмой по счету выпуск под названием «Праздник крови», где речь идет об устраиваемых марсианами кровавых оргиях).

Омега-Косинус в еще большей степени, нежели профессор Осипов, тяготеет к архетипу «безумного ученого», движимого исключительно «неумной жаждой знаний». Поначалу образ ощутимо окрашен в готические тона, но затем это ощущение пропадает; Омега – «старый оригинал», «изрядно смахивавший на покойного господина Ренана» [16, с. 20]. Сюжет строится вокруг путешествия на Марс, причем летят герои в снаряде, напоминающем пушечное ядро из лунной дилогии Верна. Для полета используется вещество под названием «репульсит», которое позволяет полностью устранить гравитацию (аналог кейворита из романа Уэллса «Первые люди на Луне», опубликованного в 1901 г. и к концу того же года переведенного на французский язык). Фауна и население Красной планеты представлены в романе Галопена исключительно подробно, пожалуй, как нигде в марсианской литературе «прекрасной эпохи»: здесь и люди-амфибии, и вампиры, и драконы, и черные змеи, и зеленые собаки. Общественный строй марсиан – монархия, но без тирании; как и у Лefора – Граффины, безмятежная идиллия на планете отсутствует – земляне становятся свидетелями марсианских войн. Финал романа исполнен оптимизма: несмотря на утрату своего летательного снаряда, герои благодаря спасательной экспедиции профессора Гельвеция благополучно возвращаются на Землю и предвкушают открытие межпланетной транспортной линии.

По мнению исследователя массовой и рисованной литературы Г. Моргана, «"Доктор Омега" полностью основан на реминисценциях из Свифта (народ лилипутов, связывание и заточение персонажей), Верна (полый снаряд) и Уэллса (космический аппарат, который движется благодаря антигравитационному веществу; сверхбыстро развивающиеся растения; гипертехнологическое общество, сходное с группой общественных насекомых)» [17].

В творчестве Андре Лори (настоящее имя – Паскаль Груссе), более всего известного как соавтора трех романов Жюль Верна, марсианская тема представлена небольшой, но весьма примечательной книгой «Роман на планете Марс» («Un roman dans la planète Mars», первая публикация на страницах журнала «La Revue Illustrée» – 1895,

отдельное издание вышло только в 2007 г.). Оккультный уклон сюжета напоминает об одном из лучших романов Лори «Изгнанники Земли» («Les Exilés de la Terre», 1888). Главный герой «Романа на планете Марс», молодой астроном-любитель Азаф Челленджер (фамилия, предвосхищающая название космического челнока!), наделен гипнотическими способностями и ощущает себя раздвоенным между физическим и астральным телами; фигурирует в тексте и знаменитая клиника Сальпетриер, где проводил свои эксперименты с гипнозом Ж. Шарко. Погружение в мистический контекст позволяет предельно упрощенно представить проблему перемещения Азафа на Марс (в духе романа «Изгнанники Земли») – путешествует лишь его астральное тело, причем при содействии изрядной дозы морфия. Изначальная цель путешествия – получить наиболее полное представление о Красной планете и наконец-то разгадать тайну «каналов».

Как и Фламарион, Лори привержен тезису о высоком уровне развития марсианской цивилизации, значительно обогнавшей земную; акцент сделан на неумной жажде познания марсиан: «...наука для марсиан – это все; она здесь выступает как божество...» [18, р. 60]. Научно-технические достижения землян кажутся марсианам смехотворными, ведь на Красной планете «укрощают силы природы» [18, р. 65], здесь побеждены и войны, и болезни, и социальное неравенство, и даже физическое уродство. Девиз Французской республики «Свобода, равенство и братство» на Марсе полностью претворен в жизнь. Зато потребление пищи рассматривается как занятие низменное и осуществляется в одиночестве (совсем как в фильме Л. Бунюэля «Призрак свободы»).

У Лори Красная планета выглядит гостеприимной и комфортной для проживания, причем писатель не без лукавства соединяет топос «земного Рая» с топосом «страны Кокань». «Марсиане, похоже, не привыкли себя утруждать» [18, р. 33]; умные машины прямо на поле не только обмолачивают пшеницу, но и мелят муку, и выпекают хлеб; корзины с хлебом незамедлительно перемещаются по рельсам в сторону большого города. Встреченная Азафом прелестная марсианка Аколейя напоминает путешественнику ангела; в описании ее внешности присутствуют традиционные для массовой литературы топосы женской красоты, причем в несколько эстетизированном виде: «...на ее тунике с правой стороны имелся разрез до колена, и это позволяло увидеть стопу и ногу столь совершенных пропорций, что все земные Венеры, все творения Фидия, Пракси-

теля, Жана Гужона и Карпо меркли в сравнении с ними» [18, р.37]. Как и в «Докторе Омега», неожиданно всплывает аллюзия на Свифта, на сей раз – на заключительную часть тетралогии о Гулливере: в сравнении с прекрасной Аколейей Азаф ощущает себя отвратительным йэху (своеобразные гуингнмы на Марсе также имеются).

Увлечшись Аколейей, Азаф фактически забывает о познавательных задачах своего путешествия (в том числе и о «каналах»); в итоге его пребывание на Марсе едва ли не сводится к любезной беседе с прекрасной дамой. И все же содержание повести не исчерпывается банальной «историей межпланетной любви»; Груссе, политик левых убеждений, насыщает книгу феминистической проблематикой: перед читателем разворачивается «апология женщины, не только ни в чем не уступающей мужчинам, но и превосходящей их» [19, р. 125].

Хотя «Роман на планете Марс» стал предметом критики со стороны современных исследователей за ряд небрежностей и внутренних нестыковок [20] (свидетельствующих о высоком темпе работы над книгой), в стилистическом строе этого произведения налицо устремленность автора к «высокой литературе», к поэтичности и временами даже некоторой выпренности слога. При этом роман выглядит гораздо более современно, чем произведения Лефора – Граффины и Галопена; повествование от лица врача Анри Бридо сменяется «Рассказом загипнотизированного» Азафа, что придает тексту видимость живого документа.

Стремление к литературной изощренности и чередованию нарративных инстанций прослеживается также в марсианской дилогии Гюстава Леружа, куда входят романы «Пленник Марса» («Le Prisonnier de la planète Mars», 1908) и «Война вампиров» («La Guerre des vampires», 1909). Как и в других своих сочинениях, Леруж (в начале своей карьеры примыкавший к символистам) разрываясь здесь между научной фантазией в духе Верна и символистской мистикой [21, р. 104]. В дилогии присутствует своеобразная ониричность; происходящее в еще большей степени, чем у Лори, напоминает сновидение [22, р. 173].

Среди самых впечатляющих нарративных ходов книги – способ перемещения главного героя, молодого инженера Робера Дарвела, на Красную планету. Из всех писателей «прекрасной эпохи» именно Леружу удастся наиболее эффектно изобразить отправку летательного аппарата на Марс при помощи оккультных практик: старт осуществляется из Индии – средоточия тайного знания; факиры под руководством

демонического Ардавены обеспечивают транспортровку временно впавшего в каталепсию Робера мощным коллективным усилием воли. Робер перемещается в чрезвычайно примитивном устройстве, внешне напоминающем гроб (здесь заметно влияние представлений Фламариона о кочующих по планетам бессмертных душах). Что касается возвращения на Землю, то его обеспечивает верховный правитель Марса, бесстрашный и кровожадный супермозг, который, по логике событий, должен был давно уничтожить не в меру любопытного Робера. Инженер возвращается в мумифицированном виде (это, несомненно, оммаж по отношению к упоминавшемуся уже «Человеку с планеты Марс» Парвиля). Невеста Робера Альберта де Терамон (Леруж наделил ее фамилией представителя французской массовой литературы Ги де Терамона) близка к отчаянию; к счастью, на помощь приходит сильный электрический разряд – космический путешественник оживает.

При чтении дилогии поначалу возникает впечатление, будто контакт с жителями Марса грозит нашей планете катастрофой, однако, вопреки названию второй части дилогии, войны землян с вампирами у Леружа так и не происходит. Проникшие на Землю немногочисленные Невидимки быстро уничтожены; полностью противоречит Уэллсу сама мотивировка их появления на Земле – они пытаются спастись от несущего им смерть супермозга. Похоже, здесь имеет место не только соревнование, но и полемика с Уэллсом, да и со многими другими авторами «прекрасной эпохи».

Как кажется, в марсианской дилогии наибольший интерес для Леружа представляет не столько сама по себе проблема «контактов третьей степени», сколько активизация, в новом литературном контексте, вампирической тематики, которая постоянно поддерживалась в популярном романе и которой суждено было обрести второе дыхание в 1910-х гг. благодаря раннему кинематографу (Л. Фейад, Ф. Мурнау). Если в первой части дилогии Леруж тяготеет к кровавому гиньолю (жуткие самоистязания факиров, включая так называемую факирскую гильотину), то во второй сознательно нагнетает хоррор, временами приближаясь к тому градусу ужасного, который в скором времени будет достигнут в произведениях Г. Лавкрафта.

В дилогии умело воссоздан контраст между прекрасной, живописной природой («сверху леса казались пестрым ковром. Здесь были все оттенки желтого, красного и оранжевого цветов»

[23, с. 137]; «передо мной раскинулось море изумительно чистого фиолетового оттенка. Волны его мягко накатывались на берег, а пена на их гребнях была нежно-розовой, как цветы персика» [23, с. 201]), гармонично соединяющейся с ней в цветовом отношении фауной (павлины с бело-розовыми и кораллово-красными перьями, оранжевые черепахи), с одной стороны, и крайне отталкивающими, уродливыми формами разумной жизни – с другой. «Планета ужаса» (так назывался второй том дилогии в переиздании 1913 г.) порождает не только антропоморфных, приветливых, пусть и глуповатых Жителей лагун, но и отвратительных кровососущих Эрлооров и еще более жутких, также питающихся кровью Невидимок (Робер получает возможность лицезреть последних благодаря магическому артефакту, Опаловому шлему): «Между двух грязно-белых крыльев торчала отвратительная огромная голова. Вместо туловища вниз свисал пучок длинных щупалец с присосками, извиляющихся по земле, как клубок змей. Глаза без век смотрели немигающим взглядом, картину дополняли широкий нос и тонкие, едва заметные кроваво-красные губы...» [23, с. 251].

Венчает марсианский «воображариум» испанский (размером с Монблан!) супермозг – своего рода Левиафан, наделенный в числе прочего безграничными гипнотическими способностями; ему, как верховному божеству, марсиане не только поклоняются, но и регулярно приносят кровавые жертвы (не только домашних животных, но и самих себя). Робер едва не превращается из космического путешественника в эпического героя: сначала он, словно Прометей, открывает Жителям лагун огонь, затем некоторое время лелеет замысел поднять марсиан на бунт против супермозга (безрезультатно). Наконец он пытается полностью обесточить супермозг – вновь тщетно.

Дилогия Леружа носит наиболее «олитературенный» характер из всех рассмотренных нами в этой статье произведений. Автор ссылается на Эдгара По, Данте, Бодлера; подводная галерея напоминает о Верне; имя Уэллса не звучит, но влияние его очевидно, причем не только «Войны миров». Так, останки принесенных в жертву супермозгу Невидимок можно лицезреть и без Опалового шлема – явное влияние «Человека-невидимки» (1897, фр. пер. 1901). Сама фамилия главного героя (Dargel) выглядит англицизмом и может быть навеяна Томасом Марвелом, эпизодическим персонажем того же «Человека-невидимки».

В отличие от Леружа, автор романа «Тайна XV» («Le Mystère des XV», 1911) Жан де Ла Ир (настоящее имя – Адольф Д’Эспи) на первых же страницах книги выводит читателя в открытый космос. Прекрасная героиня, Ксаверия де Сизэр, просыпается на «радиоплане» (придуманый писателем космолет движется «благодаря безостановочному распространению волн Герца», источником которых является «радиодвигательная станция» в Центральной Африке [24, с. 11]). Радиоплан перемещается с фантастической скоростью 300 000 км в час и транспортирует Ксаверию и еще 14 прекрасных дев на Красную планету.

Похитившая Ксаверию злоеущая банда Пятнадцати ставит себе целью колонизовать Марс, а обеспечить необходимый прирост населения на нем как раз и призваны похищенные девы. Фантастическая составляющая с самого начала тесным образом взаимодействует здесь с детективной – это особенность многих произведений «прекрасной эпохи», включая романы и новеллы упоминавшегося уже Мориса Ренара. Нарративная конструкция строится таким образом, что после разворачивающейся в космосе завязки действие надолго переносится на Землю, прежде всего в Конго; в африканских похождениях героев заметно влияние «географического романа приключений» (по Е. Ю. Козьминой [25]). Читателю приходится одолеть две сотни страниц, прежде чем появляется возможность увидеть марсиан; в описании их внешности Жан де Ла Ир попросту цитирует (с небольшими купюрами) соответствующий пассаж из «Войны миров». Автор «Тайны XV» сохраняет и другие уэллсовские детали – например, пресловутые «треножники», которыми пользуются не только марсиане, но и земляне; слышится и знаменитый злоеущий зов «улла, улла».

Итак, книга Уэллса преподносится в «Тайне XV» как достоверный научный источник: «...вся земля была еще взволнована марсовским нашествием, ареной и жертвой которого стала Англия, и которое передал английский ученый Х. Г. Уэллс в своем произведении “The War of the World”» [24, с. 15]. Это отнюдь не исключает полемики с английским классиком – отмечается, например, что марсиане завоевали Землю в чисто научных, познавательных целях; что Уэллс неверно описал марсианский климат, представив его более холодным, чем он есть в действительности. Примечательно, что полемику с автором «Войны миров» не кто иной, как Фламарион (в романе их целых два –

собственно знаменитый астроном и его криминальный двойник, шпион банды Пятнадцати).

По сути дела, роли марсиан и землян в «Тайне XV» инверсированы по сравнению с «Войной миров»: земляне пресекают деятельность банды Пятнадцати по колонизации Марса, но лишь затем, чтобы «передоверить» эту функцию государству, полномочным представителем которого выступает протагонист романа, отважный Лео Сен-Клер. Он возглавляет десяти тысячный воинский контингент, который призван противостоять дикарям-марсианам. Итак, Жан де Ла Ир значительно трансформирует сложившуюся традицию в изображении Марса и вносит в нее связанные с «колониальным романом» стереотипы: в соответствии с его логикой цивилизованные европейцы по праву завоевывают дикую Красную планету.

Лео Сен-Клер обладает способностью видеть в темноте, отсюда и его прозвище – Никталоп. После Первой мировой войны Жан де Ла Ир продолжает его приключения и создает один из самых грандиозных во французской массовой литературе романов циклов (в общей сложности девятнадцать наименований; заключительный роман о Никталопе, «Тайна скелета» («L’Énigme du squelette»), вышел в 1955 г.). Красивый и мужественный Сен-Клер, «исследователь таинственного Тибета», к тому же посвящен в оккультные тайны (отдаленно он напоминает Жозефа Балзама); его исключительная сила воли позволяет полностью подчинять себе врагов. Из романа «Убийство Никталоба» («L’Assassinat du Nuctalope», 1933) выясняется, что он обладал еще одним удивительным свойством – искусственным сердцем; в «Нагой колдунье» («La Sorcière nue», 1954) читатель узнает об умении Никталоба продлевать собственную жизнь – в 80 лет он выглядит сорокалетним... Одним словом, Сен-Клер тяготеет к не столь уж распространенному во французской словесности типу супергероя. Если же не выходить за рамки «Тайны XV», то следует отметить, что на протяжении романа происходит переориентация традиций популярного нарратива образца XIX столетия (сочетание авантюрных, экзотических и сентиментальных элементов; тема тайного криминального сообщества, ярко представленная ранее в творчестве Поля Феваля) на формирование мифологии супермена. В этом смысле именно сочинение Жана де Ла Ира представляется нам наиболее «модернистским» из всех рассмотренных выше марсианских текстов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что марсианская тематика во француз-

ской литературе «прекрасной эпохи» развивается скорее виришь, чем вглубь. В целом погоня за увлекательностью и эксплуатация модной сюжетики занимали французских авторов больше, нежели насыщение выигрышного, экзотического материала оригинальной идейной составляющей (как это сделал, например, немецкий писатель Курт Лассвиц в романе «На двух планетах», 1897). «Равнение на Уэллса» в рассмотренных произведениях (кроме, по понятным причинам, Лефора и Графиньи) присутствовало, но могло облекаться в разные формы – в том числе несколько отстраненного и внутренне парадоксального оммажа, как у Жана де Ла Ира. Еще более подчеркнутое «равнение на Фламариона» иногда принимало, как мы видели, игровой вид, а иногда переходило в скрытую полемику. Тем не менее, дело не сводилось к простой комбинаторике одних и тех же мотивов. Интенсивное жанровое экспериментирование и отдельные попытки вывести указанную тематику на уровень «высокой литературы» (как это имело место у Лори и Леружа) делают соответствующий массив словесности весьма продуктивным для историка популярного чтения материалом. Что же касается «вампирической» составляющей марсианской темы, то она не останется без внимания со стороны французской «космической фантастики» последующего периода.

Список литературы

1. Salmon A. Les canaux de Mars // Le Soleil. 1910. 10 avril. P. 1.
2. Чекалов К. А. Поэтика научно-чудесного в интерпретации Мориса Ренара. URL: https://imli.ru/image/s/%D0%A7%D0%95%D0%9A%D0%90%D0%9B%D0%9E%D0%92_%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%9D%D0%94%D0%9E%D0%92%D0%AB%D0%98%D0%9C%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94_.pdf (дата обращения: 10.01.2024).
3. Чекалов К. А. Протонаучная фантастика и становление жанровой номенклатуры французской массовой прозы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 77–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-77-84>
4. Les habitants de Mars sur la Terre // Le Petit Marseillais. 1914. 10 mars. P. 4.
5. Les clous de l'Exposition de l'an 2000 // Annuaire-almanach de l'arrondissement de Montmorillon (Vienne). 1896. 1 janvier. P. 30.
6. De Suiramay M. La Comédie quotidienne // Le Public. 1901. 9 octobre. P. 1.
7. Schiaparelli G. V. La Planète Mars // Les Soirées littéraires. 1882. 26 novembre. P. 29–30.
8. Беларев А. Н. Научные сказки Курда Лассвица: между литературой, наукой и философией // Детские чтения. 2021. Т. 19, № 1. С. 152–167. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-1-19-152-167>
9. Фламарион К. Урания : пер. с фр. М. : Терра : Кн. клуб Книговек, 2014. 379 с. (Мир вокруг нас).
10. Flammarion. La Science et le Rêve // Les Annales politiques et littéraires. 1901. 10 novembre. P. 4.
11. Bertaut J. L'évolution du roman français // La Revue. 1909. 15 novembre. P. 145–157.
12. Rosny J.-H. La Communication interplanétaire // Le Figaro illustré. 1896. 01 janvier. P. 146–148.
13. Fonvielle W. de. À la surface de Mars // Journal des Voyages et des aventures de terre et de mer. 1901. 17 février. № 220. P. 186–187.
14. Ле Фор Ж., Графиньи А. де. Вокруг солнца / пер. с фр. А. Михайловой-Штерн. М. : Кн. клуб Книговек ; СПб. : Северо-Запад, 2011. 350 с. (Малая библиотека приключений).
15. Chevalier P. Arnould Galopin. Paris : PGC, 2013. 286 p.
16. Галопен А. Доктор Омега : невероятные приключения трех французов на Марсе / пер. с фр. Н. Панина. М. : Миллиорк, 2015. 268 с. (Библиотека приключений и научной фантастики).
17. Morgan H. Le siècle martien. Notes pour servir à l'histoire du roman planétaire. URL: <http://theadamantine.free.fr/Mars22.html> (дата обращения: 10.01.2024).
18. Laurie A. Un roman de la planète Mars. Paris : Éditions Des Barbares, 2007. 148 p.
19. Soullignac C. Présentation // Laurie A. Un roman dans la planète Mars. Paris : Éditions Des Barbares, 2007. P. 111–126.
20. Chaperon D. Comment améliorer «Un roman dans la planète Mars» d'André Laurie? // Otrante. 2011. № 29. P. 21–34.
21. Carrier-Lafleur T. L'Extraordinaire en série: Démesures verniennes chez Albert Robida et Gustave Le Rouge // Jules Verne et la culture médiatique. Québec : Presses de l'Université de Laval, 2018. P. 77–120. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1g2472x.7>
22. Le Grand C. La/une cosmologie discrète du roman populaire // Dramaxes. De la fiction policière, fantastique et d'aventures. Fontenay – Saint-Cloud : ENS, 1995. P. 163–177.
23. Леруж Г. Война вампиров : Фантастическая диалогия / пер. с фр. М. и Е. Сушарниковы. Роман 2. Невидимки. Пермь : ООО «Янус», 1993. 334 с.
24. Ла Ир Ж. де. Тайна XV : пер. с фр. М. : Резерв-и-М, 2013. 390 с. (Фантастические приключения).
25. Козьмина Е. Ю. Проблема типологии географического романа приключений // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 85–89.

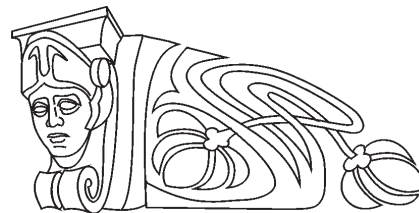
Поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 183–189
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 183–189
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-183-189>, EDN: FYXSRT

Научная статья
УДК 821.161.1.09-32+929Хвощинская

«Как ни жить, но жить вместе...»: материнско-сыновний сюжет в социально-политических рассказах Н. Д. Хвощинской

А. А. Пономарева

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

Пономарева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-7036>

Аннотация. В статье применяется оптика исследования, разработанная И. Савкиной на материале женских автодокументальных жанров, к художественному творчеству Н. Д. Хвощинской. Опираясь на ее переписку, показано, что между автодокументальным и фикциональным письмом в случае Н. Д. Хвощинской нет жестких границ. Ее произведения являются своего рода сублимацией жизненного опыта. В статье мы коснулись одной из частных страниц в биографии писательницы, специфическим образом отраженной в зеркале ее беллетристики, – брак с И. И. Зайончковским. На фоне переписки, освещающей внутренний опыт писательницы, проанализированы структура и семантика материнско-сыновнего сюжета, устойчивого в тех произведениях, которые были написаны после брака. Материалом послужили поздние социально-политические рассказы «После потопа» (1881) и «Вьюга» (1889). В ходе анализа установлено, что в характерологии героинь-матерей «погашается» историческая составляющая и, напротив, актуализируются надисторические, архетипические, черты: материнская забота, мудрость, сочувствие, духовное возвышение, доброта, поддержка, страдание и др. В работе показано, что сюжетная роль матери обусловлена не социально-политическими сюжетами, составляющими внешнесобытийную канву рассказов, а глубинным – инициационным – сюжетом. Мать, «лишняя» во внешнесобытийном плане, в инициационном сюжете играет важную роль: она оказывается рядом с героем в момент жизненных испытаний. При этом установлено, что она не способствует изменению статуса сына. Этой функцией наделяется ее сюжетный «дублер» – героиня-возлюбленная. Сюжетная роль героя тоже изменяется: он выступает не столько революционером, потерпевшим крах, сколько сыном, переживающим процесс инициации. В результате проблематика рассказов Н. Д. Хвощинской выходит за рамки социально-политического конфликта, обусловленного исторической обстановкой, и приобретает общечеловеческий масштаб.

Ключевые слова: Н. Д. Хвощинская, «После потопа», «Вьюга», социально-политический сюжет, материнско-сыновний сюжет, сюжет инициации, образ матери

Для цитирования: Пономарева А. А. «Как ни жить, но жить вместе...»: материнско-сыновний сюжет в социально-политических рассказах Н. Д. Хвощинской // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 183–189. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-183-189>, EDN: FYXSRT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“No matter how to live, but to live together...”: The mother-son plot in N. D. Khvoshchinskaya's socio-political stories

A. A. Ponomareva

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Anastasiya A. Ponomareva, anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-7036>

Abstract. In our article, the optics of research developed by I. Savkina on the material of women's auto-documentary genres is applied to the artistic oeuvre of N. D. Khvoshchinskaya. Based on her correspondence, we have shown that there are no fixed boundaries between an auto-documentary and a fictitious letter in the case of N. D. Khvoshchinskaya. Her works are a kind of sublimation of life experience. In the article we touched on one of the private pages in the biography of the writer, specifically reflected in the mirror of her fiction, – her marriage with I. I. Zayonchkovsky. Against the background of correspondence highlighting the inner experience of the writer, we analyzed the structure and semantics of the maternal-filial plot, persistent in those works that were written after the marriage. Socio-political stories *After the Flood* (1881) and *Blizzard* (1889) have been used for the analysis. In the course of the research it was found that in the character analysis of mother heroines the historical component is “extinguished” and, conversely, supra-historical, archetypal features are actualized: maternal care, wisdom, empathy, spiritual elevation, kindness, support, suffering, etc. The article shows that the plot role of the mother is determined not by the socio-political plots that make up the external canvas of the stories, but by the underlying initiation plot. The mother, “superfluous” in the external event plan, plays an important role in the initiation plot: she happens to be near the hero at the moment of life's trials. At the same time, it is established that she does not facilitate the change in the son's status. This function is given to her plot “understudy” – the heroine-lover. The plot role of the hero also

changes: he acts not so much as a revolutionary who has failed, but as a son experiencing the process of initiation. As a result, the range of themes dealt with in N. D. Khvoshchinskaya's stories goes beyond the socio-political conflict caused by the historical situation, and acquires a universal scale.

Keywords: N. D. Khvoshchinskaya, *After the Flood, Blizzard*, socio-political plot, mother-son plot, initiation plot, image of mother

For citation: Ponomareva A. A. "No matter how to live, but to live together...": The mother-son plot in N. D. Khvoshchinskaya's socio-political stories. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 183–189 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-183-189>, EDN: FYXSRT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследуя специфику женского автодокументального письма, И. Савкина вводит емкую метафору зеркала. Отражение в зеркале, по ее мнению, двояко: с одной стороны, «... смотрясь в зеркало, мы видим скорее не себя для себя, а себя для другого: для того, кто смотрит на нас» [1, с. 5], а с другой – «взгляд в зеркало – это <...> диалог между Я, которое находится здесь, и Я-отражением, которое находится нигде» [1, с. 6]. Автодокументальные жанры (дневники, мемуары, письма), по мнению И. Савкиной, могут быть рассмотрены как разговоры писательниц со своим другим Я: «Женщины пишут, осуществляясь в акте письма; увидев себя в зеркале и Зазеркалье автотекста, они воссоздают себя <...>» [1, с. 6]. Можно выдвинуть предположение, что процесс, описанный И. Савкиной на материале автодокументальных жанров, распространяется до определенной степени и на беллетристику женщин-писательниц¹.

Может показаться, что беллетристика Н. Д. Хвоцинской, скрывавшейся на протяжении всего творческого пути под псевдонимами (В. Крестовский – в беллетристике) [3], менее всего репрезентирует идею диалога писательницы со своим отражением в «зеркале» беллетристики. Н. Д. Хвоцинская тщательно конструировала репутацию писателя-ремесленника, для которого сочинения – не больше, чем продукт его «фабрики». Лейтмотивом в ее письмах проходит признание, что творчество – тяжелейший труд, за который она вынуждена браться в силу своей финансовой незащищенности². Между тем в

ее переписке встречаются и контр-признания, деконструирующие идею о «коммерческом» отношении к беллетристике. Декларируя идею о том, что ее беллетристическое творчество – «фабрика», Н. Д. Хвоцинская довольно неожиданно (в контексте сконструированного ею дискурса о литературе) переживает неуспех отдельных произведений. К примеру, в письмах о повести «Из связки писем, брошенных в огонь» писательница вдруг признается, что в ней высказано «несколько собственных личных убеждений, признанных безнравственными» [4 с. 93], о романе «Встреча», также негативно встреченном критиками, говорится, что в нем есть «многое близкое <...> по душе» [4, с. 21] и что это ее любимый роман [4, с. 100], и др. Все это позволяет утверждать, что беллетристика для Н. Д. Хвоцинской не была лишь «коммерческим продуктом», приносящем кое-какие деньги.

В одном из писем к Н. Щербине обнаруживается сравнение творческого процесса с ведением частной корреспонденции: «Потребности высказаться никогда не было. Мне даже тяжело, в сказках для чужих людей, выговаривать то, что бывает у меня на душе или что бывало близко к моему собственному положению: это легко сказывается вот так, тому, кто по душе <...>. А для писательства приходится поневоле или погружаться в себя, или ломать себя, навязывая себе чужие чувства, чтоб представить их» [4, с. 28]. Н. Д. Хвоцинская не просто сопоставляет, а, по сути, уравнивает два различных типа письма: автодокументальное и фикциональное. Оба имеют один и тот же источник – ее внутренний опыт. В результате этого в художественном творчестве создается сложная для писательницы ситуация: желая остаться в тени, она, тем не менее, не мыслит произведение отстраненно от себя – оно неизбежно оказывается сублимацией внутренней жизни. На эту фундаментальную черту поэтики Н. Д. Хвоцинской обращает внимание А. Розенхольм: «... ее художественная проза указывает на взаимовлияние жизни и литературы <...>» [4, с. 3].

В статье мы коснулись одной из страниц в биографии Н. Д. Хвоцинской, которая специфическим образом отразилась в зеркале ее беллетристики, – брак с И. И. Зайончковским. История отношений писательницы с мужем довольно подробно описана уже первыми мемуаристами

¹ В современном литературоведении встречаются исследования, в которых применяется оптика анализа, разработанная И. Савкиной на материале автодокументальных жанров, к беллетристике женщин-писательниц (см.: [2]).

² Приведем здесь только один пример из письма, адресованного О. А. Новиковой. Рассуждая о женском творчестве вообще и о своем в частности, Н. Д. Хвоцинская признается: «... писательство – очень второстепенная вещь и в моем характере, и в моей жизни. Смотрите на них, душа моя, как я смотрю – как на ремесло <...>. Едва признали за женщинами право мысли и работы – они взяли только право часто праздного занятия... Признаюсь, я говорю о моих соотечественницах, зная, без просьбы к вам, что вы сохраните для себя одной мои мысли, и с полнейшим сознанием исключаю себя на этот раз из их числа. Я говорю и, главное, чувствую, что я ничего не сделала, но я живу моей работой и только потому ее продолжаю. <...> я не писала бы ни строчки. Все это прах, суета, и ни пылинки вклада в общественное дело» [4, с. 85–86].

и биографами [5–7 и др.]: бывший политический заключенный, доктор И. И. Зайончковский был гостем в рязанском доме Хвоцинских; в 1865 г., сразу после смерти любимой сестры, писательницы Софьи Дмитриевны, Н. Д. Хвоцинская принимает от него предложение (она была старше мужа на 13 лет). Однако брак не принес счастья: вскоре Н. Д. Хвоцинская дала свободу мужу, но продолжила поддерживать его. Опираясь на ее личную переписку (в чем его упрекала П. Д. Хвоцинская [8]), В. И. Семевский сделал любопытное наблюдение: в своем браке писательница совмещала функции жены и матери³ – поддерживала мужа в его трудах, ухаживала за ним во время серьезной и длительной болезни, а затем ссужала своими деньгами во время заграничных путешествий. В одном из писем к О. А. Новиковой Н. Д. Хвоцинская отмечала, что она любит мужа «как новый долг, как цель жизни» [4, с. 8].

Можно утверждать, что Н. Д. Хвоцинская не использовала факты своей приватной жизни в художественном творчестве. Как писала П. Д. Хвоцинская, сестра «таила ото всех» свои сердечные муки [8]. Однако фронтальное чтение беллетристики обнаруживает любопытную закономерность: в произведениях, написанных после замужества, заметно укрупняется фигура героини-матери в сюжете и проблематизируются ее отношения со взрослым сыном⁴. В статье мы проанализируем одну из семантических проекций материнско-сыновнего сюжета, репрезентированного в художественной прозе Н. Д. Хвоцинской, на фоне переписки, так или иначе освещающей ее внутренний опыт отношений с мужем, «взрослым ребенком». Материалом послужило два поздних рассказа – «После потопа» (1881) и «Вьюга» (1889).

Конструируя художественные миры своих рассказов, Н. Д. Хвоцинская опиралась на актуальную традицию социально-политической прозы. Основу ее рассказов составляют сюжетные схемы, которые отсылают к историческим процессам второй половины века – разгрому революционного народничества. Событийная основа рассказа «После потопа» может быть представлена таким образом: два родных брата,

Всеволод и Николай, освободившись из тюремного заключения, в котором находились за революционную работу, возвращаются домой, где их ждет радостная семья; Николай не может свыкнуться с мыслью, что они единственные помилованные, и пытается покончить с собой во время праздника, в чем ему мешает мать. Основу рассказа «Вьюга» составляет другая сюжетная схема, однако тематически связанная все с тем же процессом: герой Вотяков, сосланный в «глухую сторону» за революционную работу, пережив смерть матери, остается совершенно один и медленно умирает от болезни.

В литературоведении отмечалась близость рассматриваемых рассказов на уровне проблематики. М. С. Горячкина писала об этом: «Герои рассказов – интеллигенты, приговоренные к тюремному заключению и каторге за революционную работу. Само заглавие рассказов свидетельствует о замысле автора: молодые революционеры пережили потоп, вьюгу. Немногие выжили и физически и духовно, но даже те, кто уцелел, вернулись домой с разбитой душой. Они не в силах забыть страшных жертв, которые принесли их товарищи, не находят в себе силы для жизни, хотя сами остались честными до конца» [10, с. 377–378].

Между тем обращает на себя внимание, что внутри сконструированных художественных миров «снимаются» приметы времени. Состояние, в котором находятся герои-народники, перекликается с теми характеристиками, которые Н. Д. Хвоцинская делает о своем муже, политическом заключенном старшего поколения. Расстроенное физическое здоровье, разбитая душа, неспособность найти место в современной России – все это постоянные «приметы» мужа в переписке Н. Д. Хвоцинской.

В социально-политических схемах, составляющих внешнесобытийный уровень сюжета, фигурирует лишний для них актант – мать героя⁵. Включенная в социально-политические сюжеты, она никак не влияет на ход событий и не выражает никаких злободневных идей⁶. Ее характерология и сюжетная роль обусловлены другим – глубинным – уровнем сюжета.

⁵ Нужно сделать акцент на том, что в рассматриваемых рассказах фигурирует только мать героя, героиня (возлюбленная героя) лишена матери, находится под опекой отца; отец героя либо исключен из повествования (о нем нет никаких упоминаний), либо неотделим в эмоционально-психологическом плане от матери героя, причем сюжетно активным в этом случае оказывается не отец, а мать.

⁶ В целом для творчества Н. Д. Хвоцинской это специфично, поскольку наблюдается обратная тенденция: матери сыновей, как правило, – «новые женщины» (см. романы «Встреча», «Большая медведица» и др.).

³ Приведем фрагмент из работы В. И. Семевского: «Что касается Н. Д., то она сохранила к мужу, несмотря на всю неудачность этого брака, самое доброе, почти материнское чувство. В одном письме к приятельнице (в августе 1870 г.) она называет его “взрослым ребенком”. “Не я забаловала его, – пишет она, – забаловали его до меня, а мне он достался балованный, разбитый и больной, так что мудро было перевоспитывать”» [6].

⁴ В литературоведении отмечалось, что, как правило, в женской литературе проблематизируются отношения матери и дочери (см., например: [9]).

Стоит отметить, что в современном литературоведении большой корпус работ посвящен изучению женских образов в творчестве Н. Д. Хвощинской [11–13 и др.]. Женские образы представлены в исследованиях, говоря словами Ю. М. Лотмана, «барометрами общественной жизни» [14, с. 46] второй половины века: их характерология и модели поведения рассмотрены в свете актуальных в ту эпоху идей женской эмансипации. Между тем при исследовании женских образов нужно также учитывать другой аспект – надисторичность женского характера. Ю. М. Лотман писал: «С одной стороны, женщина с ее напряженной эмоциональностью живо и непосредственно впитывает особенности своего времени <...>. С другой стороны, женский характер парадоксально реализует и прямо противоположные свойства. Женщина – жена и мать – в наибольшей степени связана с надисторическими свойствами человека, с тем, что глубже и шире отпечатков эпохи» [14, с. 46]. В характерологии героинь-матерей из рассматриваемых рассказов «погашается» историческая составляющая и актуализируются надисторические, архетипические, свойства.

Известно, что фундаментальной чертой материнского архетипа, по К. Г. Юнгу, является амбивалентность: с его позитивной модификацией связаны материнская забота, сочувствие, мудрость, духовное возвышение, полезные инстинкты, порывы, доброта, заботливость, поддержка и другие, с негативной – тайное, загадочное, темное, искушающее и отравляющее, вселяющее ужас и др. [15]. В рассматриваемых рассказах героиня-мать обладает исключительно положительными качествами. Особенно это проявляется в рассказе «Вьюга», где образ матери, данный с точки зрения героя, идеализируется⁷.

По замечанию Х. Гюнтера, в русской культуре с архетипом матери связан устойчивый набор христианских ценностей: любовь и милосердие [17]. Для Н. Д. Хвощинской на первый план выходит страдание, что, вероятно, было обусловлено ее жизненным опытом. Доступная нам часть переписки не дает возможности выстроить полную картину ее положения в браке. Однако в опубликованных письмах неоднократно встречаются характерные примеры самопожертвования Н. Д. Хвощинской, главное из которых связано с ее уходом из литературы почти на два года ради заботы о муже.

⁷ Идеализация матери в рассказе перекликается с наблюдением К. Г. Юнга: «...для мужчины мать с самого начала несет явный символический смысл, чем, вероятно, и объясняется его выраженная склонность к идеализации» [16, с. 206].

В рассказах Н. Д. Хвощинской в образе героини-матери актуализируется христианское содержание. Это осуществляется за счет формирования группы символов, выражающих семантику набожности и благоговения (К. Г. Юнг).

В рассказе «После потопа» такое значение получает церковная служба, которая проводится в доме молодых людей. Характерно, что мать оказывается единственной участницей, которая всерьез воспринимает происходящее: «Ее растерянное лицо на минуту как будто напомнило, что происходит что-то не совсем обыденное, совершается не просто заказной обряд... напоминание какое-то беспокоящее и скучное. На нее старались не смотреть» [18, с. 343].

В рассказе «Вьюга» мать воспринимается как мученица всеми, кто знает историю ее самопожертвования. Героиня Катя, приехав вместе со своим мужем к Вотякову, начинает знакомство с упоминания о матери (ср.: «Где же мама? <...> Я ее ножки поцелую...» [18, с. 357]). Именно она обращает внимание на значимую деталь, связанную с матерью героя, – копию, снятую с картины старинного мастера, на которой изображена Мадонна с младенцем. Картина, размещенная в киоте, вызывает религиозное чувство в Кате: «Мамин образ? – спросила она, шепча, как в церкви. Вотяков наклонил голову. Она крестилась» [18, с. 364]. Очевидно, что в рассказе проведена параллель между матерью героя и Мадонной, изображенной на картине.

Архетипическую основу имеют также сюжетные роли героинь-матерей. В исследовательской литературе, начиная с работ К. Г. Юнга, мать связывается с обрядом инициации: «Мать – главенствующая фигура там, где происходит магическое превращение и воскрешение» [15]. В «зазеркалье» переписки и беллетристики Н. Д. Хвощинской эта материнская функция репрезентируется по-разному. В письмах писательницы настойчиво проводится мысль о том, что муж, «взрослый ребенок», должен жить в отдалении от нее: Н. Д. Хвощинская многократно отговаривает его приезжать в Петербург и в Рязань, отказывается сама приехать к нему за границу. В письмах к мужу это объясняется тем, что климат России вреден для его слабого здоровья, и тем, что честному человеку, как он, нет места в современной России. В письмах к О. А. Новиковой дается другое объяснение ситуации: материнская роль по отношению к мужу мешает творческому процессу. В художественном мире рассказов описанная ситуация, отражаясь, семантически трансформируется: матери, лишённые творческого начала, в важный

для сыновей момент жизненного испытания оказываются рядом с ними, однако это все равно не способствует их инициации.

В рассказе «После потопа» неожиданно амбивалентным оказывается спасение сына. Не смирившись с помилованием, молодой человек понимает, что не сможет жить дальше. Во время праздника он решает покончить с собой. Самоубийство представлено единственным выходом для героя, потерявшего всякий смысл жизни. Эпизод подготовки к нему насыщен символическими деталями, указывающими на то, что он разочаровался не только в социальных законах, но и в божественных (ср.: «... нужно масла. В углу горела лампадка. Николай встал на стул, дунул на огонь и вынул чашку, оглянувшись, как там вдруг потемнело <...>» [18, с. 352]). Кульминационный момент, когда должен был прозвучать выстрел, рядом с ним появилась мать. Примечательно, что ее образ создан подчеркнута нереалистичным: «Он не видел, как из-за решетки лестницы, будто из пола, поднималось что-то, подошло, неслышное, и рухнуло ему в ноги <...> Николай, а я-то... без тебя... я-то что же?..» [18, с. 352]. Несмотря на то, что мать здесь предотвращает самоубийство своего сына, она не способствует его внутреннему преобразению и воскрешению.

В рассказе «Вьюга» мать также не наполняет героя силой, нужной для прохождения жизненных испытаний, более того, она невольно обессиливает его. Следуя за сыном в «глухую сторону», женщина стремится спасти его, но ее смерть только усиливает разрыв героя с миром: «Он был бледен, дышал устало; глаза светились, какие-то равнодушные; на губах пробегала улыбка. Это был человек поконченный» [18, с. 354].

В отличие от рассказа «После потопа», в рассказе «Вьюга» духовное преобразование героя все-таки происходит, но главной фигурой в этом процессе оказывается не мать, а молодая женщина Катя, жена старого знакомого героя. В рассказе она становится своего рода сюжетным дублером матери героя. На их сходстве многократно сделан акцент в повествовании. Так, хозяйка дома, в котором живет Вотяков, замечают, что Катя так же, как и мать героя, отличается щедростью: «Это она, как покойница Николая Михайловича матушка <...> все, бывало, отдает <...>» [18, с. 360]. Также акцент сделан на интуитивной связи женщин. Катя, впервые оказавшись в комнате Вотякова, угадывает, что копия с картины, висящей на стене, принадлежала матери. Название картины в рассказе не сообщается,

однако можно предположить, что намек сделан на картину Джованни Баттиста Сальви «Мадонна с розой». Примечательно, что на ней роза изображена ярко розовой, а не белой, как отмечается в рассказе. Причины этой ошибки могут быть самыми разными, но можно предположить, что изменение цвета мотивировано художественным замыслом писательницы. В рассказе, где большую роль играют цветовые детали, белая роза, связанная и с Мадонной, и с матерью героя, образует параллель с другим цветочным образом – белыми померанцевыми цветами, упомянутыми уже в связи с Катей. Аналогичной функцией наделена еще одна цветовая деталь – бледно-голубая одежда, в которой появляется героиня. Эта же цветовая деталь акцентируется в описании дымка от ладана рядом с картиной матери Вотякова (ср.: «Весной дьячку и его жене осталась в полное владение опустелая горница. Голубое облачко ладана застило лик радостной Мадонны» [18, с. 365]).

Причина, по которой Катя, в отличие от матери, способствует инициации героя, заключается в том, что в ее образе совмещены материнские черты с архетипическими чертами жены. Любопытно, что Катю сопровождают детали, отсылающие к образу мертвой жены. В первую очередь следует указать на то, что ее появление в доме Вотякова напоминает приход балладного мертвеца к возлюбленной. Однако в рассказе происходит гендерная «смена» сюжетных ролей: как мертвец, появляется не герой, а героиня – ее сопровождают ночь, метель, конский топот и др. Другая деталь, отсылающая к образу мертвеца, кажется неожиданной в «зимнем» сюжете – блуждающий болотный огонек: «В конце поляны, над оврагом, что-то засветило среди мрака, тускло, красно, будто зарево, поднималось выше, разгоралось жарче. Пожар? Но чему там гореть? Свет все вырастал; чрез несколько минут он разделся большими туманными кругами, потом рассыпался искрами; они прыгали, как огни на болоте; то отделялись, то скручивались, вдруг собрались тесно вместе и понеслись по дороге, прямо к избе» [18, с. 356]. Хорошо известно, что блуждающий болотный огонек символизирует в славянском фольклоре душу покойника (утопленника). В рассказе проводится ассоциативная параллель между этим фольклорным образом и Катей: она закутана в красную шаль, а ее волосы мокры от мороза. Преобразование «мертвой» жены происходит после ее знакомства с Вотяковым. В сюжет введен целый ряд деталей, указывающих на предназначенность героев друг другу: Катя выходит замуж за Заборовского только потому,

что тот товарищ Вотякова⁸; Вотяков встречает Катю так, как если бы она была его женой, приехавшей за ним в ссылку (обнимает, целует, радуется приезду и т.д.), герои понимают сокровенные чувства друг друга без слов и т.д.

На первый взгляд кажется, что во «Вьюге», как и в рассказе «После потопа», инициационный сюжет героя редуцирован: в его внешней жизни ничего не меняется – не прожив и года, он умирает в том же уединении, в каком представлен в начале рассказа. Между тем в сюжете обнаруживаются детали, указывающие на преобразование его внутреннего статуса. До встречи с Катей подчеркивалось, что герой – «человек поконченный». Однако при этом его бездействие скрывало под собой интенсивность внутренней жизни: «Этот жилец стоял у окна, глядя, как его затягивало холодом и как все тусклее становились оставшиеся продушины. Он наблюдал, как морозные иголки сцеплялись в звезды, в треугольники, как из них росла путаница веток, крестов, кореньев; делалось досадно, когда некрасивая льдинка, приликая не у места, портила общий рисунок, нарушала задуманный узор...» [18, с. 354]. Важно здесь, как герой видит морозный узор: это не статичный рисунок, а динамичная вязь природных – живых – компонентов (морозные иголки трансформируются в восприятии героя в ветки и коренья). Жизнь, замершая в Вотякове после смерти матери, пробуждается благодаря встрече с Катей.

Знаком внутреннего преобразования героя становится откак от чтения «Божественной комедии» Данте. Среди прочих вещей, наполняющих комнату молодого человека, Катя замечает раскрытую книгу. Узнав, что Вотяков читает «Ад», она призывает: «Не читай ужасов. Будем ждать. Они стояли, держась за руки...» [18, с. 364]. Прощание героев, последовавшее сразу за описанной ситуацией, редуцируется во внешнесобытийном плане: Катя отказывается проститься с героем и уходит вместе с ним в соседнюю комнату.

⁸ Заборовский объясняет успех в заключении брака так: «Твое имя все решило. Слушай... Я откровенен. Я там веду папашино дело с рабочими, но не забываю и свое дело, ухаживаю за барышней. Для юной души – новость положения и все такое; смущена – но... ничего решительного: ни да ни нет. Вдруг приезжает к папаше приятель и рассказывает, расхваливает, как ты его куда-то блистательно изготавил его сынка. Я слышу: «Вотяков!» Постояй: идея! Тема для сенсационных рассказов: «Знал тебя, уважал, разделял убеждения, вместе пострадали». Моя поэтика с ума сходит: и я – герой, и ты – герой... <...> Я, не теряя времени – к папаше: «руку и сердце!» Вообрази, не польщен! Но я тогда тащил его из петли, и перейди я на другую сторону... Ну, удача делает человека добрее. Удалось. Только денег, плут, не дает в руки, приходится до поры до времени улаживать дочку» [18 с. 362].

Дальнейшее развитие событий представлено с точки зрения посторонних наблюдателей, хозяев-старичков, которые видят через окно только то, что молодой человек вышел на мороз без одежды (ср.: «А с тобой – поживем! – радостно сказала она, уводя с собою Вотякова. – Выскочил! Батюшка, Николай Михайлыч, побойся Бога... Холод такой! – кричала хозяйка» [18, с. 364–365]). В результате создается эффект, что герои, встретившись однажды, внутренне уже не разлучаются.

Рассмотрение социально-политического сюжета рассказа на фоне архетипической матричной схемы показывает, что он имеет «двойное измерение». Несмотря на разминовение героев во внешнесобытийном плане сюжета, параллельно задается виртуальный план с другим финалом. Находясь на заграничном курорте, Катя обращается мыслями к счастливому прошлому. Как и Вотяков, она погружается в воспоминание через созерцание природы: «Сизые горы, лазурное море; на солнечных дорожках сверкают фазаны <...> Катя отошла далеко, стоит, смотрит, смотрит... вспомнила. Было счастье... давно!» [18, с. 365]. По мере погружения в воспоминание реальность для героини деформируется. Пространство курорта приобретает русские черты. Осыпание белых цветов трансформируется в образ вьюги: «Цвет сыплется... Снеговая вьюга легче...» [18, с. 364]. По существу, сюжет завершается в момент перехода героини в «виртуальное» – счастливое – пространство воспоминания⁹. Ее преобразование также акцентируется перераспределением цветочных деталей: красный цвет, сопровождавший Катю в начале, в финале связан с другим персонажем – компаньонкой¹⁰, а она наделяется белым цветом, напоминающим о матери Вотякова. Таким образом, в рассказе создана такая модель реальности, в которой реализованный «несчастливый» вариант судьбы героев не отменяет прямо противоположный. По существу, сюжет завершается не «разминовением» всех героев (Вотякова и матери, Вотякова и Кати), а их соединением, которое не нарушается даже смертью.

Подведем некоторые итоги. Работая в русле актуальной литературной традиции, Н. Д. Хвоцинская представляет своеобразную версию

⁹ Это своего рода реализация той мечты, о которой она говорила Вотякову: «Нет, верю, свидимся, не расстанемся! <...> Упрошу отца, он купит деревню, в тепле, в цветах, русскую, милую деревню. Уедем туда <...>» [18, с. 364].

¹⁰ «На скамье под шатром красного зонтика – компаньонка в высокой шляпе, с романом Мопассана в руках <...>» [18, с. 365].

социально-политических сюжетов, в которых сублимируется ее жизненный опыт. Новая расстановка сюжетных акцентов, изменение функций персонажей – все это так или иначе мотивируется внутренним опытом писательницы. Мать, лишняя во внешнесобытийном плане, на глубинном уровне сюжета выполняет значимую функцию: она оказывается рядом с героем в момент жизненных испытаний. При этом она, однако, не способствует изменению внутреннего статуса сына. Этой функцией наделяется ее сюжетный «дублер» – героиня-возлюбленная. Сюжетная роль героя также трансформируется: он выступает уже не столько революционером, потерпевшим крах, сколько «разбитым», «большим» сыном, переживающим процесс инициации. В результате проблематика рассказов Н. Д. Хвоцинской выходит далеко за рамки социально-политического конфликта, обусловленного актуальными общественными процессами, и приобретает общечеловеческий масштаб.

Список литературы

1. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 438 с.
2. Успенский П., Федотов А. Быть женщиной в «Современнике»: поэзия и правда в беллетристике Авдотьи Панаевой // Новое литературное обозрение. 2023. № 3 (181). С. 205–225.
3. Строганова Е. Н. По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвоцинская, она же В. Крестовский // Строганова Е. Н. Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М. : Литфакт, 2019. С. 54–62.
4. «Я живу от почты и до почты...»: из переписки Надежды Дмитриевны Хвоцинской / сост. Арья Розенхольм и Хильде Хогенбом. Fichtenwalde : Gopfert, 2001. 272 с. (Frauen Literatur Geschichte; Band 14).
5. Зотов В. Н. Д. Хвоцинская (Из воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 93–108.
6. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский – псевдоним) // Русская мысль. 1890. URL: http://az.lib.ru/s/semewskij_w_i/text_1890_11_hvosch_olderfo.shtml (дата обращения: 16.08.2023).
7. Виноцкая А. А. Воспоминания о Н. Д. Хвоцинской // Исторический вестник. 1890. Т. 39, № 1. С. 146–155.
8. Хвоцинская П. Д. [Биография] // Собр. соч. В. Крестовского (псевдоним). СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1892. Т. 1. URL: <https://62info.ru/history/node/6876> (дата обращения: 16.08.2023).
9. Павлова Н. И. Материнско-дочерний метасюжет русской женской прозы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 64–69. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2013-13-3-64-69>
10. Горячкина М. С. Н. Д. Хвоцинская (В. Крестовский – псевдоним) // Хвоцинская Н. Д. Повести и рассказы. М. : Московский рабочий, 1984. С. 366–377.
11. Березкина Е. П. Художественное воплощение гендерной оппозиции феминность/маскулинность в русской литературе второй половины XIX в. (на материале романа Н. Д. Хвоцинской «Большая медведица») // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 116–121.
12. Березкина Е. П., Проявина В. В. Мотив духовного поиска героини в повести Н. Д. Хвоцинской «Пансионерка» // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 1. С. 37–43.
13. Кичигина В. И. Проблема самоопределения женщины в произведениях Н. Д. Хвоцинской. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/91297/1/initium_2020_08.pdf (дата обращение: 28.07.2023).
14. Лотман Ю. М. Женский мир // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство – СПб, 1994. С. 46–74.
15. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. URL: https://royallib.com/read/yung_karl/dusha_i_mif_shest_arhetipov.html#0 (дата обращения: 30.07.2023).
16. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. Чечиной. М. : АСТ, 2021. 224 с.
17. Гюнтер Х. Поющая родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери). URL: <https://voplit.ru/article/poyushhaya-rodina-sovetskaya-massovaya-pesnya-kak-vyrazhenie-arhetipa-materi/> (дата обращения: 30.07.2023).
18. Хвоцинская Н. Д. Повести и рассказы. М. : Московский рабочий, 1984. 383 с.

Поступила в редакцию 18.08.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 18.08.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 190–196

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 190–196

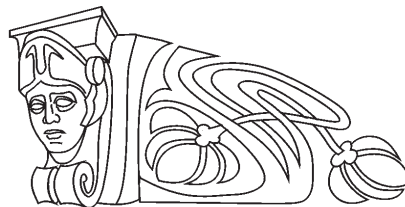
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-190-196>, EDN: DXCGAM

Научная статья

УДК 316.7(47+57)|1920/1939|+929Паскаль

Восприятие Блеза Паскаля и его наследия советской официальной культурой 1920–1930-х гг.

К. Ю. Кашлявик¹✉, А. Е. Лобков²

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Севастопольский государственный университет, Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Кашлявик Кира Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, kachlavi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1243-7608>

Лобков Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений, aelobkov@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6547-0391>

Аннотация. Восприятие Блеза Паскаля советской официальной культурой 1920–1930-х гг. еще не становилось предметом специального изучения. На новом историческом витке научное и духовное наследие французского мыслителя неизбежно подлежало ревизии. Авторы ставят перед собой задачу раскрыть особенности конструирования образа Паскаля и интерпретации его идей в обществе массовой интеллектуальной культуры. Основным материалом для статьи послужили сведения о Паскале, которые советский гражданин мог почерпнуть из энциклопедических словарей, учебников, научно-популярных статей и периодики. Делается вывод о том, что личность и труды французского гения XVII в. были важны для выстраивания диалога новой советской культуры с традиционной европейской вообще и французской в частности. В 1920–1930-х гг. складывается «советский традиционализм» – практика государства по созданию границ лояльности для традиционности, в которую, прежде всего, включена интеллектуальная культура. В новые координаты были вписаны европейская буржуазная культура и конкретный случай Паскаля. «Границы лояльности», установленные к наследию французского гения, выдвинули на первый план Паскаля-ученого и Паскаля-философствующего писателя. Показательно заострение оппозиции Декарт – Паскаль, в которой отражены духовно-философский, культурный и идеологические конфликты нового советского государства. В этом конфликте Паскаль стал своего рода «сокровенным человеком», чей духовный опыт спрятан под провозглашенной атеистической повседневностью. Однако суть внутреннего строя личности Паскаля оказывается близкой аскетизму и антибуржуазности советской культуры. Паскаль становится примером для советского человека в созидании себя на пути к светлому и справедливому обществу.

Ключевые слова: Блез Паскаль, границы культуры, советский традиционализм, социалистический реализм, математика, физика, янсенизм, Порт-Рояль

Для цитирования: Кашлявик К. Ю., Лобков А. Е. Восприятие Блеза Паскаля и его наследия советской официальной культурой 1920–1930-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 190–196. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-190-196>, EDN: DXCGAM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The perception of Blaise Pascal and his legacy by the official Soviet culture of the 1920–1930s

K. U. Kashlyavik¹✉, A. E. Lobkov²

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

²Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia

Kira U. Kashlyavik, kachlavi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1243-7608>

Aleksandr E. Lobkov, aelobkov@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6547-0391>

Abstract. The perception of Blaise Pascal by the official Soviet culture of the 1920–1930s has not yet become the subject of a special study. At a new historical turn, the scientific and spiritual legacy of the French thinker was inevitably subject to revision. The authors set themselves the task of revealing the peculiarities of constructing the image of Pascal and interpreting his ideas in the society of mass intellectual culture. The main material for the article was information about Pascal, which a Soviet citizen could obtain from encyclopedic dictionaries, textbooks, popular science articles and periodicals. It is concluded that the personality and works of the French genius of the 17th century were important in arranging a dialogue between the new Soviet culture and traditional European culture in general, and the French culture in particular. In the 1920–1930s the “Soviet traditionalism” was emerging, i. e. the practice of the Soviet state to create boundaries of loyalty for traditionalism, which, first of

all, affects intellectual culture. The European bourgeois culture and the specific case of Pascal were inscribed into the new coordinates. The “boundaries of loyalty” set for the legacy of the French genius brought to the fore Pascal the scientist and Pascal the philosophizing writer. The emphasis on the Descartes/Pascal opposition, which reflects the spiritual, philosophical, cultural and ideological conflicts of the new Soviet state, is meaningful. In this conflict, Pascal became a kind of “hidden man”, whose spiritual experience is disguised under the proclaimed atheistic mundanity. However, the essence of the internal structure of Pascal’s personality turns out to be close to the asceticism and anti-bourgeois nature of the Soviet culture. Pascal becomes a role model for the Soviet people in terms of shaping themselves on the path to a bright and just society.

Keywords: Blaise Pascal, cultural boundaries, Soviet traditionalism, social realism, mathematics, physics, Jansenism, Port-Royal

For citation: Kashlyavik K. U., Lobkov A. E. The perception of Blaise Pascal and his legacy by the official Soviet culture of the 1920–1930s. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 190–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-190-196>, EDN: DXCGAM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Стремительное оформление отечественного паскалеведения приходится на вторую половину XX – начало XXI в. Именно в этот период появляются фундаментальные работы, рассматривающие влияние Паскаля на русскую культуру. То, что это влияние было глубоким и что паскалевское наследие беспокоило многих русских мыслителей, поэтов и писателей, убедительно демонстрируют работы Г. Я. Стрельцовой «Паскаль и европейская культура» (1994) и Б. Н. Тарасова «“Мыслящий тростник”: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей» (2004), а также антология «Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей» (2013), подготовленная В. Д. Алташиной. Вместе с тем полная картина рецепции Паскаля еще далека от завершения. Так, недостаточное внимание уделялось исследованию восприятия наследия Паскаля в советской официальной культуре в 1920–1930-е гг.

Октябрьский переворот 1917 г. не означал полного разрыва с культурным наследием прошлого. Мысль Ленина о том, что нужно *взять* всю накопленную предыдущими эпохами культуру – науку, технику, все знания, искусство – и положить ее в основу строящегося социалистического общества, стала руководящим принципом. Естественно, наследие прошлого требовало критической оценки и надлежащей интерпретации.

Так начинается процесс интуитивного выстраивания революцией «границ лояльности» по отношению к традиции. Революция начинает брать у традиции ее элементы и в каждом конкретном случае узаконивать их применение. Именно в 1920–1930-х гг. складывается «советский традиционализм» – практика советского государства по созданию границ лояльности для традиционности», в которую, прежде всего, включена интеллектуальная культура. Понятие “границы советского традиционализма” <...> сводится к установлению “революцией”, то есть

советской властью, традиционалистских границ лояльности по отношению к традиции для защиты от нее в конкретной исторической ситуации и на конкретное время» [1, с. 15].

Культуру, как и традицию, невозможно отменить, невозможно изобрести заново и в одночасье, однако ее можно подвергнуть государственному пересмотру, в случае Советской России – в контексте строительства нового социалистического государства. Таковы новые координаты, в которые должна была быть вписана и европейская буржуазная культура, и конкретный случай Паскаля.

Паскаль просто не мог быть «выброшен за борт современности», слишком велик и значим был его вклад в науку и европейскую культуру. Однако сложившийся в дореволюционное время образ Паскаля (в первую очередь, как религиозного философа) на новом витке исторического развития России неизбежно должен был подвергнуться определенному пересмотру и корректировке. И здесь уже была проделана работа просветителями XVIII в., конкретно – Вольтером и Кондорсе, «сократившими» Паскаля до образа великого ученого и философа, хотя и фанатично преданного заблуждениям янсенистов. Именно эту точку зрения подхватил и заострил советский интеллектуальный дискурс.

Материалом конструирования образа Паскаля и формирования нарратива о его наследии в советской официальной культуре послужили различные энциклопедические издания, учебники, научно-популярные статьи и газетные публикации, подача материала в которых изначально ориентирована на максимальную доступность для широких слоев только еще становящейся советской интеллектуальной элиты. Установление «границы лояльности» к наследию Паскаля, с одной стороны, вполне закономерно, так как на первый план вышел Паскаль-ученый, но с другой стороны, по-своему неожиданно, так как наметилась попытка провести Паскаля по ведомству литературы.

Как известно, символом века разума является знаменитая французская «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», статьи которой отражали и одновременно формировали идеологию Просвещения. Разработка четкой идеологической концепции в эпоху кардинальных перемен является важным фактором преодоления кризиса. Поэтому нет никакой случайности в том, что 20–30-е гг. XX в. характеризуются активным становлением в СССР энциклопедического дела. Энциклопедии были призваны не только дать свод современных знаний, но и обозначить ориентиры дальнейшего развития, выразить определенную идеологическую позицию, дать надлежащую оценку событиям и личностям, которую надлежало понимать как руководство к действию. Наиболее авторитетный характер приобрели статьи Большой советской энциклопедии (БСЭ) и Малой советской энциклопедии (МСЭ), издания которых носили массовый характер.

Редакционный совет МСЭ в предисловии к первому тому отмечал разную целевую аудиторию БСЭ и МСЭ. Первая была предназначена для «верхнего интеллектуального слоя, высшего актива советской общественности», вторая ориентировалась на «средний актив советской общественности», на «широкие слои трудящихся», активно приобщающихся к интеллектуальной культуре. По мнению редакции, энциклопедия должна «стать рупором пролетарской революции и средством для прояснения классового самосознания широких масс, орудием просвещения и строительства» [2, с. 3].

Краткие статьи о Паскале представлены в 6-м томе (1931) первого издания и в 8-м томе (1939) второго издания МСЭ. Энциклопедическая статья 1931 г. подписана инициалом К. Скорее всего, за ним скрывается физик Сергей Тихонович Конобеевский (1890–1970), который был одним из редакторов отдела «Естественные и точные науки». У статьи 1939 г. автор отсутствует. Обе статьи определяют Паскаля как «математика, физика и философа». В первую очередь, в них равно высоко подчеркиваются его научные достижения в математике и физике, а вот в оценке философских заслуг наблюдаются различия. Если в первой статье акцент сделан на борьбе Паскаля «с всесильными, поддерживаемыми двором иезуитами, сторонниками “покладистой” морали, защитниками принципа: “цель оправдывает средства”» [3, стб. 341–342], то во второй – на расхождении Паскаля с Декартом во взглядах на двойствен-

ную природу человека, «придавая решающее значение не разуму, а чувству, ограничивая роль дедукции» [4].

Такое появление оппозиции Декарт – Паскаль в энциклопедической статье 1939 г. посвоему закономерно, причем советский уклад 30-х гг. явно тяготеет к «традиции» Декарта. Во 2-м томе академической «Истории философии. Философия XV–XVIII вв.» (1941) говорится, что «величайшей исторической заслугой Декарта является создание новой, анти схоластической, механистически-материалистической физики. Механистически-материалистическая физика – наиболее передовая, непосредственно связанная с научной революцией XVI–XVII вв., наиболее эмансипированная от религиозных предрассудков часть системы Декарта. Его рационалистическая методология направлена против слепой веры, против мертвой догмы, против средневековой рутины. <...> Учение Декарта открыло широкую полосу расцвета философии революционной буржуазии» [5, с. 137]. Подчеркивая резкое расхождение Паскаля с Декартом в оценке созидательной силы разума, авторы пишут: «В отличие от картезианского “сомнения”, расчищающего путь рациональному, не зависимому от церковных догм, познанию, скепсис Паскаля подрывает доверие к научному мышлению и подготавливает почву для проповеди христианства» [5, с. 142]. За этой полемикой Декарта и Паскаля слышится не только духовно-философский конфликт французского, и шире – европейского, XVII в., но уже идеологический и культурный конфликт нового советского государства. Как известно, природа власти французского абсолютизма и советской власти 30–40-х гг. XX столетия имеет достаточно точек соприкосновения. Не случайно, что в статье А. Синявского (Абрама Терца) «Что такое социалистический реализм» (1957) указывается на генетическую связь соцреализма с нормативной эстетикой классицизма. Мысль о том, что социалистический реализм есть обновленный вариант классицизма, высказывал и влиятельный французский критик Анри Лефевр в статье «К революционному романтизму» («Vers un Romantisme révolutionnaire», 1957).

Более содержательна статья о Паскале в 44-м томе (1939) БСЭ, также определяющая его как «математика, физика и философа». Статья распадается на две части, первая из которых идет за авторством Адольфа Павловича Юшкевича (1906–1993), преподавателя математики в Московском механико-машиностроительном институте им. Н. Э. Баумана. В ней дается характеристика идей Паскаля в сфере математики и

физики. Сведения о Паскале-ученом почерпнуты Юшкевичем из двух переводных книг – «История математики в XVI и XVII веках» Г. Г. Цейтена и «История физики» Ф. Розенбергера, которые и указаны в списке литературы к статье. В них содержалась подробная характеристика достижений Паскаля в математике [6, с. 52–55] и в физике [7, с. 144–146].

Во второй части рассматривается философское мировоззрение Паскаля, которое определяет проблема двух сфер «знания» – «сферы науки, творимой разумом, и сферы религии, источником которой, по Паскалю, является сердце». Конфликт между наукой и теологией по-своему закономерен, поскольку ученый находился «под сильным влиянием религиозно-мистических предрассудков окружающей его среды». Оценка дается явно с позиций французских просветительских воззрений на Паскаля. Вывод вполне ожидаемый: Паскаль «хотя и признает формально равноправие теологии и науки, но на деле отдает явное предпочтение науке, видя в прогрессе научных знаний основную цель существования человечества» [8, стб. 318].

Структура статей в МСЭ и БСЭ разительно отличается от статей о Паскале в дореволюционных энциклопедиях. Показателен в этом плане Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, подготовленный еще до революции, парадоксальным образом неоднократно переиздававшийся по старым матрицам и в раннее советское время. Так, в 31-м томе, переизданном в 1933 г., содержалась статья Ивана Михайловича Малинина (1883–1961), доцента философии Новороссийского университета, эмигрировавшего во время Гражданской войны в Белград. Статья разбита на две неравные части, первая из которых посвящена философским взглядам Паскаля и сопровождается списком литературы и указанием имени автора статьи. Основное внимание Малинин уделяет «Мыслям о религии», содержащим «главнейшие философские учения Паскаля». Конфликт между наукой и верой Паскаль решает в пользу последней, и разум «ограничен», «поэтому стремление познать принципы и конец вещей навеки безнадежно». И лишь «религия уясняет человеку его место во вселенной и, следовательно, отчасти и смысл его бытия». Истинный источник знания – «опыт сердца, интуиция», ибо: «Сердце имеет свои основания, которых не знает разум». Из гносеологических взглядов Паскаля вытекают и его этические воззрения на поведение человека, характеризующее «непримиримыми противоположностями: 1) между “должен” и “могу” и

2) между стремлением к счастью и невозможностью достигнуть его». Решение этой проблемы, как говорит большая цитата из Паскаля, возможно через изменение правила, которым пользовались «для суждения о том, что есть добро. Правилom мы брали нашу волю, теперь возьмем волю Бога: все, что Он хочет, для нас хорошо, что Он не хочет, для нас дурно» [9, стб. 117–120]. И лишь во второй части статьи кратко обрисованы заслуги Паскаля-математика.

Но поскольку фигура Паскаля выходила только за рамки науки, а его религиозные искания в строящемся атеистическом обществе давали повод для ненужных сомнений, интересна попытка провести Паскаля по разделу литературы. Такой взгляд на него представляет статья в 8-м томе (1934) Литературной энциклопедии (ЛЭ), написанная Стефаном Стефановичем Мокульским (1896–1960), выдающимся специалистом по французской литературе XVII в.

Паскаль в статье определен как «писатель, мыслитель и ученый». Основное внимание Мокульский уделяет двум знаменитым произведениям Паскаля: «Провинциальные письма» – «не только шедевр религиозно-политической публицистики, но и первоклассное художественное произведение» и «Мысли» – «сборник афоризмов религиозно-философского содержания», произведение «не только философа, но и художника» [10, стб. 461–463].

Свой взгляд на Паскаля-писателя Мокульский подкрепляет солидной отсылкой к французской критической литературе, в том числе и на два источника, имевшихся в русском переводе – «Историю французской литературы XVII в.» Г. Лансона (рус. пер. 1899) и «Историю французской литературы» Э. Даудена (рус. пер. 1902). Показательно, что среди специализированных работ приводится и «История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах» А. В. Луначарского, в которой Паскалю уделен всего один абзац. Думается, что авторитетное имя крупного государственного деятеля послужило своеобразным пропуском для Паскаля в мир советского литературоведения. Отметим, что А. В. Луначарский был основателем ЛЭ и ее главным редактором в 1929–1933 гг.

В программной статье о классицизме в «Западном сборнике» (1937) Мокульский подчеркивал особое место Паскаля: «Единственным французским писателем XVII в., отдавшим большую дань иррациональному, непонятному, таинственному, был картезианец Паскаль, преодолевший рационалистическую доктрину

своего учителя и ставший своего рода “романтиком” XVII в. Хотя французские литературоведы искони причисляют Паскаля к классицистическому направлению, однако по существу он очень далек от классицизма, так как вводит все то, чего чуждались классицисты. Мы находим у него и мистицизм, и религиозный экстаз, и живое чувство природы, и вдохновенный лиризм, и культ воображения и вдохновения, и восторг перед непознаваемым» [11, с. 26].

Намеченный Мокульским подход к Паскалю будет продолжен его аспирантом – С. Д. Коцюбинским (1909–1943?), в конце 1930-х работавшим над диссертацией о прозе французских моралистов XVII в. [12]. Полноценной главой этого исследования может считаться статья Коцюбинского «Литературное наследие Паскаля», опубликованная в Ученых записках Ленинградского государственного университета в 1941 г. [13].

Публикация переводов научных трактатов также свидетельствует об изменении угла зрения на Паскаля. В центре внимания просвещенной публики в XIX в. находились «Мысли», самое известное произведение Паскаля. На русском языке вышло несколько переводов этого сочинения, разной степени полноты и точности – И. Бутовского (1843), Н. П-ва (1871), Д. П. Первова (1888), С. М. Долгова (1892). В 1898 г. вышел перевод «Писем к провинциалу» под редакцией А. И. Попова. Религиозно-этические проблемы, над которыми бился Паскаль, оказались мучительно близкими интеллектуальной части русского общества второй половины XIX – начала XX в.

Напротив, в ранний советский период издаются научные работы Паскаля. Труды ученого имели важное прикладное значение для страны, вставшей на путь ускоренной индустриализации; его открытия в математике и физике находили применение во многих отраслях – от строительства гидроэлектростанций до авиации. Так, фрагменты трактатов о равновесии жидкостей и о весе массы воздуха, написанные «гениальным французским математиком и философом XVII века» [14, с. 78], вошли в «Физическую хрестоматию» известного популяризатора науки Якова Исидоровича Перельмана (1882–1942).

В 1932 г. в серии «Классики естествознания» была опубликована книга «Начала гидростатики», в которую вошли труды основоположников гидростатики, в том числе и трактат Б. Паскаля «О равновесии жидкостей». В 1933 г. книга вышла вторым изданием [15]. Перевод трактата был выполнен инженером В. Н. Степановым и обработан составителем сборника Александром

Николаевичем Долговым (1884–1938), профессором Московского высшего технического училища, а в 1930-х помощником главного инженера Главгидроэнергостроя и ведущим специалистом по турбинному оборудованию. В предисловии Долгов писал, что книга может послужить практическим пособием для преподавателей физики и учащихся, интересующихся гидравликой.

Ранний этап становления советского общества проходит под эгидой механистической картины мира. Она уже, конечно, не предполагала божественного первотолчка, вместо творца движущей силой современного механизма, естественно, должна была стать единственная в стране партия – ВКП(б).

Большое внимание уделяется революционным работам Галилея, Кеплера, Ньютона, Декарта, Гюйгенса, Торричелли и др. Советская культура постепенно утверждала новый тип героя – ученого, действующего во благо всего общества. Паскаль принадлежал когорте великих ученых, стоящих у истоков современной науки, его имя было неотъемлемой частью преподавания естествознания, поэтому правильно поданная биография Паскаля имела важную образовательную функцию. Естественно, что в официальных изданиях биографические сведения о Паскале часто подавались редуцированно и с оглядкой на общую атеистическую установку, так как конструируемый образ Паскаля должен был стать достойным образцом для подражания.

Старшему поколению Паскаль был интересен в свете напряженности и интенсивности нравственных исканий и мучительно тревожащих вопросов. Новому государственному строю апология христианской религии была чужда. Поэтому в сознании молодого советского поколения нужно было сложить в первую очередь образ Паскаля-ученого, целеустремленного труженика, посвятившего все помыслы науке.

В 1936 г. на карте г. Горького (бывшего и нынешнего Нижнего Новгорода) в Ленинском районе появилась новая улица – Паскаля. Отметим, что улиц, названных в честь французского ученого и мыслителя, на территории бывшего СССР буквально единицы. А годом ранее в биографической серии «В помощь учителю», выпускаемой Горьковским краевым отделом народного образования, вышла краткая биография Паскаля [16]. Ее составителем выступил Владимир Владимирович Кокосов (1886–1944), на тот момент числившийся внештатным сотрудником Научно-исследовательского института политехнической школы.

Биография, адресованная школьной аудитории, написана простым и одновременно ярким языком, повествует о научном пути и открытиях молодого Паскаля, опиравшегося в своих рассуждениях исключительно на математическую логику, опыт и знание законов природы. Хотя и этому «рациональному, научному уму» не удалось избежать «ядовитого тумана католического христианства». Такой поворот «от методов точной науки в сторону религиозной мистики» автор объясняет как «болезненным состоянием» Паскаля, так и «условиями среды и эпохи», разрушением феодальных отношений и становлением капитализма [16, с. 4]. Гневная риторика в адрес церкви, «подавившей и искалечившей этот светлый ум», вполне уместна в контексте «воинствующей» антирелигиозной пропаганды на этапе становления советской власти.

В связи с 275-летием со дня смерти Паскаля в 1937 г. в научно-популярном журнале для подростков «Знание – сила» вышла статья, написанная профессором Александром Александровичем Зонненштралем, заведовавшим кафедрой физики в Московском институте химического машиностроения.

Естественно, что деятельность ученого неотделима от его биографии. Поэтому А. А. Зонненштраль в статье, характеризующей преподавание физики во французских школах и опубликованной в «Педагогическом сборнике» в 1913 г., дает следующее методическое указание для педагогов: «...при случае, в виде отступления надо познакомить с жизнью нескольких великих, обращая внимание не только на значение их трудов, но и на моральное величие их преданности науке; преподавателю рекомендуется давать ученикам прочитывать некоторые характерные страницы из их творений» [17, с. 47].

Биографический очерк Зонненштраль начинает с характеристики эпохи, в которую жил и творил Паскаль, века великих научных открытий, религиозных противостояний, кровопролитных войн и становления буржуазных отношений. Рассматривая становление Паскаля как ученого, автор отмечает важную роль семьи в развитии природных задатков будущего гения и прикладную ценность сделанных им открытий. Автор подробно останавливается на причинах (тяжелое заболевание, смерть отца и «чудо» на мосту в Нейли), которые привели к отказу Паскаля от занятий точными науками в пользу религиозного отречения. Но даже несмотря на «религиозную манию», в «минуты просветления» Паскаль пишет разоблачающие иезуитов «Провинциальные письма», создает труд о циклоиде и работает над сочинением,

изданным после смерти Паскаля под названием «Мысли», многие размышления в котором «святые отцы Порт-Рояля» отретушировали, «устраняя и переделывая все, что им неудобно» [18, с. 23]. В завершении автор отмечает огромное влияние трудов Паскаля на науку, философию и художественную литературу. Необходимо также отметить, что статья содержит большое количество иллюстраций.

Биография французского ученого в изложении А. А. Зонненштраля выдержана идеологически верно и может быть названа образцовой с точки зрения советской идеологии. Образ Паскаля-ученого в нашей стране возобладает на многие десятилетия. Поэтому во многом закономерно, что одна из статей в «Литературной газете» за 1939 г., посвященная 121-й статье сталинской Конституции, гарантирующей право на образование, начинается с истории из детства «великого французского физика и математика», жажда к точным знаниям у которого была настолько велика, что он в 9-летнем возрасте самостоятельно «наново создал Эвклидову геометрию» [19].

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что традиция жизнеописания Паскаля для детей и подростков существовала и в дореволюционной России. В ней также обращалось внимание на роль семьи в развитии научных способностей Паскаля, описывалась важность открытий, сделанных им, но его религиозное обращение характеризовалось не как морок ясного ума ученого, а как победа над диктатом разума, чреватого самыми разнообразными страстями. В качестве примера можно вспомнить знаменитый рассказ «Паскаль и его сестры» из неоднократно переиздаваемой книги «Детство и юность великих людей» французской писательницы Луизы Коле [20] и статью «Два великих французских мыслителя и математика, из которых один выше всего ставил человеческий разум, а другой – человеческое сердце» из Детской энциклопедии [21].

Жизнеописания советского периода 1920–1930-х гг. показывают, с одной стороны, преемственность с прежней традицией и, с другой, резкое расхождение с ней в оценке роли церкви и религии в судьбе Паскаля.

Так складывается практика «советского традиционализма», имеющая своей целью «умиротворение традиции, вовлечение ее в советское строительство, создание у традиции иллюзии, что советская власть является родной, своей, во всяком случае, не враждебной. Причина невозможности уничтожить традицию силами воинствующей атеистической машины кроется в религиозной природе традиции. А если оценивать атеистическую идеологию как скрытую

веру, то будет понятен пафос противостояния. Как писал на этот счет архиепископ Иоанн Сан-Франциский (Шаховской): «Атеистический коммунизм по-своему верит в Бога, боясь Его и ненавидя» [1, с. 15].

В этом конфликте Паскаль стал своего рода «сокровенным человеком» советской культуры. Формула с символической проекцией на личность Паскаля взята из одноименной повести (1927 г.) А. П. Платонова. Показательно, что первоначальное название ключевого произведения Платонова «Страна философов». Порубежность состояния «технически» мыслящего главного персонажа (Пухова) между христианством (старым миром) и революцией (новым миром), героя, которого глубоко задевают «глупости, несуразности» революции, можно соотнести с тем, как создается новая культура в целом и как лепится образ «советского» Паскаля в частности.

Слово «сокровенный» – «caché» из паскалевского словаря – «Le Dieu caché/Deus absconditus» – «Ты не искал бы меня, если бы уже не нашел» – мотив из книги пророка Исаии (XLV, 15), часто звучащий в «Мыслях» (L 781) [22]. Сокровенность духовного паскалевского опыта в советской культуре будет пульсировать на всем ее протяжении, даже будучи «редуцированной» официальным дискурсом.

Список литературы

1. Границы советского традиционализма: Из опыта русского народа XX века. Этнологическое исследование / отв. ред. и сост. О. В. Кириченко. СПб. : Алетейя, 2021. 688 с.
2. Предисловие // Малая советская энциклопедия : в 10 т. Т. 1 / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М. : Советская энциклопедия, 1928. С. 3–4.
3. К. Паскаль // Малая советская энциклопедия : в 10 т. Т. 6: Огневки – Пряжа / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М. : Советская энциклопедия, 1931. Стб. 341–342.
4. Паскаль // Малая советская энциклопедия : в 10 т. Т. 8: Парторг – Революционный трибунал / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1939. Стб. 14.
5. История философии. Т. 2: Философия XV–XVIII вв. / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. М. : Госполитиздат, 1941. 470 с.
6. Цейтен Г. Г. История математики в XVI и XVII веках / пер. П. Новикова; обраб., прим. и предисл. М. Выгодского. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Л. : Ред. техн.-теорет. лит-ры ОНТИ, 1938. 456 с.
7. Розенбергер Ф. История физики. 2-е изд. : в 2 ч. Ч. 2: История физики в новое время / пер. с нем. под ред. И. Сеченова, вновь провер. и перераб. В. С. Гохманом ; предисл. С. Ф. Васильева. М. ; Л. : Гос. техн.-теорет. изд-во, 1933. 342 с.
8. [Юшкевич А.] Паскаль // Большая советская энциклопедия. Т. 44: Пализа – Перемычка / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М. : Советская энциклопедия, 1939. Стб. 316–318.
9. [Малинин И.] Паскаль // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат : в 72 т. 11-е изд., стер. Т. 31: Павинский – Персия. М. : Рус. библиогр. инст. Гранат, 1933. Стб. 117–120.
10. Мокульский С. Паскаль // Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 8. М. : Советская энциклопедия, 1934. Стб. 461–463.
11. Мокульский С. С. Французский классицизм // Западный сборник. Кн. 1 / под ред. В. М. Жирмунского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 9–52.
12. Кирнозе З. И., Лобков А. Е. Проза французского классицизма. Попытка реконструкции одной несохранившейся и незащищенной диссертации // Вопросы литературы. 2017. № 4. С. 269–305. EDN: WPWYUT
13. Кашлявик К. Ю., Кирнозе З. И., Лобков А. Е. С. Д. Коцюбинский о литературном наследии Блеза Паскаля // Франция и Россия: век XVII. Нижний Новгород : Радонеж, 2016. С. 328–340.
14. Физическая хрестоматия: Пособие по физике и книга для чтения. Ч. 1 / сост. Я. И. Перельман. Пг. : «Сеятель» В. Е. Высоцкого, 1922. 232 с.
15. Паскаль. Трактаты о равновесии жидкостей и весе массы воздуха, содержащие объяснение причин различных явлений природы, которые до сих пор не были достаточно известны, и в частности тех, которые приписывались боязни пустоты // Начала гидростатики: Архимед, Стэвин, Галилей, Паскаль / пер., прим. и вступ. ст. А. Н. Долгова ; 2-е изд. М. ; Л. : Гос. техн.-теорет. изд., 1933. С. 365–401.
16. Кокосов В. Паскаль. Горький, [1935]. 4 с. (Горьковский краевой отдел народного образования; библиографическая серия «В помощь учителю»).
17. Зонненитраль А. А. Общий строй французской школы и преподавание физики во французских средних учебных заведениях. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 65 с.
18. Зонненитраль А. Блез Паскаль (к 275-летию со дня смерти) // Знание сила. 1937. № 8. С. 20–23.
19. Семенов Я. Статья сто двадцать первая // Литературная газета. 1939. 5 дек. № 67 (846). С. 3.
20. Колэ Л. Детство и юность великих людей (Важнейшие эпизоды и выдающиеся приключения в их жизни) / пер. с 12-го изд. С. Майковой. СПб. : Изд. Книгопродавца В. И. Губинского, 1894. С. 176–194.
21. Два великих французских мыслителя и математика, из которых один выше всего ставил человеческий разум, а другой – человеческое сердце // Детская энциклопедия : в 10 т. Т. 10. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 55–57.
22. Pensées de Blaise Pascal. URL: <http://www.penseesdepascal.fr/> (дата обращения: 23.09.2023).

Поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 197–203

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 197–203

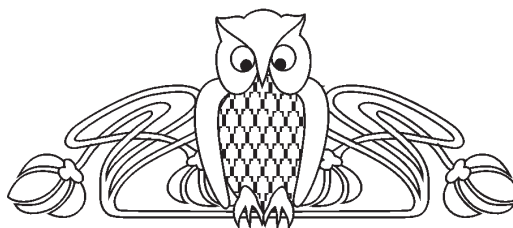
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-197-203>, EDN: DXZMQU

Научная статья

УДК 821.111.09-311.6+929Во

Христианская истина и политика в романе Ивлины Во «Елена»

И. В. Кабанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Аннотация. Роман И. Во «Елена» (1950) рассматривается как выдающееся художественное размышление писателя о наиболее близких ему проблемах: о природе власти в обществе и о возможности обрести выход из кризисного сознания XX в. в истине католической религии. В католической церкви Англии к Во всегда относились с подозрением, подчеркивая его «неправильный» католицизм; с опорой на труды биографов и интерпретаторов творчества Во анализируются особенности рецепции писателем католической ортодоксии. Католицизм был для Во, прежде всего, наиболее глубоко разработанной логической системой, основанной на исторически достоверных фактах. В истории св. Елены И. Во создает не просто жизнеописание полупоэтической императрицы, которая обнаружила Крест Голгофы и доказала тем самым подлинность основополагающего христианского нарратива, но современный, полный иронии, исторический роман о закате Римской империи. Намеренные анахронизмы, стиливые особенности позволяют автору создавать скрытые параллели между эпохой Констанция Хлора и Константина Великого (мужа и сына Елены) и катастрофической историей XX в. Во показывает живучесть язычества, циничное использование политиками мощного инструмента религии с единственной целью консолидации личной власти. Авторская ирония не позволяет роману уйти в прямую апологетику, однако симпатия к главной героине ведет автора к созданию самого жизнеутверждающего, самого оптимистичного (насколько сатирик может быть оптимистичным) во всем творчестве Во произведения: в конце долгой жизни Елена находит свое призвание, выполняет то, для чего послана в этот мир, и находит в исполнении своей индивидуальной миссии удовлетворение и спокойствие.

Ключевые слова: Во, христианство, католичество, политика, исторический роман, рационализм, кризисное сознание

Для цитирования: Кабанова И. В. Христианская истина и политика в романе Ивлины Во «Елена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 197–203. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-197-203>, EDN: DXZMQU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Christian truth and political power in Evelyn Waugh's *Helena*

I. V. Kabanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kabanova, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Abstract. The novel *Helena* (1950) is analyzed as Evelyn Waugh's profound statement on his most significant problems: the possibility to resolve the crises of the 20th-century consciousness through Christianity and on the nature of power. Cradle Anglo-Catholics were always suspicious of Waugh, seeing him as an errant Catholic; the paper uses the work of Waugh's biographers and interpreters to pinpoint his personal reception of Catholicism as the most sophisticated, strictly logical system, firmly grounded in historical fact. Waugh's story of St. Helena is simultaneously a biography of half-legendary Saint, known for her discovery of the Cross of Golgotha, who thus proved the truthfulness of the founding Christian narrative, and an ironic modern historical novel on the decline of the Roman Empire. Many parallels between the period of Helena's husband and son (Constantius Chlor and Constantine the Great, respectively) and the catastrophic history of the 20th century are suggested through the devices of anachronism, grotesque, figurative style. The author depicts the persistence of paganism, the use of religious cults as political instrument by cynical persons in their pursuit of individual power. High dose of irony prevents the novel from going in the direction of hagiography; nevertheless the author's concept of his title character brings to life the most positive and optimistic text in Waugh's whole *oeuvre*. By the end of her long life, by converting to Christianity, Helena finds her vocation, her providential mission, completes it, and gains in the fact satisfaction and peace.

Keywords: Waugh, Christianity, Catholicism, politics, historical novel, rationalism, crisis consciousness

For citation: Kabanova I. V. Christian truth and political power in Evelyn Waugh's *Helena*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 197–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-197-203>, EDN: DXZMQU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди английских католических писателей XX в., наиболее известными из которых были Хилари Беллок, Г. К. Честертон, Грэм Грин, К. С. Льюис, Дж. Р. Р. Толкиен, М. Спарк, Ивлину Во (1903–1966) принадлежит особое место. Хотя он принял католичество в 27 лет, после публикации в 1930 г. своего второго романа, читатели и критика вплоть до «Возвращения в Брайдсхед» (1945) не воспринимали Во как католического писателя, а ценили в его творчестве прежде всего блестящее комическое дарование, точность сатиры, безудержность гротеска с восхитительным элементом абсурда. Сотрудничество Во в католической прессе, его биография католического мученика XVI в. «Эдмунд Кэмптон» (1935) воспринимались как часть его вызывающе несовременных взглядов, как еще одно проявление эксцентричности, как нечто незначительное по сравнению с его виртуозными романами, в которых религиозная и церковная проблематика если и затрагивалась, то как часть общей картины упадка и разрушения современной западной цивилизации. Больше того, ортодоксальные католические критики зачастую выступали с прямым осуждением его романов. Так, голос католической «Тэблет», влиятельный Эрнест Олдмедоу, 7 января 1933 г. в рецензии на роман Во «Черные козны» писал: «Нам неизвестно, числит ли себя мистер Во на сегодняшний день среди католиков, но на случай, если его таковым полагают книготорговцы, библиотекари и читатели вообще, мы заявляем, что его последний роман – бесчестье для любого, кто провозглашает себя католиком» [1, р. 108].

С появлением самого популярного романа Во «Возвращение в Брайдсхед» (1945) католическую проблематику в его творчестве стало невозможно игнорировать, она нарастала в послевоенном творчестве, очевидно проявилась в военной трилогии «Шпага чести». Многие об этом сожалели, предпочитая манеру раннего Во. Однако первые критические монографии о Во были созданы католиками [2], и эта сторона его творчества подвергается все более глубокому осмыслению в критике, в том числе в отечественной [3]. Католицизм Во рассматривается сегодня всеми исследователями в качестве основы его мировоззрения, в качестве базы для интерпретации даже тех его текстов, в которых, на первый взгляд, нет ничего религиозного. Мы не будем воспроизводить глубокие анализы католицизма Во, данные в работах Ф. Стоппа [4], Р. М. Дэвиса [5], Мартина Стэннарда [6, 7] и особенно Д. Л. Пейти [1], а только суммируем основные пункты, важные для нашей темы.

Во-первых, католицизм был для Во в личном плане противоядием от часто свойственного великим сатирикам ипохондрического, брутально-анархистского склада характера. Характерный эпизод приводит первый биограф писателя К. Сайкс, когда в Париже в пятидесятые годы Во за обедом довел до слез своего страстного поклонника, молодого французского интеллектуала; присутствовавшая при этом романистка Нэнси Митфорд сердито спросила Во, как он может быть столь намеренно жестоким и при этом заявлять, что он верующий христианин и практикующий католик. «Ивлин не защищался, но дал объяснение своему поведению, знакомое многим его друзьям. Он сказал: “Вы даже не представляете себе, насколько хуже я был бы, не будь я католиком. Без божественной помощи я вообще вряд ли мог бы считаться человеком”» [8, р. 448].

Во-вторых, поколение писателей 1930-х гг., чье отрочество совпало с Первой мировой войной, а юность с «джазовыми двадцатыми», при вхождении в зрелость испытывало острый кризис ценностей. Довоенные ценности в их глазах рухнули; Во полностью разделял точку зрения своего духовного наставника, отца Мартина Д’Арси, который так писал в 1931 г. о кризисе Запада: «...в сфере политики, морали и религии больше нет веры. В результате мы имеем опасное умонастроение, которое одни расценивают как симптом поражения, другие – как предупреждение, что мы должны либо восстановить остатки старой веры, либо построить новую веру» [9, р. 17].

Большинство ровесников Во пошло по второму пути, примкнув в 30-е гг. к новой вере в социализм; для Во переход в католичество означал обретение причастности к высшему целому, новая религия дала ответ на все его духовные запросы. Как он писал в «Эдмунде Кэмптоне», «вера есть логическая система, интеллектуально абсолютно удовлетворительная, подкрепляемая всеми доводами знания и рассудка» [10, р. 126].

С годами Во все глубже проникался католическими взглядами, в том числе на историю.

В-третьих, концепция истории, изложенная у Беллока и Честертонна [11, 12], оказала на Во сильнейшее влияние, ее важно принимать во внимание при рассмотрении всех его романов. Во полагал католическую церковь, самую древнюю и истинную из всех ветвей христианства, основой европейской цивилизации как таковой. Первые ростки болезни этой цивилизации связаны с Ренессансом и Реформацией, в которых писатель видел сенсуалистическую, романтическую

скую реакцию на томизм, пагубное отступление от стройной логики томизма. «Гуманизм» в устах Во – негативный термин, означающий бесконтрольность чувства, утрату моральных ориентиров, а главное, ограничение человека земными рамками и разрыв связи с божественным началом. С тех пор как неуклонный рост индивидуализма стал магистралью развития европейской цивилизации, начался процесс истощения запаса прочности веры, прочности европейской культуры. В эссе «Обращенный в католичество» («Converted to Rome», 1930) он писал: «Я полагаю, что сегодня центральным вопросом европейской истории является схватка не между католичеством и протестантизмом, а между христианством и хаосом. Это ситуация, очень напоминающая раннее Средневековье. В XVI–XVII вв. столкновение социальных и политических сил привело к непримиримому конфликту между двумя направлениями христианской мысли. В XVIII–XIX вв. каждый образованный европеец стоял перед выбором между христианской верой, в каком бы виде она ни существовала в его окружении, и элегантно, привлекательно скептическим неверием. Но унаследованная подсознательная сила христианства была так велика, что понадобилось два века, чтобы было осознано истинное значение этой утраты веры» [13, р. 103].

Во продолжает рассуждать о христианстве в XX в.: «Сегодня мы повсеместно видим активное отрицание всех ценностей западной культуры. Цивилизация – под этим словом я имею в виду не только звуковое кино и консервы, и даже не успехи хирургии и гигиены, но всю моральную и художественную цивилизацию Европы – цивилизация сама по себе не обладает силой выживания. Она была порождена христианством, и без христианства она лишается значения и способности мобилизовать людей. Утрата христианской веры и обществено-моральных норм воплотились в идее материалистического, механистического государства, которое уже существует в России и быстро распространяется на юг и на запад. Больше невозможно то, что было возможно в век Гиббона: пользоваться всеми преимуществами цивилизации и при этом отрицать ее сверхъестественную первооснову» [13, р. 104].

Точкой, откуда уже не было возврата к норме, Во считал восемнадцатый век. Еще в конце XIX столетия папы Пий IX, Лев XIII, Пий X начали католический поход против «модернизма» в церкви, который ассоциировался с постоянной погоней за чередой сменяющих

друг друга научных истин (в противоположность самоочевидности божественного откровения), с эволюционизмом, с динамизмом современной культуры вообще. Выделение эпохи Просвещения в качестве переломного момента в истории европейской цивилизации делает Во и его единомышленников в какой-то мере предшественниками Франкфуртской школы и даже постмодернизма.

Борьбу между христианством и хаосом, цивилизацией и варварством и описывают все романы Во, в том числе единственный в его творчестве исторический рома «Елена» (1950).

Жанр исторического романа в середине XX в. был представлен в английской литературе такими выдающимися именами, как Роберт Грейвз и Роуз Маколи. Начиная с 1930-х гг. они подняли этот давний жанр из упадка, в котором он пребывал после Роберта Льюиса Стивенсона и Роберта Хью Бенсона, единственного заметного исторического романиста первой трети XX в. На стезю исторического романиста Во направил своего друга Альфреда Даггана, и сам отдал ему дань в романе «Елена». От возникновения замысла до его воплощения прошло 15 лет – ни над одной другой своей книгой Во не работал так долго.

На Рождество 1935 г., во время поездки в Палестину, Во пришла в голову мысль написать цикл работ об англичанах, связанных со Святой Землей, и первой в их ряду он называет святую Елену. Британское происхождение жены Констанция Хлора, матери императора Константина, который сделал христианство официальной религией Римской империи, Гиббон полагал «позднейшей выдумкой»; ничем не подтверждено и приписываемое Елене обнаружение главной христианской реликвии – Креста распятия. Однако Во, отказавшись за скудостью фактов от написания биографии святой Елены, создал о ней исторический роман. В письме к Нэнси Митфорд от 9 ноября 1949 г. Во пишет: «...опять занимаюсь “Еленой”, которая будет моим ШЕДЕВРОМ. Роман вообще никому не понравится» [14, р. 312]. До конца жизни он повторял озадаченным интервьюерам, что это его лучший роман, а дочь писателя Гарриет свидетельствует, что «это была единственная его книга, которую он вслух читал всей семье» [8, р. 451]. Однако у критики и читателей прием романа оказался сдержанным; подчеркнуто прозрачный, без привычной у Во экстравагантности, с минимумом гротеска, плод зрелого мастерства писателя, для которого никогда не существовало трудностей формального порядка, роман нуждался в длительном периоде осмысления.

Во, изучавший в Оксфорде историю, сформировал манеру писательского обращения с историческим материалом, еще работая над биографией «Россетти» (1928) и жизнеописанием Кэмпиона. В «Елене», как и в этих предыдущих текстах, профессиональная точность в передаче исторических фактов работает на создание более важного для автора художественного целого. Как большинство значительных исторических романов XX в., «Елена» изобилует намеренными анахронизмами, функция которых – разорвать замкнутость исторического времени и пространства, внести в повествование современную перспективу. Исторически достоверная панорама эпохи существует в тексте как необходимый и органичный фон для художественного вымысла.

В центре романа – идея предназначения, предназначения, которое ведет Елену через разные жизненные фазы к осуществлению того единственного дела, ради которого она была послана в этот мир, к доказательству исторической достоверности Евангелий, факта распятия и чуда вознесения. Как известно, Во всегда предельно скептически относился к «психологии» литературных персонажей и серьезно – к технике письма; сдержанно и просто рассказывая о жизни своей святой, Во избегает всякой орнаментальности и риторики, простой стиль повествования выражает простоту и самоочевидность христианства. Но такая ясная история Елены разыгрывается на широком историческом фоне поздней Античности, и для его изображения в палитре художественных средств писателя находятся куда более яркие краски. Более подробный анализ эволюции образа Елены содержится в работе М. С. Балашовой [15]; мы же сосредоточимся на богатстве религиозной и политической рефлексии в романе.

В отличие от всех остальных романов Во, «Елена» подчинена раскрытию определенного религиозного тезиса. По словам биографа Во Кристофера Сайкса, роман утверждает, что «все великие мировые религии до христианства возводят свое начало к неким потрясениям космоса, которые происходили до времени и пространства, эти религии не предлагают рациональных аргументов, поскольку в основе их лежит мистическая спекуляция. До появления ислама христианство было единственной мировой религией, которая основывалась на исторических фактах» [8, р. 429].

Этот тезис раскрывается, прежде всего, в истории главной героини, которая становится

из языческой принцессы христианской императрицей. Автор подчеркивает в Елене британский здравый смысл, недоверие к выдумкам. Представителям всех культов она предлагает один «детский» вопрос: «Когда и где могли видеть вашего бога?», и только христианский писатель Лактанций дает ей на него удовлетворительный ответ: «...в человеческом образе он умер 278 лет назад в Палестине, в городе, который называется теперь Элия Капитолина ... У нас есть рассказы об этом, записанные очевидцами» [16, с. 132]. Такая точность фактов приходится по сердцу Елене, и она принимает христианство как выстраданное откровение. Политика отобрала у нее мужа и сына, и в христианстве одинокая женщина обретает вместо утраченной земной любви любовь небесную, а позже и ту миссию, которая сделает ее святой.

Действие романа происходит на рубеже III–IV вв., когда Римской империей правит череда «варварских императоров» родом из Иллирии, и переносится из периферийных провинций – Британии, Галлии, Далмации – в Рим, Иерусалим и наконец в новую столицу, основанную Константином, – в Константинополь. Автор рисует главную коллизию эпохи: победную поступь христианства в борьбе с язычеством, завершение эпохи мучеников и выход церкви из подполья. Он не скрывает, что христианство становится орудием в политической борьбе, что многие из новообращенных, и прежде всего сам Константин и его жена Фавста, по сути, остаются язычниками. Политической сфере в романе уделено много места, она изображается в полном соответствии с историческими фактами, но при этом в гротесково-сатирических тонах. Первый упоминаемый в тексте император – Бессмертный Валериан, чей набитый соломой труп персы выставили как дворцовое чучело. Ничем не лучше и судьбы его преемников – приближенные убивают гонителя христиан Аврелиана, легионеры приканчивают Проба, во время военного похода сожжен в собственном шатре Кар, его сына Карина убивает трибун, приревновавший к нему жену, и империя достается сыну раба Диоклетиану. Каждый из них может повторить слова Константина: «Потом историки напишут обо мне, что я, желая остаться в живых, решительно добивался власти» [16, с. 115]. Но на пути к власти эти люди теряют все человеческое в себе, и Елена определяет душевное состояние своего сына, которого абсолютная власть абсолютно развратила, как «власть без благодати» [16, с. 192].

Автор обнаруживает глубокую осведомленность в истории ранней христианской церкви, первых пап и вселенских соборов, воспроизводя основные положения бушевавших тогда споров между сторонниками догмата о единственности Троицы и отрицавшими его арианами. Нерв эпохи автор сосредоточивает в ее религиозной проблематике; атмосфера духовного брожения в конце язычества изображается с явными отсылками к веку XX, а радостный исход – принятие откровения христианства – по-настоящему действен только для главной героини, Лактанция и папы Сильвестра.

Религиозная рефлексия героини пробуждается в Ратисбоне (ныне Регенсбург, Бавария) вскоре после замужества, когда она покидает Британию и попадает в общество провинциальных римлян, приверженных религии. Они приводят Елену в недоумение: «На ее родине богов почитали каждого в свой черед: из года в год Елена истово и привычно молилась перед алтарями своей семьи и своего народа, приносила жертвы при пробуждении весны, старалась задобрить владыку смерти, боготворила солнце, землю и животворное семя. Однако религиозные дамы Ратисбона говорили о каких-то тайных собраниях и секретных знаках, об обрядах посвящения, и трансах и необыкновенных переживаниях, об азиатах, парящих в воздухе полутемной комнаты, о загадочных голосах, о том, как они стояли нагишом в колодце, в то время как на решетке над ними истекал кровью жертвенный бык...» [16, с. 61–62].

Для здравомыслящей Елены все это «чепуха» [16, с. 62], как и митраизм «ударившегося в религию» [16, с. 97] мужа. Миф о Митре, Ормузде, быке тоже вызывает ее недоумение, а темные речи восточного мудреца, в котором она признает своего бывшего учителя, вызывают у нее неудержимый приступ смеха, и она не приемлет его ответ на ее неизменный вопрос: «Когда и где все это происходило? – Все это происходило вне пространства и времени. Истинность утверждений заложена в них самих и по своей природе не требует материальных доказательств» [16, с. 130]. Вообще изобилие идущих с Востока ложных культов вызывает у Елены отторжение, и христианство далеко не сразу предстает в романе как истинная вера. Первое упоминание о нем относится к 273 г., к описанию начавшегося в Риме мятежа против императора Аврелиана. Его свидетель, муж Елены и будущий император Констанций, рассказывает ей: «Происходит что-то непонятное – какие-то подспудные течения,

какие-то планы... Кое-кто говорит, что это дело рук евреев. В Риме повсюду тайные общества. <...> Там люди из всех сословий. И женщины тоже. И рабы, и евнухи, и сенаторы. Они хотят уничтожить империю – одни только боги знают зачем. Аврелиан говорит, что все это христиане...» [16, с. 80].

И для молодого Константина христиане – самые опасные враги Рима, т. е. империи и цивилизации как таковой. Но в отличие от Констанция, полагавшего спасение империи в ее отгорожении от варваров, Константин со временем приходит к точке зрения Елены, которая мечтает о том, чтобы граница «проходила по самому краю Земли, чтобы любой народ, и цивилизованный и варварский, стал частичкой Рима» [16, с. 57]. Сделав христианство государственной религией Рима, Константин объективно способствует воплощению этой мечты, хотя субъективные причины для принятия христианства у него в изображении Во сомнительны. Благодарность за военную победу, которая привела его на престол, «политическая необходимость стабилизировать империю, всем угодить» [16, с. 139] – это достаточно веские причины, но преобразования души ни Константин, ни его номинально христианский двор не испытывают.

Император с императрицей Фавстой прибегают к услугам языческих магов и колдуний, отдают тайные приказы об убийстве неугодных членов семьи, при дворе, как всегда, царят интриги и тяжелая подозрительность. Сторониться ли политики, как юные наследники Крисп и Лициниан, азартно ли в нее играть, как законченная интриганка с холодным рыбьим взглядом императрица Фавста, – близость к власти всем приносит смерть. Особенно выразительна сцена убийства Фавсты по приказу Константина. Фавста задыхается раскаленным паром в своей роскошной бане. Еще не зная, что парная заперта снаружи, наслаждаясь баней, Фавста упивается своими преимуществами. Ее несобственно-прямая речь выдает вполне языческое сознание, в котором нет ни христианского смирения, ни осознания своей греховности: «Она испытывала глубокое удовлетворение. Пережить всех своих земных врагов и иметь всегда под рукой этого милого епископа, который гарантирует вечное блаженство в следующем мире, – какая героиня античности могла этим похвастать? <...> Ожидая раба, который был обязан появиться мгновенно, но почему-то медлил, Фавста продолжала размышлять над своей радостной тайной. Почему именно она, единственная из всех женщин, удо-

стоена всего этого? Вряд ли это дань ее высокому положению. Нет, тут дело в ней самой, в какой-то уникальной особенности ее души. Может быть, она этого и недостойна, но ей повезло – она Божья избранница, любимица и подопечная» [16, с. 186–187]. Двумя абзацами ниже «Божья любимица» «бессильно опустилась на пол, немного потрепыхалась и вскоре затихла, словно рыба, выброшенная на каменистый берег» [16, с. 188].

И точно так же Константин видит в религии лишь удобное средство спасения души: он намеревается креститься на смертном одре, чтобы таинство крещения смыло все его грехи, а пока «пусть они накапливаются, пусть становятся все тяжелее – это не имеет никакого значения» [16, с. 194]. Впрочем, в своей мании величия он уповает не только на эту хитроумную стратегию; ему мерещится, что Господь вообще избавит его от «всех этих унижительных подробностей – болезни, смерти, разложения. <...> Я никак не могу представить себе, что умру, как все. Может быть, Он пришлет за мной колесницу, как за пророком Илией... Это меня ничуть бы не удивило – и, смею сказать, никого другого тоже» [16, с. 197].

Так автор показывает в этих персонажах поверхностное усвоение христианских идей, которые лишь маскируют глубоко укорененное языческое сознание. Все эти разнообразные формы кризисного, переходного сознания, которые так ярко проступают в героико-мученическую эпоху христианства, имеют прямые аналоги с кризисным сознанием XX в.

«Елена», тем не менее, – самый оптимистический роман Во, потому что панорама упадка и разрушения Римской империи служит фоном для другого сюжета – утверждения истинной веры и укрепления власти христианской церкви. Проходя через мучительные внутренние раздоры, именно она выдвигается взамен Римской империи на роль объединяющего и цивилизующего начала, она закладывает основы будущей Европы. Константин в романе, переезжая в свою новую восточную столицу, оставляет Рим папе Сильвестру, как бы законно передавая ему цивилизаторскую миссию: «Тебе, святой отец, остается твой старый Рим, с Петром и Павлом и с катакомбами, полными мучеников», – как комментирует один из присутствующих при этом священников, «наследство, таящее в себе гибель» [16, с. 198]. Оптимизм романа состоит в утверждении возможности человека исполнить свое предназначение на земле, исполнить волю Божию, как это произошло с Еленой, и неважно, что это предназначение может не требовать от

человека героических деяний, мученичества и подвигов – возможно, оно сводится к тому, чтобы выкопать из-под земли несколько старых бревен; автор готов признать, что и обнаружение Еленой креста Голгофы тоже может быть исторической легендой. В этом романе здравомыслящей Елене даровано только одно мистическое переживание: местоположение истинного Креста ей открывает во сне Вечный Жид, и это откровение свыше как бы гарантирует подлинность ее столь необходимой христианскому миру находки. В противоположность сегодняшнему западному скепсису по отношению к христианским реликвиям Во предлагает читателю увидеть в них то, чем они были для ранних христиан – подтверждением реальности евангельских рассказов.

Но оптимизм романа весьма сдержан, поскольку его автор – человек XX в., остро переживающий свою историческую запоздалость. Именно об этом идет речь в самом лиричном эпизоде романа, в молитве, которую Елена, сидя в праздник Крещения в той самой Вифлеемской пещере-стойле, обращает к святым волхвам, опоздавшим к рождению Иисуса. В ее словах многое проецируется на личное мироощущение Во после окончания Второй мировой войны: «Как и я, <...> вы пришли слишком поздно. Вы мои небесные покровители... собственных талантов» [16, с. 228–229]; «Ради Того, Кто не отверг ваших странных даров, помолитесь за всех тех, кто был мудр и добр. Да не будут они забыты перед престолом Господа, когда настанет царствие нищих духом» [16, с. 229].

Итак, католицизм Во и комический склад его дарования образуют в романе «Елена» неожиданное сочетание, позволяющее автору дать исторически и психологически убедительную панораму духовно-религиозной и политической борьбы в поздней Римской империи и одновременно создать оригинальный комментарий к проблемам XX в., написанный с прокатолических позиций, а потому отвергнутый либеральным сознанием в момент появления романа, но оказавшийся во многом пророчески-созвучным умонастроениям, все громче звучащим на Западе сегодня.

Список литературы

1. Patey D. L. The Life of Evelyn Waugh: A Critical Biography. Oxford, UK ; Cambridge, USA : John Wiley and Sons, 2001. 456 p. (Wiley Blackwell Critical Biographies).
2. DeVitis A. A. Roman Holiday: The Catholic Novels of Evelyn Waugh. New York : Bookman Associates, 1956. 88 p.

3. Балашова М. С. Религиозная проблематика творчества Ивлины Во : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015. 204 с.
4. Stopp F. Evelyn Waugh: Portrait of an Artist. London : Chapman and Hall ; Boston : Little, Brown, 1958. 254 p.
5. Davis R. M. Evelyn Waugh, Writer. Norman, OK : Pilgrim Books, 1981. 342 p.
6. Stannard M. Evelyn Waugh: The Early Years (1903–1939). New York : Norton, 1986. 537 p.
7. Stannard M. Evelyn Waugh: The Later Years 1959–1966. New York : Norton, 1992. 523 p.
8. Sykes Ch. Evelyn Waugh. A Biography. Harmondsworth, Middlesex, England ; New York, N.Y., U.S.A. : Penguin, 1977. 624 p.
9. D'Arcy M. The Nature of Belief. London : Sheed & Ward, 1931. 336 p.
10. Waugh E. Edmund Campion. 2nd ed. London : Penguin Books, 1953. 172 p.
11. Belloc H. How the Reformation Happened. London : Jonathan Cape, 1928. 294 p.
12. Chesterton G. K. The Resurrection of Rome. London : Hodder & Stoughton, 1930. 346 p.
13. The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh / ed. by D. Gallaher. London : Methuen, 1983. 662 p.
14. The Letters of Evelyn Waugh / ed. by M. Amory. New York : Penguin, 1982. 688 p.
15. Балашова М. С. Образ святой в романе Ивлины Во «Елена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 74–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2012-12-3-74-79>
16. Во И. Елена / пер. с англ. А. Иорданского. М. : Текст, 2003. 254 с.

Поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 24.01.2024; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 05.12.2023; approved after reviewing 24.01.2024; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 204–211

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 204–211

<https://bonjour.sgu.ru>

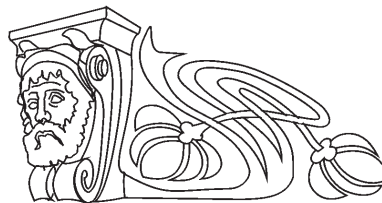
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-204-211>, EDN: AIJCQC

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Кушнер

Александр Кушнер: два «Посещения»

А. В. Кулагин

Государственный социально-гуманитарный университет, Россия, Московская обл., 140411, г. Коломна, ул. Зелёная, д. 30

Кулагин Анатолий Валентинович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, kula-mariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5494-6158>

Аннотация. В статье рассмотрены и сопоставлены два стихотворения А. С. Кушнера, имеющие общее название – «Посещение» (1977 и 1985 гг.). Они объединены ситуацией возвращения лирического героя в места, где прошли его детство и юность. Но авторская позиция лишена ожидаемого в таких случаях ностальгического сожаления о давних годах – в частности, за счёт несовпадения воспоминаний с реальным миром прошлого. Кушнер продолжает русскую традицию лирических «возвращений» (Пушкин, Баратынский, Некрасов и др.), но соотносит её с новым историческим контекстом и опытом советской эпохи, подвергаемым в его стихах критическому переосмыслению. Второе стихотворение не дублирует первое: лирическая ретроспектива в нём углублена за счёт мотивов детского и отроческого чтения позднесталинской эпохи, детской и «взрослой» (популярной в послевоенные годы) игры в волейбол, школьной учёбы. В статье проанализирована также стихотворная техника поэта, раскрыто её значение для лирического содержания стихотворений. Сравнительно короткий размер (трёхстопный ямб, двустопный анапест), как будто неожиданный для лирики Кушнера, тяготеющего в 70-е и 80-е гг. к «длинной» строке, выдаёт скрытую полемичность по отношению к стихотворному эпосу, к которому как будто подводит в данном случае поэтическая тема, но который самому поэту сознательно чужд. В статье затронуто также ещё одно (третье) стихотворение Кушнера с названием «Посещение» (1973), связанное с двумя другими лишь косвенно, но тоже содержащее мотивы советской истории. В итоге все три стихотворения вписываются в серию стихотворений Кушнера, воссоздающих общественно-политическую атмосферу советской эпохи.

Ключевые слова: Кушнер, мотив, воспоминание, традиция, лирический сюжет, пейзаж, ритмика, строфика

Благодарность: Автор благодарен Александру Семёновичу Кушнеру, прочитавшему статью в рукописи и высказавшему ценные замечания, учтённые в статье.

Для цитирования: Кулагин А. В. Александр Кушнер: два «Посещения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 204–211. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-204-211>, EDN: AIJCQC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Alexander Kushner: Two “Visits”

A. V. Kulagin

State University of Humanitarian and Social Studies, 30 Zelenaya St., Kolomna 140411, Moscow region, Russia

Anatoly V. Kulagin, kula-mariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5494-6158>

Abstract. The article considers and compares two poems by A. S. Kushner with a common name – “Visit” (1977 and 1985). They are united by the situation of the lyrical hero returning to the places where he spent his childhood and youth. However, the author’s position is deprived of the nostalgic regret about the past years that is expected in such cases – in particular, due to the mismatch of memories with the real world of the past. Kushner continues the Russian tradition of lyrical “returns” (Pushkin, Baratynsky, Nekrasov, etc.), but correlates it with the new historical context and experience of the Soviet era, which undergoes critical re-interpretation in his poems. The second poem does not copy the first: the lyrical retrospective in it is more profound due to the motifs of infant and adolescent reading of the late Stalin era, childrens’ and “adult” (popular in the post-war years) volleyball games, and school studies. The article also analyzes the poetic technique used by Kushner, revealing its significance for the lyrical content of poems. A relatively short meter (iambic trimeter, anapestic dimeter), seemingly unexpected in the poems by Kushner, who gravitated towards the “long” line in the 70s and 80s, betrays a hidden polemic in relation to the epic poetry, a poetic theme seeming to lead up to it, but the epic poetry being consciously foreign to the poet himself. The article also touches upon another (the third) poem by Kushner called “Visit” (1973), which is only indirectly related to the other two, but which also contains the motifs of the Soviet history. As a result, all three poems fit into a series of poems by Kushner that recreate the socio-political atmosphere of the Soviet era.

Keywords: Kushner, motif, memory, tradition, lyrical plot, landscape, rhythm, stanza

Acknowledgements: The author expresses gratitude to Alexander Semyonovich Kushner, who read the manuscript of the article and made valuable comments taken into account in the article.

For citation: Kulagin A. V. Alexander Kushner: Two "Visits". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 204–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-204-211>, EDN: AIJCQC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди стихотворений Александра Кушнера есть два, связанные между собой не только общей темой (своеобразная ретроспектива, поэтическое возвращение к ранним годам), но и общим названием – «Посещение». Первое из них написано в 1977 г., второе – в 1985-м¹. Судя по тому, что именно так – «Посещение» – назвал поэт свою недавнюю книгу избранных стихов [2] и именно стихотворением 77-го года её и открыл, – эта тема, а значит, и сама невольная лирическая диалогия представляется нам значимой для понимания его жизненного и творческого пути, а образующие её стихотворения требуют сравнительного анализа.

Первое «Посещение» открывается зачином, сразу отсылающим к известной поэтической традиции:

Я тоже посетил
Ту местность, где светил
Мне в молодости луч,
Где ивовый настил
Пружинил под ногой.
Узнать её нет сил.
Я потерял к ней ключ [2, с. 3].

Оговорка «Я тоже посетил...», конечно, вызывает ассоциации со стихами предшественников, разрабатывавших тему посещения лирическим героем мест, с которыми связаны годы его детства или молодости. У больших поэтов такое посещение обычно – больше, чем посещение. Так, у Пушкина («...Вновь я посетил...») оно оборачивается лирико-философскими раздумьями о человеческом предназначении²; у Баратынского («Запустение», которое Кушнер называет вообще «одним из самых дорогих» для него стихотворений [4, с. 108–109]) – «запахом увяданья» и воображаемой встречей с уже ушедшим из жизни близким человеком (отцом); у Некрасова («Родина») – тяжёлым осознанием своей «барской» вины перед близкими людьми и крепостными крестьянами; у Есенина («Воз-

вращение на родину») – ощущением бесповоротных изменений «милого края» в советские годы; у Бродского («Воротишься на родину. Ну что ж...», «От окраины к центру») (оба стихотворения написаны в начале 1960-х гг.) – метафизическим одиночеством («Значит, я никуда не вернулся» [5, с. 33]). В русле этой традиции и Кушнер нагружает лирическую ситуацию возвращения важным содержанием, выходящим за рамки личной судьбы лирического героя. Сама эта судьба оказывается вместилищем большой истории, и для такой поэтической задачи увеличенный объём («большая лирическая форма» [6, с. 11]) оказывается органичен и необходим.

Но какова сама эта задача?

Лейтмотив стихотворения – несоответствие эмоционального восприятия прошлого реальному прошлому. Не то чтобы самому прошлому – скорее, тому, что осталось от него сегодня. Наверное, поэт мог бы подписаться под известными строками Геннадия Шпаликова: «По несчастью или к счастью, // Истина проста: // Никогда не возвращайся // В прежние места. // Даже если пепелище // Выглядит вполне, // Не найти того, что ищем, // Ни тебе, ни мне» [7, с. 11]. Но раз уж возвращение произошло – что перед глазами? Лирический герой стихотворения 1977 г. удивлён тем, что места, которые он «тоже посетил», выглядят иначе, чем он ожидал: «Так вот оно что! Нет // Той топи и цветов, // И никаких примет, // И никаких следов. // И молодости след // Растаял и простыл. // Здесь не было кустов! // О, кто за двадцать лет // Нам землю подменил?» [2, с. 3]. Поэт вообще скептически относится к воспоминаниям, считая (и в этом его мнение совпадает с тем, что говорят на данную тему психологи), что с десятилетиями наша память о прошлом подвергается абберрации, что мы помним его очень избирательно и субъективно: «Я помню блеск потухших взоров // Всех тех, кому был в жизни рад, // Но я не помню разговоров, // Ни тех подробностей, ни дат. // И, прелесть антиквариата // Лишь умозрительно цена // (И даром мне его не надо!), // Я – друг сегодняшнего дня» («Кто стар, пусть пишет мемуары...», 2001–2002) [8, с. 21]. А применительно к поколению Кушнера вопрос о памяти, о воспоминаниях осложняется тем, что оно в самые впечатлительные годы (детство и юность) застало «железобетонную» сталинскую эпоху и «фильмов тех и книг чудовищный

¹ Есть, правда, у поэта и ещё одно «Посещение» («Пряатель мой строг...», 1973), но оно имеет другой характер и стоит особняком; впрочем, ниже оно нам тоже понадобится. Даты написания упоминаемых в статье стихотворений сообщены нам самим А. С. Кушнером и обозначены нами [1].

² О роли пушкинской традиции, а также о влиянии жанра элегии, о хронотопе «Посещения» 1977 г. см. в специальной – ученической, но насыщенной и полезной – работе [3].

костяк», сатирический журнал «Крокодил», в котором «гуляет диплодок, как символ грозных сил, похожий на мешок». В самом деле, эмблемой этого журнала, обличавшего, помимо прочего, «отклонения» от «единственно верной» советской идеологии, была уродливая фигурка крокодила, державшего в лапах вилы (он же «символ грозных сил»). Досталось однажды от этого журнала и самому Кушнеру: после выхода в свет его первой книги «Первое впечатление» в «Крокодиле» был напечатан по этому поводу фельетон [9]. В общем, память о ранних годах у поэта тяжела и неприятна, она отнюдь не соответствует привычному ностальгическому сожалению: «Элегии чужды // Привычкам нашим, – нам // И нет прямой нужды // Раскапывать весь хлам, // Ушедший на покой, // И собирать тех лет // Подробности: киркой // Наткнёшься на скелет // Той жизни и вражды» [2, с. 4]. Эти строки предвосхищают написанное поэтом впоследствии, где он в присущей ему манере пропускает своё время через историко-культурные ассоциации: «Начнёшь рассказывать о слепоте богов, – // Их милость ветрена и грубый нрав неистов, // О выступлениях в ДК пищевиков, // Приказе цезаря стать лагерем над быстрой // Рекой и варваров, в железные тиски // Зажав, теснить к горам... Нет, я к таким рассказам // Не склонен, прошлое – прилив сплошной тоски, // И приступ слабости, и призыв лжи – всё разом» («Начнёшь рассказывать о тех, кого застал...», ок. 2003) [10, с. 190]. Но о чём же тогда «Посещение»? Они – о памяти, но памяти не фактографической, готовой обернуться «призывом лжи», а эмоциональной. Такая память – не ошибается, ибо и не претендует на буквальную точность.

Любопытен в стихотворении мотив старого фотоснимка, который вроде бы не должен обманывать: фотография есть документ, который не подделаешь, он сохраняет прошлое в обход всякой аберрации нашей памяти. «Посвящение» предвосхищает позднейшие стихотворения поэта, навеянные его детскими фотоизображениями: «Этот мальчик в коротких штанишках...» (1994); «Фотография» («Я думаю, это деревня Межно...», 2002). Но и такой документ, как фотография, оказывается ненадёжен. Внешне это передано через плохое качество любительского снимка:

Есть карточка, где ты
С подругой давних лет
Любителем заснят.
Завалены ходы.
Туманней, чем тот свет [2, с. 4].

«Тот свет» мог бы быть раем прошлого, но не похож он на рай, и сам топос рая здесь переиначивается и переоценивается за счёт снижающих его земных пейзажных мотивов размытой колеи и дождя: «Бледней, чем райский сад. // Там видно колею, // Что сильный дождь размыл. // Так вот – ты был в раю, // Но, видимо, забыл» [2, с. 4–5]. Бледность и размытость – в переносном смысле это и есть преграда между сегодняшним днём и прошлым, то, чем «завалены ходы» в ушедшее время. Сравним эти строки с написанными несколько лет спустя в стихотворении о ссыльном Мандельштаме, служившем в воронежском театре: «Фотография тридцать шестого, наверное, года. // Театральная труппа. Домашнее что-то, как сода, // Закулисное, рыхлое, в воздухе растворено» («Фотография») [10, с. 84]. «Закулисное, рыхлое» изображение на снимке словно мешает всмотреться в прошлое, воздвигает непреодолимое препятствие между эпохами.

Ещё в восьмидесятые годы было замечено И. А. Макаровой, что «реальность, не поддержанная художественной ассоциацией, нереальна в поэтическом мире Кушнера» [11, с. 45]. Вот и в «Посещении» зыбкость и ненадёжность человеческой памяти находит своеобразное подтверждение в чужом литературном опыте:

Я «Исповедь» Руссо
Как раз перечитал.
Так буйно заросло
Всё новым смыслом в ней,
Что книги не узнал... [2, с. 5].

Наверное, любая книга, перечитанная нами спустя много лет, покажется изменившейся. Но здесь выбран именно Руссо, и это, как нам думается, очень показательно. Родоначальник сентиментализма, он создал, можно сказать, литературу человеческой души, открыл её изменчивость и противоречивость, связал жизнь человека с жизнью природы. «Исповедь» же отличается самоанализом и откровенностью. Кушнера такая установка вообще должна была привлечь на общем фоне мемуарной литературы (*исповедь как раз – не мемуары!*), где автор обычно склонен – вольно или невольно – обелять себя; ср.: «Мемуарист не всё расскажет // И, заманив в былую тьму, // Легко забудет и замажет // То, что невыгодно ему» («Мемуарист не всё расскажет...», 2017) [12, с. 20]. В общем, выбор поэтом именно «Исповеди» Руссо закономерен, ибо это очень *живая* книга, а прошлое лирического героя и оказалось *живым*, меняющимся в соответствии с «диалектикой души». Это выражение Чернышевского о прозе Толстого вспомнилось

нам недаром, ибо по ассоциации с Руссо в «Посещении» Кушнера как раз возникает имя самого большого «руссоиста» русской литературы: «А есть среди страниц // Такие, что вполне // Быть вписаны могли // Толстым, в другой стране, // Где снег и ковыли» [2, с. 5]³. Опыт Руссо и Толстого, двух беспощадных к себе авторов (у Толстого, кстати, тоже есть «Исповедь»; можно вспомнить и о его дневниках), подкрепляет лишённую всякой идеализации прошлого рефлексией лирического героя «Посещения»: «Но, может быть, всего // Ужасней был бы вид // Для нас как раз того, // Чем сердце дорожит» [2, с. 4].

Напомним общеизвестное: и Руссо, и (на другом уже уровне) Толстой видели в человеке проявление природного начала; отсюда – их высокий интерес к теме «натуры». Автор стихотворения помнит об этом и словно подхватывает тему, сопрягая имена двух классиков с пейзажными мотивами. Напомним ещё раз: «Так буйно заросло // Всё новым смыслом в ней, // Что книги не узнал»; «...Быть вписаны могли // Толстым, в другой стране, // Где снег и ковыли». Но главное лирическое – на уровне пейзажа – открытие ожидает читателя стихотворения впереди. Оказывается, вместе с нашей памятью меняется и мир природы, она уходит (даже «убегает») и меркнет, подобно бледным фотоотпечаткам:

Я тоже посетил.
Наверное, в наш век
Меняются скорей
Черты болот и рек;
Смотри: подорван тыл.
Обвал души твоей.
Не в силах человек
Замедлить жёсткий бег
Лужаек и корней [2, с. 5–6].

Кстати, мотив «обвала души» отсылает к стихотворению Кушнера «Руины» (1975), где «обвал» воспринимался примерно в таком же переносном смысле: «Я помню те разбитые кварталы // И ржавых балок крен и провисанье. // Как вы страшны, бывшие идеалы, // Как вы горьки, любовные прощанья, // И старых дружб мгновенные обвалы, // Отчаянья и разочарования!» [2, с. 126–127]. Можно вспомнить и строку позднейшего стихотворения о ссыльном Наполеоне: «Скорбный финал обвалившейся эпопеи» («Корсика, Эльба и остров святой Елены...», 2011–2012) [14, с. 49]. Заметим, что оба процитированных нами стихотворения связаны с военной темой, и в «Посещении» военный мотив

(в переносном значении) тоже есть: «подорван тыл». Но здесь нельзя не вспомнить уже упомянувшееся нами «Запустение» Баратынского, где как раз звучит мотив «исчезающего» пейзажа, и при этом – мотив «обвала»: «Вотще! лишённые хранительной преграды, // Далече воды утекли, // Их ложе поросло травой. // Приют хозяйственный в нём улья обрели // И лёгкая тропа исчезла предо мною. // Ни в чём знакомого мой взор не обретал! // Но вот по-прежнему, лесистым косогором, // Дорожка смелая ведёт меня... обвал // Вдруг поглотил её...» [15, с. 89]. Но Кушнер не повторяет предтечу: если у Баратынского перемены в пейзаже рукотворны (плотина, ульи) и сам «обвал» – явление чисто природное, то у Кушнера и перемены связаны не с делами человеческих рук, а с внутренней жизнью человека, и мотив «обвала», конечно, выходит за рамки пейзажа, обретает психологическое наполнение (хотя он по-своему драматизирован и у Баратынского).

Лирический сюжет подошёл к кульминации. Судьба человека сродни судьбе природы: подобно тому, как «луга сползают в смерть» (здесь поэт добавляет наглядное, характерное «кушнеровское» сравнение: «как скатерть с бахромой»; о мотиве скатерти в творчестве поэта см.: [16, с. 368–372]), уходит из жизни и человек, и относиться к этому надо без «сентиментальных сцен», а как к естественному ходу времени и жизни. В русской поэзии этот закон открыл в своём стихотворении «Смерть» тот же Баратынский – кстати, как раз связав в единую тему человеческую жизнь и жизнь природы («Даешь пределы ты растенью, // Чтоб не покрыл гигантский лес // Земли губительную тенью, // Злак не восстал бы до небес» [15, с. 66] и т. п.), и современный автор развивает его поэтическую мысль⁴. Во-первых, она у него подкреплена, именно в духе Кушнера, знающего цену бытовым мотивам, – житейской конкретикой («склад», «дыры», «лото»):

И знаешь, даже рад
Я этому: наш мир –
Не заповедник; склад
Его изменчив; дыр
Не залатать; зато
Новёхонек для тех,
Кто вытащил в лото
Свой номер позже нас,
Чей шепоток и смех
Ты слышишь в поздний час [2, с. 8].

А во-вторых, мотив «вытащенного номера» тоже, как покажет дальнейшее его творчество,

³ О творческом восприятии Кушнером творчества Толстого подробно см.: [13].

⁴ О творческом восприятии Кушнером поэзии Баратынского подробно см.: [17].

характерен для поэта и связан у него с размышлениями о своей судьбе в контексте истории. Прочитываем позднейшие стихи: «Лет на семь раньше я родился – и жизнь иначе // Моя устроилась бы: я б стихи любил // Иные, с юностью б совпал моей горячей // Гнев государственный и коллективный пыл...» («Лет на семь раньше я родился...», 1986) [18, с. 27]; «Плачь, сердце! Счастливый такой почему б не вернуть // С гербом и печатью районного загса билет // На вход в этот ужас?» («Когда б я родился в Германии в том же году...», 1995) [2, с. 294]. Как видим, и здесь мотивы тоталитарной эпохи («ужас») слегка, по-житейски, приправлены лёгкой иронией («с гербом и печатью районного загса»). В «Посещении» же – после отсылки к опыту предыдущего поколения, того самого, в которое лирический герой, по счастью, не попал, – самые последние строки вводят мотив судьбы следующего поколения, вообще смены поколений – мотив ещё пушкинский, прозвучавший в том самом пушкинском «...Вновь я посетил...», которое, повторим, стало одной из отправных точек для поэтического «посещения» современного поэта.

Любопытна стиховая форма, которой поэт в данном случае воспользовался. Во-первых, размер. К концу семидесятых в поэзии Кушнера уже вполне обозначилась тенденция к использованию сравнительно длинной строки: см., например, стихотворения того же 1977 г., когда написано «Посещение»: «Там льдистый занавес являет нам зима...» (шестистопный ямб); «Блеск такой – не нужна никакая цветочная Ницца...» (пятистопный анапест); «Мемориальная преобразует фасад...» (пятистопный дактиль). На этом фоне короткий трёхсложный ямб «Посещения» выглядит неожиданно. Как можно было бы объяснить такой выбор размера? Кушнер известен как противник жанра поэмы, о чём он сам написал в 1971 г. в стихотворении «Отказ от поэмы»: «...Зачем поэмы сочинять, // Вести себя высокопарно? // Сошлёмся на старенье жанра...» [19, с. 52]. Но «Посещение», будучи лирическим стихотворением, несёт в себе явную эпическую ноту, располагающую к неторопливому рассказу, а значит – к длинной строке. Поэт ощущает эту тенденцию и коротким размером словно нейтрализует её, добавляет динамики, «сбивает» эпический пафос собственного стихотворения. Многочисленные анжамбеманы (приём для короткой строки сложный, требующий технической изощрённости) усиливают это ощущение сбивчивости (напомним ещё раз для примера: «...наш мир – // Не заповедник; склад // Его из-

менчив; дыр // Не залатать...»). В общем, если не может быть кратким само стихотворение – сделаем кратким хотя бы размер («Короче, – твержу я себе. И всегда был я краток» [2, с. 303]).

Во-вторых – строфика и рифмовка. Строфы – лучше сказать, строфоиды – имеют разный объём. Например, в первом строфоиде содержатся 11 стихов, во втором – 9, в третьем – 8 и т. д. Самый большой строфоид содержит 19 стихов, самый маленький – 2, при том что внутри него стихи между собой даже не зарифмованы: «Дрожание ресниц, // Сердечной правды пыл». Зато они рифмуются – первый со стихом (не соседним!) строфоида предыдущего, второй – со стихом строфоида последующего. Внутри строфоидов рифмовка произвольная, не подчиняющаяся никакому единому рисунку. Скажем, в первой строфе она такова: *aabacabcaba*; во второй: *defedaeda*, и далее она выстраивается тоже свободно, нигде не повторяясь. Но при всей кажущейся внешней спонтанности рифмовки заметим, что в двух первых строфоидах есть сквозная рифма *a* («посетил» – «настил» и т. д.), словно связывающая текст, нанизывающая его на единый стержень, и далее она будет появляться в стихотворении ещё не раз. То есть – будучи очень свободной, строфика и рифмовка всё-таки «помнят» о присущей поэту стиховой «дисциплине», и ощущение поэтической свободы не отменяет продуманности и виртуозности работы со стихом. Мы склонны видеть в этом проявление той же творческой сдержанности в отношении к эпосу, который стремится ограничить творческую мысль рамками, эмоциональному искусству лирики чуждыми.

Второе стихотворение (1985) напоминает первое не только названием, но и поэтической техникой. Оно тоже сравнительно велико по объёму (123 стиха); здесь тоже есть строфоиды разного объёма (от 8 до 18 стихов) с произвольной, не связанной единой схемой, рифмовкой и с анжамбеманами; тоже использован короткий размер – но уже другой: двустопный анапест. Объяснение этому, по-видимому, в том же, в чём мы видели его и применительно к первому стихотворению, – в вольном или невольном отталкивании от эпической манеры, к которой тема как будто располагает.

Но есть, конечно же, и переклички текстуральные, смысловые. Прежде всего – сам зачин, по-своему заново варьирующий классическую ситуацию «посещения»:

Там, где в детстве я жил,
Я опять побывал.
Я настиг, ощутил

Это время, в провал
Заглянув, не узнал,
Восхитился, застыл,
Этот мальчик был мал [20, с. 8].

Вместе с лирическим героем мы вновь погружаемся в позднесталинскую эпоху. Поэтому многое в позднейшем восприятии и детских и юношеских лет сходится или, по крайней мере, варьируется. Так, обращает на себя внимание общий для двух стихотворений мотив «художественных» впечатлений. В стихах 1985 г. уже нет «Крокодила», зато словно расшифровывается формула «А фильмов тех и книг // Чудовищный костяк!» из первого «Посещения». Вот что читает и слушает ребёнок середины столетия: «Что за год это был? // Он делил пополам // Век двадцатый, любил // “Князя Игоря”, срам // Обещавшего свой // Искупить и позор, // Чуть не до хрипоты, // В каждом доме – степной // Половецкий шатёр... // “Кавалера звезды” // Он любил “золотой”. // “Далеко от Москвы” // Он читал в поездах...» [20, с. 10]. Упомянуты два известных в ту пору «лакировочных» романа послевоенной литературы соцреализма – «Кавалер Золотой Звезды» Бабаевского и «Далеко от Москвы» Ажаева (оба, кстати, претендовали на столь не любимую Кушнером эпичность, а в реальности были, по сути, псевдоэпичны), а также опера Бородина «Князь Игорь», усиленно насаждавшаяся сталинским официозом. «...Но июльской листвы // Ликованье в садах // Волновало сильней...» [20, с. 10], – продолжает, однако, поэт, и это «ликованье» – лучший ответ казённому советскому искусству.

Мотив пейзажа, словно исчезнувшего вместе с давним временем, звучит и в этом стихотворении, но теперь он переплетается с новым мотивом, в стихах 1977 г. отсутствовавшим:

Там, на круглом лугу,
Среди запаха смол
Перед детским в долгу
Взрослый был волейбол. <...>
Луга нет и столбов
Не найти. Игроки
В немощных стариков
Превратились... [20, с. 8–9].

Любопытно, что «Посещение» 1985 г. невольно перекликается с произведением ещё одного поэта поколения Кушнера, написанным чуть раньше – в 1983-м. Это песня Визбора «Волейбол на Сретенке» – одно из последних, по своему итоговое в творчестве барда. Оно тоже «мемуарное», и волейбол, очень популярный в послевоенные годы, оказывается у Визбора

игрой, через которую пропущена судьба целого поколения. Соприкасаются даже отдельные мотивы. У Кушнера читаем: «Может быть, // Кто-то в царстве теней // Сетку смог раздобыть, // Мяч заняв у детей» [20, с. 9]. У Визбора: «А помнишь, друг, команду с нашего двора, // Послевоенный – над верёвкой – волейбол, // Пока для секции нам сетку не украл // Четвёртый номер – Коля Зять – известный вор» [21, с. 385]. Строки Визбора – конкретно-бытовые; строки же Кушнера воссоздают потустороннюю картину, нагружая конкретику символическим смыслом. Но у них есть единая подоплёка, как раз бытовая: автор «Посещения» тоже помнит, что дорогая волейбольная сетка была в бедные послевоенные годы предметом почти роскошным, её надо было «раздобывать». Отметим ещё, что звучавший в первом «Посещении» символический мотив обвала («обвал души») находит развитие и во втором. Поначалу это, правда, «провал» («в провал заглянув, не узнал»), а затем и сам «обвал», в том же волейбольном контексте: «О, как я ликовал: // Этих взрослых подач // Был прекрасен обвал». А поскольку те взрослые игроки «играют» теперь не здесь, а по ту сторону бытия, и сам мотив обвала имеет не только конкретный, но и символический смысл. О том, что спорт в сознании ребёнка и юноши послевоенных лет – больше чем просто спорт, а ещё и составляющая советской идеологии, нам напоминают строки «Посещения» 1977 г., с двусмысленным мотивом «липкого кумача» на характерных для сталинских лет физкультурных парадах: «...Что шли, к плечу плечо, // В футболках и трусах, // Под липким кумачом // С гирляндами в руках» [2, с. 7]. Казалось бы – при чём тут «детский», да и «взрослый» волейбол? Но и этот волейбол, и физкультурные парады – это всё составляющие той «Атлантиды», что ушла на дно времени («В пучинах памяти – подобье Атлантиды...», 1996).

«Посещение» 1985 г. – тоже, как предыдущее «Посещение», стихотворение антиностальгическое, словно противоречащее ожидаемой поэтизации начала жизни:

Ах, я детства боюсь, –
Золотая тщета!
Нас смутили б, клянусь,
Впечатлительность та,
Одиночество, – мнусь,
Не шагнул бы туда [20, с. 9].

Поэт вообще скептически воспринимает всякую (условную, конечно) возможность вернуть время, пережить ещё раз прожитые годы. Напомним стихи, написанные как раз в год со-

здания первого «Посещения» (1977): «Я в трубку телефонную кричу, // Чтоб слышала меня и поняла: // – Я, знаешь ли, ещё раз не хочу // Жить, хватит мне той жизни, что была. <...> А я не отказалась бы... – / Молчу. // Ей кажется, что в следующий раз // Жизнь выдастся, как платье, по плечу, // К сиянию подойдёт и цвету глаз» («Я в трубку телефонную кричу...») [22, с. 47]. Но детство ценно другим – тем, что в ту пору лирическому герою, ребёнку, «был дан в детском том полусне общий смысл её, план», как это видно уже из зрелого возраста.

Финал стихотворения мы понимаем как выражение поэтической мысли не только о «посещении» прошлого лирическим героем стихотворения, но и о цикличности жизни вообще, о том, что путь, пройденный героем, человеком своего поколения, придётся пройти и другим – но, разумеется, это будет уже *их* путь:

...Словно вызвали вдруг
Ученицу к доске,
Хмурят строгую бровь,
Предлагают мелок –
И, отличница, вновь
Отвечает урок [20, с. 11–12].

Для выражения лирико-философской мысли Кушнер, наследник акмеистической точности, обычно находит какой-то конкретный образ. Вот и здесь, помимо мотива ученицы-отличницы (школьная аура для лирики поэта, более десяти лет проработавшего учителем, вообще характерна), интересен и точен ещё мотив хвойной иглы, которая «колет... нас... столько, сколько жила на земле она раз». *Нас* – то есть не только *меня*, но и тех, кто жил *до меня* и кто будет жить *после*. Вернёмся здесь к финалу первого «Посещения»: «Кто вытащил в лото // Свой номер после нас...»

Означает ли близость двух стихотворений, что второе писалось сознательно как некое продолжение первого, что поэт преследовал цель создать лирическую дилогию «посещений»? Судя по всему, нет. Когда Александр Семёнович узнал о замысле этой статьи и перечитал свои давние стихи, он написал нам: «Странно, что эти стихи так перекликаются друг с другом» (из письма от 8 апреля 2021 г.). Это не единственный случай появления в лирике Кушнера невольных «дилогий», когда какая-то тема спустя годы или даже десятилетия вновь привлекает его внимание и вызывает новую поэтическую версию, не повторяющую первую. Вот примеры его, если воспользоваться выражением Н. Я. Мандельштам о стихах её мужа, «двойчаток» [23, с. 234]: «Спасибо мастеру краснофигурных ваз...» (ок.

1979) – «Эти трое любят первую ласточкой...» (2012); «Павловск» («Холмистый, путанный, сквозной, головоломный...», 1981) – «Павловск» («В тех залах статуи стоят как облака...» 1984) и др. В данном же случае два стихотворения с общим названием, при всей своей близости друг другу (критическое отношение к прошлому; погружение биографии лирического героя в контекст истории, и при этом – «антиностальгичность» и «антиэпичность», переданная за счёт во многом общей стихотворной техники; способный меняться со временем пейзаж; мотив цикличности жизни) дают всё же разные поэтические вариации темы. Так, во втором стихотворении возникает мотив реального чтения середины века (литература соцреализма; это не Руссо и не Толстой из первого «Посещения»), реальной детской и «взрослой» игры (волейбол), мотив школы. Вообще, во втором стихотворении сгущена атмосфера детства и отрочества, в то время как лирический герой первого больше вспоминает о себе как о юноше («с подругой давних лет»; «пейзаж проходит, как любовь, как юность, как мираж»). Но эти периоды жизни – разумеется, звенья одной цепи. Второе «Посещение» словно углубляет лирическую ретроспективу, приближает читателя уже к самому началу жизни героя.

Любопытно, что в той же книге «Ночная музыка», куда вошло второе «Посещение», есть ещё одно сравнительно большое (102 стиха) стихотворение «Переключка» (1988), состоящее тоже из строфоидов разного объёма и написанное тоже коротким размером – на этот раз двустопным дактилем (мы уже знаем, что у Кушнера это – признаки «антиэпичности»). Лейтмотив стихотворения – судьбоносная встреча лирического героя с героиней, состоявшаяся вопреки тому, что «так разминуться было легко!» (ср. со стихотворением 1984 г. «Вот счастье: с тобой говорить, говорить, говорить...»: «...могли разминуться. // Могли зазеваться. Подумаешь, век или два!» [2, с. 219]). «Переключка» будто продолжает линию «Посещений», ибо предыстория любви здесь ведёт отсчёт от детства и включает в себя всё ту же позднесталинскую эпоху: «Сколько мне, десять // Лет было там? // Постановлений сумрачный слог // И песнопений встречный поток. // Всё это нынче кажется сном» [20, с. 43]. Кстати, мотив «сна» звучал и в «Посещении» 1985 г. (напомним: «в детском том полусне»), и ещё он косвенно напоминает о «туманном» и «бледном» снимке из прошлого в «Посещении» 1977 г.

Но мы обещали вернуться к ещё одному стихотворению поэта, имеющему название «Посещение» и написанному в 1973 г.

(т. е. хронологически первым должно быть названо именно оно). Героем стихотворения является Блок: «Я счастлив, что он захватил // Другую эпоху, ходил // За справками и на собрание. // Как будто привык. // Дежурства. Жилплощадь. Зарплата. // Зато – у нас общий язык. // Начну предложение – он вмиг // Поймёт. Продолжать мне не надо» [2, с. 111]. Мы имеем автокомментарий поэта к этим строкам: «...это он [Блок] в свитере, и разгружает дрова, ходит на собрания и т. д., т. е. хлебнул уже тогда, в самом начале советской жизни, всего того, чего потом нахлебались мы – и поэтому у нас “общий с ним язык”, он всё понимает с полслова» (из письма к автору статьи от 30 мая 2016 г.). Это стихотворение тоже содержит в себе выход (пусть и сравнительно краткий) в советскую историю, в эпоху «собраний» и «дежурств», и эта эпоха связывает лирического героя стихотворения Кушнера и Блока – и неважно, что само слово «посещение» имеет здесь другой смысл («Вломился в мой сонный висок // Обугленный гость, словно рок, // Цветком сумасшедшим в петлице» [2, с. 110]). Все три «Посещения» вписываются в цепочку позднейших стихотворений Кушнера, воссоздающих общественно-политическую атмосферу советского времени, его эмоциональную картину: «Сказал один чужак, и я скажу опять...» (1987), «Скажи: сорок первый, – я охну: война...» (ок. 1989), «Вдруг показалось на миг, что возможен, возможен роман...» (1991), «Смерти, помнится, не было в 49-м году...» (2002). Можно сказать, что все эти стихи – своеобразное «посещение» прошлого, лирическое осмысление доставшейся поэту и его поколению эпохи детства и юности, совпавшей с большими событиями исторической жизни: репрессии, война, послевоенные годы с присущим им «предвестием свободы» (Пастернак), оттепель...

Список литературы

1. Александр Кушнер: материалы к библиографии / сост. А. В. Кулагин. М. : Булат, 2021. 180 с.
2. Кушнер А. Посещение: Избранные стихи. СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга ; Геликон Плюс, 2019. 512 с.
3. Гилман А. «Посещение» в диалоге с литературной традицией (науч. рук. А. А. Скулачёв) // Гильдия словесников. URL: <https://slovesnik.org/kopilka/rabotuchenikov/stikhotvorenie-a-s-kushnera-poseshchenie-v-dialoge-s-literaturnoj-traditsiej.html> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Кушнер А. «Здесь, на земле...» : [Воспоминания о Бродском] // Кушнер А. Аполлон в траве: Эссе. Стихи. М. : Прогресс-Плеяда, 2005. С. 108–190. (Библиотека моих детей. Русские поэты).
5. Бродский И. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы : в 2 т. / сост. В. И. Уфлянд. Минск : Эридан, 1992. Т. 1. 480 с.
6. Альми И. Л. Внутренний строй литературного произведения // Альми И. Л. Внутренний строй литературного произведения : сб. ст. СПб. : Скифия, 2009. С. 4–20.
7. Шпаликов Г. Я жил как жил: Стихи. Проза. Драматургия. Дневники. Письма / сост. Ю. А. Файт. М. : Зебра Е, 2014. 528 с.
8. Кушнер А. Холодный май: Книга стихов. СПб. : Геликон Плюс, 2005. 96 с.
9. Рецензент. Четырёхугольная тоска // Крокодил. 1963. № 11. С. 9.
10. Кушнер А. Обстоятельства времени: Из стихов, не вошедших в книги. М. : Булат, 2020. 408 с.
11. Макарова И. А. Трансформация «чужого слова» в поэзии А. Кушнера // Целостность художественного произведения : межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. С. И. Тимина. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. С. 37–49.
12. Кушнер А. Над обрывом: Книга новых стихов. М. : Время, 2018. 96 с.
13. Кулагин А. «А всё-таки всех гениальней Толстой...» // Кулагин А. Кушнер и русские классики : сб. ст. Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2017. С. 35–60.
14. Кушнер А. Вечерний свет: Книга новых стихов. СПб. : Лениздат, 2013. 112 с.
15. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / сост. С. Г. Бочаров. М. : Правда, 1987. 478 с.
16. Кулагин А. Ворсистый смысл // Кулагин А. Поэтический Петербург Александра Кушнера: Монография. Статьи. Эссе. Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2020. С. 355–374.
17. Гельфонд М. М. «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. М. : Биосфера, 2012. 220 с.
18. Кушнер А. Живая изгородь: Книга стихов. Л. : Советский писатель, 1988. 144 с.
19. Кушнер А. Письмо. Стихи. Л. : Советский писатель, 1974. 96 с.
20. Кушнер А. Ночная музыка: Книга стихов. Л. : Лениздат, 1991. 112 с.
21. Визбор Ю. Сочинения : в 3 т. / сост. Р. Шипов. М. : Локид, 2001. Т. 1. 560 с.
22. Кушнер А. Голос: Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1978. 128 с.
23. Мандельштам Н. Я. Воспоминания / подгот. текста Ю. Л. Фрейдина. М. : Согласие, 1999. 552 с.

Поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 05.02.2024

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 212–219
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 212–219
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-212-219>
EDN: DJSIYK

Научная статья
УДК 070.1+[316.37:316.7]

Инаковость индивидуального бытия человека в условиях фейковой реальности

М. Аббуд

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

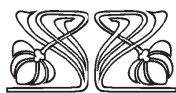
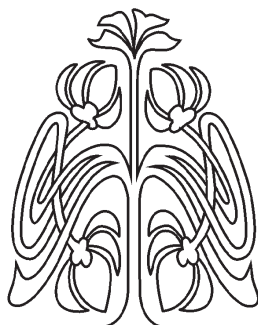
Аббуд Мохаммед Вахаб Аббуд, аспирант кафедры теории и истории журналистики, muhamedaboud19@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-2309-1824>

Аннотация. В статье рассматривается феномен фейка и его влияние на индивидуальное бытие человека. В условиях тотальной манипуляции общественным мнением происходит ограничение свободы мысли. Задыхаясь от информационного гипер потока, человек утрачивает способность к демаркации истины и лжи. Взяв на вооружение идеологический лозунг «Это совсем другое», признавая важность, оправданность двойных стандартов, фейковая реальность для индивида стала выбором меньшего из двух зол. С одной стороны, истина, свобода и ответственность, что означает по-настоящему быть, но что требует от человека приложения огромного багажа усилий к осмысленному существованию. С другой стороны, девальвация указанных ценностей до уровня «своей правды», благоустроенной несвободы и снижения градуса ответственности до состояния «иметь» или «слыть», что позволяет человеку безболезненно плыть по течению, быть всегда с большинством, не выходя за рамки зоны комфорта. Анализируются данные исследований отечественных и зарубежных авторов, изучающих указанный феномен. Обозначаются ключевые проблемы, связанные с природой фейка, роль средств массовой информации и новых медиа, приводится авторская дефиниция этого понятия. В рамках данной статьи фейк понимается как инструмент идеологической диверсии, выступая маркерной характеристикой текста на предмет его несоответствия истине. Психологические особенности среднестатистического «нормального» человека, продуцирующего ложь и готового принимать ложь за правду, его готовность «бежать от информации», придавать статус истины тому, что является только мнением, некритическое доверие к различного рода экспертам позволяют современному потребителю информации максимально совмещать субъективную оценку реальности с реальностью, созданной всемогущими медиа. Делается вывод о том, что фейк, имея различные формы существования, есть идеологический инструмент манипулирования индивидуальным и надиндивидуальным сознанием, а сам человек оказывается погруженным в новую для него фейковую реальность.

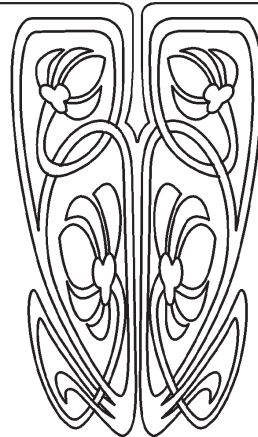
Ключевые слова: фейк, реальность, фейковая реальность, постправда, информация, идеология, человек

Для цитирования: Аббуд М. Инаковость индивидуального бытия человека в условиях фейковой реальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 212–219. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-212-219>, EDN: DJSIYK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Otherness of individual existence in the context of fake reality

M. Abbud

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia
Mohammed Abbud, muhamedaboud19@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-2309-1824>

Abstract. The article considers the phenomenon of fake and its influence on the individual existence of a person. In circumstances where public opinion is entirely manipulated, the freedom of thought is constrained. Overwhelmed by the excessive influx of information, an individual gradually loses the capacity to distinguish between what is true and false. Having embraced the ideological slogan "This is completely different" and acknowledged the importance, the acceptability of double standards, opting for a fabricated reality becomes a choice of the lesser evil for an individual. On the one hand, there exists truth, liberty, and accountability, which necessitates considerable effort for a meaningful existence. On the other hand, the devaluation of these values to the level of "one's own truth," comfortable conformity, and a reduction in the degree of accountability to the status of "possessing" or "maintaining one's reputation" enables an individual to seamlessly conform to the prevailing consensus, without stepping out of the comfort zone. The data from domestic and foreign researchers studying this phenomenon are analyzed. Key issues related to the nature of fake, the roles of mass media and new media are identified, the author's definition of this concept is provided. In the context of this article, a "fake" is interpreted as a means of ideological manipulation, serving as a defining feature of a text regarding its deviation from the truth. The typical psychological traits of an "average" individual, who generates untruths and is open to accepting them as facts, his/her inclination to "avoid information", attributing truthfulness to what is essentially an opinion, and showing unquestioning faith in diverse experts, enable contemporary information consumers to merge their personal perception of reality with the constructed reality presented by influential media sources. It is concluded that a fake, having various forms of existence, is an ideological tool for manipulating individual and supra-individual consciousness, while individuals find themselves immersed in a new fake reality.

Keywords: fake, reality, fake reality, post-truth, information, ideology, individual

For citation: Abbud M. Otherness of individual existence in the context of fake reality. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 212–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-212-219>, EDN: DJSIYK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Информация, не совпадающая с истиной (ложь, заблуждение, неполнота знаний), сопровождает человечество на всем протяжении его эволюционного развития. Удовлетворительные объяснения миропорядка или отдельно происходящих событий со временем утрачивают свое свойство быть знаниями, адекватными действительности. На смену старым знаниям приходят новые, которые, в свою очередь, становятся старыми или устаревшими, и их заменяют на новейшие (подлинные?) знания о реальности.

XXI в. отличается от других столетий многом. Одной из отличительных свойств нашего времени стало молниеносное распространение информации. Сегодняшний индивид буквально живет информацией, купается в ней. Информация закрепила за собой статус ценности самой по себе, и в этих условиях свободный доступ к информации стал одним из критериев приемлемого уровня жизни человека.

Второй отличительной чертой, связанной с феноменом информации, нужно назвать информационный бум, который захлестнул индивидуальное и надиндивидуальные сознания человека и общества. И если, по меткому выражению Эриха Фромма, человек двадцатого столетия осуществлял бегство от свободы [1], предпочитая иметь, а не быть [2], то современный человек бежит сегодня от потока информации, которой становится с каждым днем не только несоизме-

римо больше, но и все чаще и чаще навязывается ему в качестве жизненно важного, необходимого, обязательного. И здесь стоит отметить, что количество (информации), нарушая второй закон диалектики, не переросло в свое качество. Более того, сегодня приходится констатировать, что уровень потребляемого информационного контента, его соответствие объективной реальности варьируется в диапазоне от истины до прямой, неприкрытой лжи.

Погруженный в искусственную среду (вторая природа человека), человеческий индивид определяет свой распорядок дня, сообразуясь с той информацией, которая в его представлении является наиболее существенной и значимой. Немалую долю в формировании его представлений о реальности играют, помимо традиционных СМИ (телевидение, радио, печать), так называемые новые медиа (мессенджеры, социальные сети, видеохостинги, интернет-издания и пр.). Первые (классические СМИ) пытаются быть вторыми (новыми медиа), играя по правилам и на площадках последних. Вторые (новые медиа) все больше осваивают для себя функции создания, упаковки и распространения информации. Но и те, и другие, используя всю мощь интернет-технологий и коммуникаций, стали или остаются для современного человека посредником, проводником (сталкером) в мире политики, экономики, культуры.

Примеряя на себя роль креатора, владыки, медиатора и актора, современные практики журнализма стали не просто управлять общественным мнением, но и формировать его. При этом так называемые независимые, свободные средства массовой коммуникации, являясь по большей части проводниками чьих-либо интересов, все чаще оказываются агитаторами, пропагандистами, манипуляторами общественного мнения. Поэтому актуальной задачей современных исследований СМИ становится изучение феномена фейка (лживых новостей) и способов противодействия им со стороны тех средств массовой коммуникации, которые остаются работать в границах журналистской этики.

Примерно с 2016 г., после президентских выборов в США, в дискурсе повседневности во весь голос заявил о себе феномен «fake news».

Быстро облетев земной шар, слово фейк (и сочетание с этим словом) стало широкоупотребимым термином для обозначения всего, что так или иначе не соответствует реальному положению дел. Приведем небольшой список терминов, составляющих семантическое поле понятия «фейк». Это ложь, обман, подделка, симулякр, манипуляция, фальшивка, ненастоящий, фиктивный (фикция), иллюзия, вымысел, миф, выдумка, фантазия, маскировка, имитация, подражание, искажение, симулирование (симуляция), дезинформация, недостоверность, заблуждение, пропаганда.

Приведенный перечень можно продолжить, включив в него не только термины, несущие негативную оценку происходящего, но и те, что содержат положительную коннотацию и связаны с феноменом фейка по смыслу. Это реальность, истина, факт, событие. Не будет преувеличением сказать, что современные потребители информации, если не ежедневно, то достаточно часто, произносят термин «фейк», характеризуя тем самым свое отношение к информации и степень своего доверия к ней.

Казалось бы, по прошествии нескольких лет такой значимый термин должен быть зафиксирован (четко и однозначно определен) уже на уровне словарных определений. Однако приходится констатировать, что в серьезных, академических словарях такого определения нет. На страницах Википедии термин «фейк» больше связывают, как неологизм, появившийся в русском сегменте интернета, сразу с несколькими смыслами, например, с так называемой фиктивной личностью, ложными новостями, контрафактом и пр. [3]. Словарь синонимов В. Тришина приводит в качестве

аналогичных понятию «фейк» такие термины, как ложь, неправда, обман, подделка, фальсификация [4]. В Словаре современной лексики фейк определяется как подделка, фикция, второй или более зарегистрированный аккаунт, являющийся недостоверной копией аккаунта пользователя [5]. Подделкой, нелегальной копией, определяет фейк Универсальный толковый словарь И. Мостицкого [6]. Собственно, это все словарные определения, которые удалось обнаружить на просторах интернета в свободном доступе.

В чем здесь причина? Почему, являясь широкоупотребимым термином в языковой практике политиков, экономистов, культурологов, критиков, блогеров, экспертов, обывателей и прочих, сам термин остается достаточно неопределенным? Примем за утверждение следующее. Феномен фейка изучается на научном уровне, и изучается достаточно активно. Для подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к публикациям отечественных и зарубежных ученых. Например, основная функция фейка – намеренное введение в заблуждение с целью получения политической, финансовой, какой-либо еще выгоды; к такому заключению чаще всего приходят в зарубежных исследованиях, корпус которых на сегодня содержит внушительный объем накопленных знаний [7, 8].

Общепризнанным является тот факт, что у фейка есть предшественники, например феномен «газетной утки», которая, в свою очередь, может быть в статусе юмористического, развлекательного, сатирического новостного события, в то время как фейк – сугубо серьезное, «взрослое» творение. Дорогу фейку пробивает и феномен постправды, постистины (post-truth), т.е. обстоятельств, при которых объективные факты становятся менее значимыми при формировании общественного мнения, а сама истина идет после обращения к эмоциям и субъективных убеждений.

Поиск научных работ в Едином каталоге диссертаций РГБ, находящихся в свободном доступе, показывает, что работ, посвященных в той или иной степени феномену фейка, не так уж и много. По крайней мере, научных исследований, в заглавии которых содержался бы термин «фейк», нет до сих пор. Отметим далее некоторые из них, а также рассмотрим значимые (по мнению автора статьи) журнальные публикации в научных периодических изданиях.

Проводя лингвистический анализ политического медиадискурса Китая, Т. Н. Лобанова описывает структуру, характеристики и дискурсивные практики новых феноменов транслирова-

ния информации – фейка и постправды, заявляя о том, что «феномены постправды (post-truth), фейк-ньюс (fake-news) и сопутствующие ... виртуальные, электронные ... дигитальные войны (digital wars)» появились в научной методологии с 2016 г. [9, с. 34].

Как утверждает Н. Э. Щупкин, термин «фэйк-ньюс» встречается не только в публикациях СМИ, но и в научных работах [10]. Последние акцентируют внимание на проблеме распространения дезинформации в традиционных и новых медиа, когда все более существенным становится то, что выглядит или звучит убедительно, а менее существенным все то, что функционирует в статусе истины (правды). Проблема сегодня стоит настолько остро, что приходится признавать наличие феномена фейк-индустрии, которая девальвирует роль экспертного сообщества, порождает массовое падение уровня доверия к СМИ, обеспечивает жизнеспособность «постправды». Например, большинство пользователей интернета посещают любимые веб-ресурсы, чтобы поднять себе настроение, посмотреть и почитать именно то, что им нравится, а также узнать какие-либо новости. Подавляющее большинство из них знают, что такое фейк, сталкиваются с ним в интернете, однако продолжают некритично потреблять информацию, положительно реагируя на кликбейтные заголовки из области политики, шоу-бизнеса и медицины [10, с. 18].

Более того, значительная доля российских граждан, как показало исследование ВЦИОМ 2022 г., не отличает фейковую реальность от достоверной, не видя разницы между государственными информационными агентствами, тематическими интернет-порталами и записями на стене в социальных сетях [11, с. 12].

Тотальная цифровизация социального пространства, которая привела к свободному транслированию практически любой информации, как это ни парадоксально звучит, породила систему, где событие, которого не было, или искаженное событие (и то, и другое есть фейк) сегодня свободно циркулируют в информационном пространстве без ущерба для себя даже после своего опровержения [12, с. 137]. Ошибки (неумышленное искажение информации) и намеренный обман (так называемые фейки-ошибки, фейки-обманки), возникающие в силу небрежного отношения автора к источникам или явного умысла выгодоприобретения, порождают реальность, удобную как для тех, кто ее создает, так и для тех, кто готов проживать в этой самой реальности.

Фейк – современная дефиниция дезинформации и лжи. Здесь следует выделить «фактоид» – несуществующий факт, который после публикации в формате сведений, описываемых событиями или просто высказываний получает живую реакцию вовлеченной аудитории. Сегодня в силу разгоняющегося процесса фабрикация громких, сенсационных новостей он породил ответную реакцию со стороны различных, но заинтересованных социальных групп, в виде возникновения индустрии фактчекинга [13].

На основе анализа медиаресурса Factcheck.kz, имеющего свой Телеграмм-канал, можно предположить, что сегодняшний потребитель информации встречается с различными видами достоверной и большей частью недостоверной информации, выраженной в формате заявления, высказывания о событии, новости, приведенных данных, цитаты, изображения, съемки или документа. Остановимся на них чуть подробнее.

«Правда» – информация полностью подтверждается открытыми данными, т.е. верификация приведенных фактов может быть проверена из открытых источников. Правда и истина выступают в этом случае в качестве синонимичных понятий.

«Большой частью правда» – высказывания и иные форматы информации содержат некоторую долю неточности, округление цифр, устаревшие или неактуальные данные, но в целом не искажают объективную картину восприятия какого-либо явления.

«Техническая ошибка» – автор сообщения в силу невнимательности совершил неточность (допущена ошибка в конкретной цифре или данных), но в целом источники проверяемы, легко находятся, текст логичен и не содержит иных противоречий. Стоит заметить, что до определенного времени техническая ошибка на этом ресурсе носила название «полуправда».

«Ложь» – данные не подтверждаются из надежных и/или открытых источников, носят характер антинаучных высказываний, в тексте присутствуют неверное представление информации, устаревшие данные, заявление сделано на основе сфальсифицированных или несуществующих данных, т.е. прямая констатация факта, что информация не соответствует действительности. Ложь здесь выступает как антипод истины.

«Манипуляция» – в таких публикациях данные вырваны из контекста, «бьют» по чувствам, не инициируют обращения к логике, факты преувеличены или их роль преуменьшена. Такие сообщения могут оказывать влияние на общественное мнение, повышают или понижают

статус персоналий, ограничивают читателя в доступности к первоисточнику информации; подлинные данные перемежаются с ложными; приводятся «сырые», непроверенные данные; сами заголовки сообщений являются кликбейтными (так называемые желтые заголовки, цель которых привлечь внимание с целью увеличения количества просмотров).

«Сатирические новости» – первоисточник информационного контента является проектом, специализирующимся на публикации сатирических, юмористических, выдуманных сообщений. Потребляемая информация сопровождается дисклеймером (предупреждением), который явно обнаруживается в самой публикации, в описании сайта, профиля аккаунта. То есть потребитель информации предупрежден о статусе публикации. Другое дело, что перепечатка подобных сообщений очень часто опускает указанный дисклеймер, что и вводит последующую аудиторию в заблуждение.

«Развод» – вводящая в заблуждение публикация, направленная на раскрытие пользовательской информации, банковской тайны, стимулирование приобретения ненужных товаров и пр.

«Не доказано» – информация носит спорный характер, нет возможности опровергнуть или доказать ее, она непроверяема в силу закрытости источников, сложности методологии, верификации и прочих обстоятельств.

Наконец, «фейк» – абсолютно ложная история, затрагивающая общественно значимые темы, созданная для массового распространения в целях увеличения трафика, дискредитации или обеливания кого- или чего-либо. У такого сообщения, как правило, отсутствует подлинный автор, его невозможно установить, так же как и первоисточник, но можно установить проводников и уровень ретрансляции [14].

Как видим из приведенного списка, фактчекеры разводят между собой понятия «фейк», «ложь», «манипуляция».

В рейтинге достоверности ресурса «Проверено.Медиа» ранжирование информации на достоверную и недостоверную оказывается еще более значительным. Информация делится на: Правду, Большею частью правду, Скорее всего, правду, Неправду, Большею частью неправду, Скорее всего, неправду, Полуправду, Эту не точно, Вырванную из контекста, Неверную атрибуцию цитаты, Верную цитату, Искаженную цитату, Сатирическую новость, Легенду, Мошенничество, Заблуждение, Фейк. Здесь фейк – ложный факт или утверждение, в основе

которого лежит намеренный подлог, фальсификация. Злая воля (намеренный подлог) отличает его, таким образом, от Неправды, которая также есть ложный факт или утверждение [15].

Данные примеры показывают нам стремление фактчекеров отграничить феномен фейка от неправды или лжи. Насколько оправданна такая градация, покажет время, но определение последних как преднамеренное искажение истины явным образом делает фейк и ложь (неправду) «единоутробными» сущностями.

Один из русскоязычных ученых, работающих за рубежом, утверждает, что такие стороны жизни человека, как мораль, промышленное производство, культура, косметика, информация, геополитика и прочие, абсолютно потонули в фейках, редуцируя объективную реальность для человека в фейковую реальность: «...люди в современных промышленно развитых странах живут в фейкореальности» [16]. Психологическая особенность человека – использовать фейки для личной выгоды, продуцируя нарратив, в котором укоренено моральное фарисейство, давление обстоятельств или мнимое нахождение вне морали (по ту сторону добра и зла), если эта выгода будет превышать ущерб от наказания.

По мнению ученого, именно эта психологическая склонность сознания человека фундирует фейковую реальность, в которой желает пребывать индивид. Этому способствуют коренные изменения европейской культуры двадцатого столетия, когда были поставлены под сомнения два основополагающих принципа восприятия реальности, а именно признание того, что сознание человека отражает объективную реальность, и того, что хранилищем полученных данных являются символы. Реализм и символизм, за которыми стояли вера и обычная мораль, стали заменяться философией субъективизма, проникшей глубоко в культуру и выдавшей своеобразную индульгенцию на нарушение морально недопустимого искажения реальности. Как кажется, «морально недопустимое искажение реальности», как ничто лучше, характеризует фейк и более широко – фейковую реальность.

Появилась реальность по собственным правилам, признание мира симулякров (образы без оригинала или, по Платону, копия тени) гиперреальностью превратила реальность в фейковую. Завершил дело переход человека от символического контакта с реальностью к образному, виртуальному контакту с ней. Последний тип контакта непосредственно влияет на эмоции и блокирует критическое мышление. Отсюда мас-

совый отказ от чтения (символическое освоение реальности) в пользу поглощения информации в виде клипа, мультяшных сериалов, коротких видеосюжетов и пр.

Стоит отметить, что «реальность» в работах отечественных ученых изучается в различных ее аспектах. Реальность выделяют информационную, коммуникативную, социальную, социокультурную, правовую, антропологическую, объективно-виртуальную (виртуальную), дополненную, смешанную и даже цветовую. Поэтому фейковая реальность есть одна из сторон субъективной реальности человека. Главное, что следует помнить, – реальность обязывает, фундирует человека на совершение поступков.

В этом смысле представляет интерес работа А. А. Черняк, который рассматривает проблему реальности как основание поступка. Фундаментальной чертой современности, по мнению автора, является плюрализм, который стоит на пути формирования единой картины мира. Совершение должного (поступка) предшествует знанию об этой реальности. Решимость на должный поступок заключается в готовности действовать в пользу другой экзистенции [17].

При этом, однако, не следует забывать, что фейковая реальность остается полем тотальной манипуляции индивидуальным и надындивидуальным сознанием. В диссертационном исследовании «Манипуляция сознанием» М. Ф. Сиразетдинова отмечает, что проникновение СМИ и коммуникации в личное и социальное пространство, глобализация (и деглобализация? – автор) все более приводит к тому, что диалоговое взаимодействие и углубление взаимопонимания находит применение, главным образом, в сфере реализации интересов частных субъектов. Автор высказывает мысль о том, что технологии манипуляции сознанием совершенствуются и в сегодняшних условиях применяются целенаправленно, в то время как проблема возрастающей интенсивности манипулятивного воздействия на сознание тесно связана с противоречиями общественной жизни. При этом фиксируется, что теоретическая неразработанность проблемы манипуляции негативно сказывается на решении практических проблем взаимоотношений личности и общества [18].

Исследователь доказывает, что манипуляция сознанием представляет собой целенаправленное скрытое психологическое воздействие, редуцирующее целостность манипулируемого к объекту и одновременно симулирующее его субъектность. Последнее замечание, как думается, очень важно для понимания природы фейка, где фейк

может характеризоваться уже как морально недопустимое искажение реальности, при котором субъективная реальность подменяет собой реальность объективную.

М. Ф. Сиразетдинова выделяет две группы основания для возможности манипуляции: антропологические и социальные, в которых существуют уровни универсально-общие и специфически-особенные. Этапами манипуляции являются: 1) обход сознательного контроля; 2) внедрение нерелефлексированных идей в сознание; 3) взаимодействие привнесенного содержания с бессознательными структурами; 4) изменение сознательной активности в ожидаемом (для манипулятора) направлении [18].

Автор также отмечает, что манипуляция может играть как положительную, так и отрицательную роль в становлении личности и воспроизводстве социального. В современном обществе технологии манипуляции проникли во все сферы общественной жизни, приобрели системный характер воздействия на индивидуальное и надындивидуальное сознание. Предпочтительной альтернативой манипуляции, по заверению автора исследования, является внутренний диалог и введение диалогического принципа в повседневные общественные отношения.

К сказанному остается добавить следующие соображения, которые в рамках данной статьи носят гипотетический характер.

При анализе феномена фейка, с последующей дефиницией этого понятия, для начала нужно определить, какие берутся основания для анализа указанного феномена. Иными словами, как должен восприниматься фейк: как отдельно взятый самостоятельный предмет (явление, феномен, сущность), или разговор должен идти о качестве такого? Как видится, в первом случае существует проблема гипостазирования понятия с последующим отрывом от возможности его объективного исследования. Поэтому следует говорить о фейковых новостях, а не о новостных фейках. В этом случае придается изначальный смысл англоязычному «fake news» – ложные (лживые) новости. Ложь, как мы помним, намеренное искажение истины.

Далее, фейк следует считать феноменом идеологическим. Идеология, во-первых, есть система убеждений, ценностей и политических взглядов, определяющих общественное (миро)воззрение и дающая ориентиры для действий; во-вторых, идеология есть совокупность теоретических концепций, использующихся для объяснения, описания и оправдания социальных явлений, а также формирования

политических, экономических и культурных убеждений; в-третьих, это совокупность установок, которые определяют отношение человека к миру, его мировоззрение и ценностные ориентиры. Такие установки влияют на его поведение и действия в обществе.

Согласиться с тем, что фейк есть идеологический инструмент, можно, если принять очевидный факт идеологического многообразия и идеологической дисперсии в любом современном обществе, в котором консервативная (коммунистическая, либеральная, анархистская и др.) идеология вполне уживается в одном и том же сознании индивида, например, с идеологией потребления, иждивенчества, автономного существования и пр. Задача любой идеологии – оправдать существующее положение вещей (в первую очередь, социальных отношений) или указать путь их обновления либо исправления таких отношений. Поэтому фейк в самом широком смысле был и остается идеологическим инструментом.

Способов донесения фейковой информации достаточно много, но все их можно свести к следующему положению. Любой фейк, как и любая информация, есть текст. Даже графические изображения, рисунки требуют некоего пояснения, а значит, содержат в себе определенный пояснительный или сопроводительный текст. Появление так называемого *deep fake* (глубинный, глубокий фейк), который мог возникнуть исключительно в связи с развитием широкополосного интернета, компьютерных технологий, программного обеспечения и применения искусственного интеллекта, также является дальнейшим развитием способа подачи текстовой информации, а не возврата к первобытному состоянию сознания дотекстовой эпохи, являясь еще более действенным способом (чем «чистый» текст) донесения смыслов до аудитории.

Рабочей дефиницией фейка становится в этом случае один из аспектов, а именно фейк как инструмент идеологической диверсии, выступающий маркерной характеристикой текста на предмет его несоответствия истине.

Кто использует подобный инструментарий и какие цели преследуются при этом, это уже тема отдельного разговора, вторичного по отношению к феномену фейка. Например, блогер использует фейк для привлечения аудитории и увеличения количества просмотров; правящая партия берет его на вооружение, чтобы объяснить социальные противоречия наличием внешних и внутренних врагов; крупная фармацевтическая корпорация делает ставку на фейк с целью отстроиться от

своих конкурентов и т.д. То есть границы использования фейка разрослись настолько, что можно с полным правом говорить о феномене фейковой реальности.

Основными чертами фейковой реальности выступают следующие черты. Это сугубо искусственное образование, относится к духовной (нематериальной) сфере жизнедеятельности человека, имеет опосредованное отношение к реальности, осваивая последнюю через информацию о ней. Погруженный в информационную среду, человек «видит» правду (но не истину) через призму своих убеждений, с готовностью воспринимая ложную или искаженную версию реальности. В условиях тотальной манипуляции общественным мнением в такой реальности происходит ограничение свободы мысли. Задыхаясь от информационного гиперпотока, человек утрачивает способность к демаркации истины и лжи. Взяв на вооружение идеологический лозунг «Это совсем другое дело», признавая важность, оправданность двойных стандартов, фейковая реальность для индивида стала выбором меньшего из двух зол: с одной стороны, истина, свобода и ответственность, что значит по-настоящему быть; с другой стороны, девальвация указанных ценностей до уровня «своей правды», комфортной несвободы и снижения градуса ответственности до состояния «иметь» или «слыть». Как итог, человек смирился с морально допустимым искажением реальности.

Таким образом, фейк как понятие воспринимается многомысленно. Человек эпохи информационного общества понимает под ним ложь, неправду, частичное искажение истины, юмористическое сообщение, подделку, дезинформацию и пр. Фейк как термин закрепился в дискурсе повседневности и стал объектом научных исследований как за рубежом, так и в работах российских ученых. В более узком значении главной функцией фейка называется намеренное введение в заблуждение потребителя информационного контента с целью извлечения политической или экономической (финансовой) выгоды. Львиную долю в формировании и устойчивое функционирование фейковой реальности вносят традиционные СМИ, а также новые медиа.

В современных условиях человек постепенно утрачивает связь с реальностью. В ситуации избыточного потребления информации он становится объектом манипуляции различных сил. Виртуальная реальность (информационные симулякры) все более подменяют реальность подлинную, аутентичную, превращаясь для человека в реальность фейковую.

Причин для этого несколько. Это и психологические особенности среднестатистического «нормального» человека с его внутренней готовностью продуцировать ложь и принимать ложь за правду. Это и его готовность к «бегству от информации» (свободы) в условиях гиперпоточности последней. Это и придание статуса истины и правдивости мнению в условиях укоренившейся постмодернистской концепции множества истин. Это и легализация, придание легитимности квази-экспертам, различного рода паранаучным деятелям, чья экспертность определяется количеством подписчиков в социальных сетях. Это и усиливающаяся девальвация научного экспертного сообщества.

В создавшихся условиях человек все больше утрачивает способность отличать правду от лжи, отказывается от попыток постижения истины, признает ее множественность или относительность, выстраивает для себя такой конструкт жизнедеятельности, в котором субъективная оценка реальности будет максимально совпадать с реальностью, созданной всемогущими медиа.

Список литературы

1. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : Академический Проект, 2007. 271 с.
2. Фромм Э. Иметь или быть. М. : АСТ, 2007. 126 с.
3. Фальшивые новости // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фальшивые_новости (дата обращения: 12.06.2023).
4. Фейк / Словарь синонимов ASIS. В. Н. Тришин. 2013 // Академик.ру. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/387676/фейк?ysclid=lsd7y1wj3u510048973 (дата обращения: 02.06.2023).
5. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014 // Академик.ру. URL: <https://argo.academic.ru/5518/фейк> (дата обращения: 05.06.2023).
6. Фейк / Универсальный дополнительный практический толковый словарь. И. Мостицкий. 2005–2012 // Академик.ру. URL: https://mostitsky_universal.academic.ru/5720/фейк?ysclid=lsd9ir7l8o339965681 (дата обращения: 31.05.2023).
7. Ecker U. K. H., Lewandowsky S., Cook J., Schmid P., Fazio L. K., Brashier N., Kendeou P., Vraga E. K., Amazeen M. A. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction // *Nature Reviews Psychology*. 2022. № 1. P. 13–29. <https://doi.org/10.1038/s44159-021-00006-y>
8. Pennyscook G., Rand D. G. The Psychology of Fake News // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25, iss. 5. P. 388–402. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>
9. Лобанова Т. Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса: структура, характеристики и дискурсивные практики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи, 2020. 48 с.
10. Шупкин Н. Э. Специфика распространения фейковых новостей в интернете (на примере г. Волгоград) // *Наука и мир*. 2023. № 5 (117). С. 17–18.
11. Гафиатулина Н. Х. Влияние фейковой реальности в пространстве массовой коммуникации на социальное здоровье // *Актуальные проблемы моделирования, проектирования и прогнозирования социальных и политических процессов в мультикультуральном пространстве современного общества : материалы VI Всерос. науч. конф. (с междунар. участием) молодых ученых. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2022. С. 9–13. EDN: MPPKQA*
12. Скобелева В. В., Трепалина Н. Е. Проблема точности и объективности информации в эпоху цифровизации информационного пространства // *Новые тренды журналистики и медиакоммуникаций / отв. ред. Д. В. Неренц. М. : РГГУ, 2022. С. 135–139.*
13. Новиков Р. И. Победители реальности: генезис фейковых новостей // *Евразийское Научное Объединение*. 2021. № 7–3 (77). С. 206–209. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5168554>, EDN: HEHWGC
14. Что означают наши вердикты // *Factcheck.kz*. URL: <https://factcheck.kz/f-a-q/> (дата обращения: 13.06.2023).
15. Рейтинг достоверности // *Проверено.Медиа*. URL: <https://clck.ru/34pw5A> (дата обращения: 31.10.2022).
16. Субботский Е. В. Фейкореальность. Наша жизнь в мире симулякров // *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/10465/?ysclid=lsd9qjcm2e731988796> (дата обращения: 07.06.2023).
17. Черняк А. А. Проблема реальности как основания поступка: экзистенциально-феноменологический подход : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2016. 29 с.
18. Сиразетдинова М. Ф. Манипуляция сознанием: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2016. 22 с.

Поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 220–227

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 220–227

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-220-227>, EDN: CWQUNH

Научная статья

УДК 070.11-053.3/6

Этические аспекты подготовки журналистских материалов о детях и для детской аудитории: гуманистический подход

Е. С. Зубаркина

Московский педагогический государственный университет, Россия, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Зубаркина Елена Станиславовна, кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славина Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, famzub@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5678-1787>

Аннотация. В статье рассматривается двуединая проблема: необходимость разработки основополагающих документов о соблюдении российскими СМИ гуманистических принципов при подготовке материалов о детстве, а также отсутствие профессиональной журналистской школы, в рамках которой формируются и поддерживаются такие подходы. Обращение к научным изысканиям в области деонтологии и философии журналистики привело к выводу, что реализация задач по гуманизации информационного пространства зависит не только от уровня развития медиаэтики, но и от воли журналистов, политической конъюнктуры, структуры медиарынка на этапе его экономической трансформации. В условиях агрессивной медиасреды и при игнорировании профессиональным журналистским сообществом этических установок наиболее уязвимой аудиторной группой, подверженной негативному влиянию, выступают несовершеннолетние. Сегодня в некоторых редакциях намеренно отступают от норм морали, нравственности, этики в процессе создания потенциально «продаваемого» информационного продукта, тем временем дети и подростки, согласно статистическим данным, регулярно являются опосредованными потребителями нецелевого контента. Именно поэтому в качестве эмпирической базы выбраны медиатексты профессиональных СМИ, поскольку их авторы (в отличие от многих блогеров, создателей контента в соцсетях), как сотрудники редакций, осведомлены об ответственности не только на законодательном, но и зачастую на корпоративном уровне. В отдельных этических хартиях и стандартах, ратифицированных журналистскими организациями в России, содержатся рекомендации по подготовке медиаматериалов, затрагивающих тему детства прямо или косвенно. Подробный анализ представленных документов позволяет сделать вывод о том, что некоторые положения, принятые в начале 2000-х гг., утратили актуальность, и сегодня требуется не только пересмотреть их содержание, но и поднять вопрос в среде практиков о необходимости проявить повышенное внимание к мерам сдерживания агрессивной риторики, о введении новых механизмов саморегулирования.

Ключевые слова: журналистика, этика, гуманизм, медиаэтика, дети, хартии, этический стандарт, профессиональная этика

Для цитирования: Зубаркина Е. С. Этические аспекты подготовки журналистских материалов о детях и для детской аудитории: гуманистический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 220–227. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-220-227>, EDN: CWQUNH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ethical aspects of preparing journalistic materials about children and for children's audiences: A humanistic approach

E. S. Zubarkina

Moscow State University of Education, 1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russia

Elena S. Zubarkina, famzub@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5678-1787>

Abstract. The article examines a two-pronged problem: the need to develop fundamental documents on the Russian media's observance of humanistic principles, when preparing materials about childhood, as well as the lack of a professional journalistic school within which such approaches are formed and supported. The author turns to scientific research in the field of deontology and philosophy of journalism and comes to the conclusion, that the implementation of tasks to humanize the information space depends not only on the level of the development of media ethics, but also on the will of journalists, the political situation, and the structure of the media market at the stage of its economic transformation. In an aggressive media environment and when the professional journalistic community ignores ethical principles, the most vulnerable audience group subject to negative influence are minors. Today, some editorial offices deliberately deviate from the norms of morality and ethics in the process of creating a potentially "saleable" information product, while children and adolescents, according to statistics, are regularly indirect consumers of non-target content. That is why the author of the article chooses media texts from professional media as an empirical basis, since their authors, unlike many bloggers and content creators on social networks, as editorial staff, are aware of the responsibility not only at the

legislative but also at the corporate level. Certain ethical charters and standards ratified by journalistic organizations in Russia contain recommendations for the preparation of media materials that address the topic of childhood directly or indirectly. A detailed analysis of the presented documents allows us to conclude that some provisions adopted in the early 2000s have lost their relevance, and today it is necessary not only to revise their content, but also to raise the question among practitioners about the need to show greater attention to measures of deterring aggressive rhetoric, as well as the question about the introduction of new self-regulation mechanisms.

Keywords: journalism, ethics, humanism, media ethics, children, charters, ethical standard, professional ethics

For citation: Zubarkina E. S. Ethical aspects of preparing journalistic materials about children and for children's audiences: A humanistic approach. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 220–227 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-220-227>, EDN: CWQUNH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Этика как основа гуманистической культуры

Медиа играют одну из ключевых ролей в процессе как гуманизации, так и дегуманизации общества. Особенно значимым их влияние становится в период внешнеполитических кризисов, ожесточенных информационных войн, межнациональных конфликтов и т.д. В такие сложные исторические периоды от качества реализации институтом журналистики идеологической, коммуникативной, культууроформирующей и других функций во многом зависит как уровень стабильности в обществе, так и способности каждого индивида противостоять внешним негативным процессам и следовать в коммуникации с внешним миром гуманистическим установкам и идеалам.

В Амстердамской декларации Всемирного гуманистического конгресса прямо сказано, что гуманизм по своей природе этичен, поскольку утверждает ценность, достоинство и автономию отдельной личности, а также право каждого человека на максимально возможную свободу, совместимую с правами других людей [1].

Неслучайно принцип гуманизма признается в России и в большинстве стран мира одной из основополагающих норм журналистики. Его аспекты, истоки, сущность и методологии продолжают активно изучаться отечественными теоретиками и их зарубежными коллегами.

Методологии гуманизма в журналистике, как пишет Е. Дорошук, базируются на междисциплинарных теориях: на концепции гуманизма Н. Бердяева, анализе культуры О. Шпенглера и А. Тойнби, идее морального сознания Ю. Хабермаса, учении о доминанте А. Ухтомского, системе ценностей Э. Фромма и др. Что касается направлений изучения гуманизма в современной журналистике, исследователь выделяет изучение гуманизма как принципа журналистики, который считает человека величайшей ценностью и требует при освещении всех вопросов жизни общества исходить из интересов развития личности; особенностей процесса гуманизации медиа

и его влияния на общество и культуру, а также «изучение особенностей организации и функционирования социальной журналистики, которая воплощает идеи гуманизма» [2, с. 7]. При этом он соглашается с тезисом, что журналистика выступает инструментом формирования «принципиально нового (общепланетарного) мышления, открывающего возможность повышения уровня межкультурных коммуникаций, способствующего интеграции “многообразных векторов” человеческой самоактуализации» [2, с. 7].

О гуманизме как об основе этического кодекса в теории журналистики одним из первых заявил американский исследователь Эдмунд Ламбет. Он предложил сформировать систему этических принципов журналиста, опираясь на философское представление об этике. Однако, рассматривая классические теории этики, он приходит к выводу, что ни одна из них не может быть применена к профессии журналиста. Этическое мышление, по мнению Ламбета, не наука, а искусство [3, с. 13]. И в деонтологии, как разделе этики, Ламбет обнаруживает определенные изъяны. Так, если следовать деонтологии правила, провозглашающей примат незыблемых этических норм, то журналистский долг заключается в том, чтобы всегда говорить правду, не задумываясь о последствиях. Однако в некоторых случаях, например в кризисной ситуации, оперативно изложенная правдивая информация может стать поводом для массовой паники или привести к жертвам. Если следовать деонтологии поступка, то каждая конкретная ситуация уникальна, поэтому журналист в процессе творческой деятельности не может опираться на какие-либо правила, хартии или этические кодексы. Последствия этого тоже могут быть негативными. Поэтому Ламбет отдает предпочтение деонтологии смешанной: «Этические теории – не “черные ящики”, хитроумные приспособления, в которые можно вводить этические вопросы и получать на них ответы с механической регулярностью и точностью. Такие теории, скорее, подобны окнам, через которые можно заглянуть

в мир нравственных рассуждений. Их смысл заключается в том, чтобы предложить ключевые позиции, с которых можно рассматривать важные этические решения. Ожидать определенности от каждого этического решения – значит искать нечто, что бывает крайне редко, а то и вовсе не бывает» [3, с. 16].

Основываясь на смешанной деонтологии, Ламбет формулирует систему принципов, которыми должны руководствоваться журналисты в своей работе и которые необходимо использовать как вспомогательный механизм в сложных ситуациях для разрешения самых серьезных проблем и противоречий, чтобы не допускать «бездумного интуитивизма» и решений на уровне рефлексов. Он выделяет принципы правдивости, справедливости, гуманности, свободы выражения мнений. При этом Ламбет убежден, что принцип гуманности для журналиста не содержит ничего, что выходит за рамки естественных для каждого человека обязанностей – не навреди, предотврати ущерб, окажи нужную помощь, и для этого не обязательно делать добро или добиваться наибольшего блага [3, с. 17].

Вектор развития профессиональной этики в контексте современной журналистики, безусловно, зависит от убеждений и действий представителей медиа. Так, например, И. Дзялошинский полагает, что этическую систему формирует само профессиональное сообщество: этика рождается в процессе практики и регулируется теми, кто участвует в редакционном процессе. Он уточняет, что «профессиональное сообщество вырабатывает комплекс принципов, норм и правил, которые целесообразно обозначить понятием “профессиональная культура”», и принцип гуманизма он называет «частью этой профессиональной культуры» [4, с. 138].

В свою очередь, как считает Е. Дорощук, высокий уровень профессиональной культуры журналистов будет способствовать формированию информационного пространства для человека, а не против него. Для этого следует гуманизировать образование будущих журналистов, чтобы они не воспринимали аудиторию как объект для манипулирования и помнили, что в соответствии с философией Канта человек – это не средство для достижения своей цели, он сам и есть цель.

В то же время, говоря о развитии журналистской этики, в особенности о барьерах, препятствующих этому процессу, следует указать на форму государственного управления, а также политическую, экономическую, социальную обстановку. Эти факторы во многом опреде-

ляют степень проявления гуманистических воззрений как редакционных коллективов, так и отдельных журналистов. Например, Ламбет, анализируя преимущественно американский опыт, называет главным препятствием, которое мешает журналистам следовать гуманистическим принципам, – отсутствие полной независимости СМИ. «Диапазон свободы действий репортеров и редакторов ограничивается владельцами и редакторами, давлением со стороны коллег и социальными ценностями, а также существующим законодательством, юридической практикой и юридическими процедурами» [3, с. 20].

Безусловно, трудности и противоречия в государстве, обществе, а также в самой медиасреде ни в коей мере не отменяют стоящих перед журналистикой задач. Одной из главных, как считает в том числе Е. Дорощук, является воспитание людей, «которые могли бы дать отпор любым попыткам манипулирования, просвещая и созидая, создать общественную культуру, в которой медиа – большая часть, которая сама по себе станет мощной окружающей “средой”, где не будет возможности для стигматизации других людей и доминирования над ними, как это происходит при негативизации информационного пространства современными медиа» [2, с. 13].

Это, конечно, идеальная картина. На наш взгляд, для приближения к идеалу, о котором говорят теоретики в области медиа, необходимо несколько условий. Среди них – не только свобода слова, стремление как профессионального сообщества, так и каждого его участника к повышению уровня своей культуры, следование этическим принципам, но и забота самой аудитории о качестве собственного медиапотребления. При этом необходимо отметить, что последнее условие применимо лишь к взрослой аудитории, тогда как самую уязвимую категорию медиапотребителей составляют несовершеннолетние реципиенты.

Детство как объект профессиональной этики журналиста

Вопрос содержания журналистских материалов достигает особой остроты, когда в них затрагивается тема детства. В целом проблема агрессивности медиасреды, ее влияния на психику несовершеннолетних и процесс их социализации, а также нормативное регулирование цифрового пространства находит отклик в теоретических работах ученых разных областей. Так,

например, рассматривая влияние вредоносной информации на детей с правовой точки зрения, Л. Букалерева с соавт. полагают, что российское законодательство в сфере информационной безопасности нуждается в совершенствовании, в частности, авторы констатируют неудовлетворительное состояние нормативно-правового регулирования обеспечения информационной безопасности общества и информационной охраны нормального развития несовершеннолетних [5]. Изучая влияние цифровой среды на детей и подростков с точки зрения психологии и педагогики, Я. Некоз и С. Игнатович заключают, что любая просмотренная информация, несущая отрицательные эмоции, влияет на формирование негативного опыта и накопление агрессивного эффекта, вследствие которых в реальной жизни человек проявляет агрессивные мысли и действия [6]. С этим согласны А. Астафьева и К. Переверзина, отмечающие, что сегодня важно не просто ставить цель – защитить подростков, но и понять, от чего стоит защищать и какими механизмами [7].

Учитывая, что детство – это процесс становления личности и формирования системы ценностей, в результате которого человек только учится критически мыслить, фильтровать информацию и, как правило, уступает в этой способности взрослым, особая ответственность и особые задачи возлагаются в том числе на журналистов, работающих над «детской темой». Эти задачи сегодня каждое медиа решает по-своему.

Современные подходы творческих редакционных коллективов к конструированию образа детства и трактовке его ценностей во многом отличаются от характерных для советской журналистики. Изменения произошли по нескольким причинам. Одна из них – освобождение СМИ от монопольного контроля государства и коммерциализация всех подсистем. С одной стороны, государственные органы не оказывают прямого и тотального влияния на принципы и способы создания программ, содержание программных сеток и печатных полос/интернет-рубрик – все это определяет собственник СМИ, главный редактор и его редакционный коллектив. С другой стороны, юридически процесс формирования молодежной политики и политики в области детства внутри политических институтов происходит автономно от института журналистики. Соответственно, доля и пропорции взрослого и детского контента также устанавливаются на усмотрение руководства.

Сегодня отчетливо просматривается снижение доли детского контента. Нагляднее всего

это проявляется на телевидении, причем в сегменте федеральных каналов – самых крупных, рейтинговых, с наибольшим охватом аудитории. Например, в эфире Первого канала сегодня выходит одна программа для детей – «Умники и умницы». При этом в 1990-е и начале 2000-х гг. в сетку («Первого», затем ОРТ) были интегрированы мультфильмы, в середине дня транслировался «Ералаш», выпускались программы «Зов Джунглей» С. Супонева, Дог-шоу «Я и моя собака», детские и подростковые фильмы.

Сокращение объема детских проектов на федеральных каналах объясняется, в первую очередь, реорганизацией самой медиасистемы – возникновением профильных и тематических СМИ, появлением нишевых изданий, например таких специализированных детских каналов, как «Карусель», СТС Kids и др. То есть мы наблюдаем две встречные тенденции. С одной стороны, это старт и развитие специализированных детских каналов, с другой – фактическое самоустранение федеральных каналов от темы детства. Федеральные каналы не только не взаимодействуют непосредственно с детской аудиторией, но практически не производят программ о детях, воспитании и т. д. В таких эфирах, как новостные выпуски, ток-шоу или рейтинговые авторские проекты, могут время от времени затрагиваться отдельные вопросы, но лишь в виде исключения, фрагментарно (например, интервью с Е. Ямбургом в рамках проекта «Познер» [8]).

Оборотной стороной сложившейся ситуации является отсутствие в структуре больших медиа детских редакций. И эта проблема гораздо важнее, чем может показаться на первый взгляд. Напомним: в советский период развития журналистики редакция детского и юношеского вещания в структуре Центрального телевидения или радио отвечала за содержание программ и работала над их созданием. То есть в СССР была сформирована школа, заложены профессиональные традиции в области детской журналистики; на постоянной основе с «детской темой» работала редакционная команда и транслировала свои навыки и умения приходившему на смену молодому поколению журналистов.

Современная рыночная система СМИ и организация журналистской деятельности предполагает выстраивание диалога о детстве на усмотрение каждой конкретной команды канала, радиостанции, печатного или интернет-медиа или же его отдельных представителей. Важный аспект в этой связи – навыки и компетенции авторов детского контента. Нередко создатели таких материалов – универсальные журна-

листы, работающие одновременно на разные аудитории, не имеющие опыта в образовательной журналистике, психолого-педагогической, воспитательной деятельности. Это может иметь как позитивные, так и негативные последствия в каждом конкретном случае – в зависимости от профессионализма команды создателей контента для детей. Опытная команда формирует свой внутренний негласный этический кодекс или же принимает корпоративные положения, регулирующие профессиональную деятельность. Однако это пример локального решения. До сих пор в истории российской журналистики не предпринимались попытки создать единый свод положений, общероссийский или международный кодекс, регламентирующий деятельность СМИ в области детства и адаптированный для разных типов медиа. В то же время состояние современного российского медиadiaполя, на наш взгляд, демонстрирует высокую потребность социального института журналистики в формировании такого кодекса.

Необходимо отметить, что в универсальных этических кодексах и хартиях вопрос о взаимоотношениях СМИ и их представителей с детской аудиторией эпизодически затрагивается.

Так, в Хартии телерадиовещателей «Против жестокости и насилия», принятой в 2005 г., отражены стандарты работы сотрудников над темой, посвященной детству, и взаимодействия с самими детьми. В частности, в документе указано, что «электронные средства массовой информации признают свою особую социальную ответственность за соблюдение прав детей на защиту и помощь и, прежде всего, их права на получение информации, не наносящей вред их физическому и нравственному здоровью» [9]. В этих целях руководители электронных СМИ, подписавшие документ, согласились обеспечить доступ детей к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к тем, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию детей. Они также согласились «учитывать интересы детей при формировании программной политики и сетки вещания; подавать новости таким образом, чтобы обеспечить свободное формирование мнений в целях содействия подготовке детей к самостоятельной жизни в обществе; ввести добровольные ограничения при освещении событий и демонстрации материалов, способных причинить серьезный вред умственному или моральному развитию детей» [9].

Несмотря на почти двадцатилетнее существование Хартии, многие ее положения до сих пор существуют как некий ориентир, «идеальная модель» и не получают широкого практического применения. Так, например, в современной научной среде ведется активная дискуссия относительно пункта, рекомендующего ограничивать контент, негативно влияющий на картину мира ребенка и дестабилизирующий его психоэмоциональное состояние. Прежде всего, речь идет о материалах СМИ, транслирующих акты жестокости и насилия. Теоретиками подтверждается, что негативная информация в большей степени формирует суждения подростка о морали, чем позитивная: «Ненорма (агрессия, насилие, унижение другого), которая сопутствует регулярно потребляемому страху, с течением времени становится естественным актом и превращается в Норму». Страх, по заключению теоретика, формирует агрессивную человеческую общность и ослабляет естественную тягу к нравственным ценностям [10].

Таким образом, вопреки установленным этическим нормам журналистского сообщества, происходит криминализация общественного сознания. При этом у несовершеннолетних в силу психофизиологических особенностей повышена восприимчивость к информации и склонность к подражанию. Поэтому проявления жестокости и агрессии, которые несовершеннолетняя аудитория может увидеть на экранах ТВ или своих смартфонов, могут стать запускающим механизмом трансляции соответствующего поведения. Наряду с предложением «повысить культуру журналистов», содействовать всестороннему изучению ценностей журналистского произведения и повысить ответственность журналистского сообщества за распространение материалов, противоречащих ценностям общества, Сафронова предлагает СМИ «выработать отношение к человеку как духовно-нравственной личности и социально одобряемые действия и убеждения» [10].

Ограничительный аспект активно обсуждается также на государственном уровне и в законодательной плоскости. В частности, это подтверждает заявление председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина – он указывает на необходимость введения ограничения на демонстрацию на общедоступных федеральных каналах сцен насилия, жестокости, различных проявлений аморализма и безнравственности, а также призывает «исключить различные ток- и реалити-шоу, десоциализирующие молодежь и

пропагандирующие деструктивное поведение» [11]. Однако заявление официального представителя органа власти, как и подобные ему предложения политических деятелей и лидеров общественного мнения, пока юридически не закреплены.

Такая обеспокоенность медиаисследователей и государственных чиновников обоснована: в России дети ежедневно тратят в среднем 2 часа 4 минуты на просмотр телевидения [12]. На детскую аудиторию в крупных городах в 2019 г. приходилась самая высокая доля совместных просмотров – 41%. Это связано с тем, что зрители 4–17 лет смотрят ТВ с родителями и другими старшими родственниками, особенно в выходные и праздничные дни. При этом в отечественных медиа допускается жесткая риторика (противоречащая этическим нормам) в программах, выходящих в дневное время и без маркировки 18+. Таким образом, ребенок становится опосредованным, но все же потребителем такого контента. Поэтому в данном случае мы видим, что установки Хартии на деле не ограничивают стремления СМИ в погоне за рейтингами и не противостоят процессу дегуманизации детского сознания.

Еще одним документом, в котором фрагментарно затрагивается тема детства, является Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу [13]. В частности, Коллегия настоятельно рекомендует всем, кто намерен опубликовать какую бы то ни было информацию о детях и подростках, сверяться с положениями таких документов, как «Нормы и принципы освещения СМИ вопросов, касающихся детей» (принят на Конгрессе Международной федерации журналистов в Сеуле в 2001 г.), а также «Принципы ЮНИСЕФ в отношении журналистских репортажей о детях». Именно к этому документу отсылает упомянутый нами ранее Медиаэтический стандарт. Он разделен на два блока и содержит общие принципы и правила подготовки медиаматериала с участием ребенка. Его положения могут стать основой для автономного этического кодекса, однако после значительной доработки.

Свод этических принципов отвечает общепринятым представлениям о гуманистическом подходе к журналистской деятельности, провозглашает свободу выражения мнения детьми и призывает не скрывать от ребенка сути обсуждаемой в СМИ проблемы. Согласно положениям, права и интересы каждого конкретного ребенка должны соблюдаться в любых обстоятельствах. В ходе интервью журналистам рекомендуется

не причинять ребенку душевную боль, не заставлять его заново переживать перенесенные страдания, избегать унижительных высказываний по поводу его национальности, культуры, религии, любых оскорбительных комментариев для него или членов его семьи.

Также в документе отмечено, что готовый журналистский материал не должен «травмировать душу ребенка, негативно влиять на его психику, способствовать его дискриминации, неприятию со стороны общества» и т.д. [13]. В случае же возникновения сомнений относительно возможного риска для детей при обнародовании информации о них в материале следует говорить не о конкретном человеке, а о положении данной категории детей, сколь событийно значимой ни казалась бы журналисту личная история. Безусловно, во многих современных журналистских материалах обнаруживается полное игнорирование указанных рекомендаций. В качестве примера можно привести и обсуждение в СМИ дела Ю. Дмитриева, и освещение истории девочки, чьи родители погибли во время теракта на Крымском мосту, и т.д. «Отрабатывая» эти и многие другие аналогичные информационные поводы, журналисты нарушают этические установки даже в новостных текстах – приведем в пример материал КП с заголовком «Была принцессой для родителей, а осталась сиротой» [14], в котором повествуется о крымском теракте.

Стоит подчеркнуть, что упомянутый нами Медиаэтический стандарт также нуждается в доработке по причине утраченной актуальности.

Так, в одном из положений подчеркивается дефицит журналистских материалов о детях-участниках боевых действий, беженцах, несовершеннолетних, совершивших преступления, детях с ВИЧ и живущих в семьях ВИЧ-инфицированных: «К сожалению, в России журналисты крайне редко делают материалы о категориях детей, перечисленных выше (кроме детей, пострадавших от сексуального насилия). Дети, живущие с ВИЧ, или дети, растущие в семьях ВИЧ-положительных родителей, несовершеннолетние, совершившие преступления, в том числе насилие, дети, участвовавшие в военных конфликтах, дети-беженцы – их голоса практически не звучат, проблемы этих детей журналисты поднимают крайне редко. Так что этот перечень – скорее напоминание о том, на какие проблемы детства следует обратить внимание российским журналистам» [13].

Стоит заметить, что за несколько лет с момента принятия данного документа спектр детских проблем, к которым журналистика прак-

тически не обращается, существенно видоизменился. Многие темы перестали быть табуированными и часто фигурируют в новостной повестке общественно-политических медиа. Однако на их месте появляется другой блок детских тем и проблем. Одним из них уделяется меньшее внимание СМИ вопреки их актуальности (например, конфликтам детей мигрантов и россиян в образовательных учреждениях, качеству школьного питания, адаптации несовершеннолетних правонарушителей после окончания срока лишения свободы и условий их содержания в местах заключения и т. д.). И напротив, современная журналистика проявляет особую активность, призывая к прекращению насилия над детьми (в семьях, детских воспитательных учреждениях [15–18]); борется со школьным буллингом; поднимает проблемы дефицита внимания в семьях, гармоничного развития ребенка и повышенной утомляемости ввиду насыщенной программы обучения в школах, качества образования [19].

Современную повестку за всю историю развития темы детства в журналистике отличает доминирование психологических особенностей развития несовершеннолетнего человека: депрессии, выгорания и т. д. Эмоциональный фон ребенка и подростка выступает более уязвимой и подверженной влиянию негативных факторов категорией: журналистика солидарно активно защищает отказ от наказания детей, принудительной деятельности.

Еще одна тенденция детского журнализма – расширение тематических границ курса и разбавление детской повестки темами, относящимися к социальной, политической, финансовой журналистике. Таким образом обнаруживается тенденция «взросления детства» с точки зрения тем, которые стали открыты для представителей возрастной группы примерно от 5 до 11 лет. Уже для самой юной аудитории создаются программы по финансовой грамотности, половому воспитанию, IT-технологиям и их освоению. СМИ предлагают такое содержание, основываясь на статистике обращения детей к интернет-источникам и принимая во внимание, что без их участия они получают эту информацию, например, из социальных сетей.

Одна из самых отстаиваемых ценностей детства – свобода. Ее границы стали шире, нежели в предшествующие исторические периоды развития журналистики.

Данный вывод формируется на основе следующих тезисов:

– в современном медиапространстве появилась возможность беспрепятственного само-

выражения ребенка (этому способствует развитие ювильной журналистики и блогерства);

– в СМИ выросла доля материалов о нарушении этических границ учителей и воспитателей по отношению к детям;

– в конфликтах детей и взрослых журналисты зачастую занимают сторону ребенка и т. д.

Подводя итог, отметим, что современные исследователи называют гуманистический принцип основным в контексте медиаэтики.

На данном этапе развития информационной среды особенно остро встал вопрос необходимости избегания и противостояния журналистскими редакциями агрессивной риторики в целях защиты детства.

Российские СМИ нуждаются в новом своде этических рекомендаций, который бы отражал не только упомянутые в разрозненных документах положения, но и сосредоточил в себе другие, разработанные в соответствии с актуальной информационной повесткой, социальной обстановкой, при этом направленные на гуманизацию детского сознания. В свою очередь, эти рекомендации должны быть одобрены профессиональными журналистскими организациями (СЖР – Союз журналистов России, СЖМ – Союз журналистов Москвы и т. д.) и лидерами общественного мнения для более оперативного принятия их максимально возможным количеством журналистских коллективов.

Кроме того, нам видится, что возвращение детско-юношеских редакций как самостоятельных структур в крупных медиахолдингах, с одной стороны, и разработка обязательных соответствующих образовательных программ на факультетах журналистики, с другой, могли бы сформировать профессиональное сообщество, единый принцип работы редакций, способных развивать тему детства в отечественных СМИ и культивировать ее с учетом гуманистических идеалов.

Список литературы

1. Мартыненко Е. В. Гуманизм и принципиальность журналиста в современных условиях геополитической перестройки мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 100–105.
2. Дорожук Е. С. Гуманизм современной журналистики как предмет изучения: генезис и перспективы // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур : материалы междунар. науч.-практ. конф. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2016. С. 5–15.

3. Ламбет Э. Приверженность журналистскому долгу: Об этическом подходе в журналистской профессии : пер. с англ. М. : Национальный ин-т прессы : Виоланта, 1998. 318 с.
4. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М. : Изд-во АПК и ППРО, 2013. 480 с.
5. Букалерева Л. А., Лапшин В. Ф., Остроушко А. В. Риск-ориентированный подход в области правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // Вестник Сургутского государственного университета, 2021. № 1. С. 76–83. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-1-76-83>
6. Некоз Я. О., Игнатович С. С. Влияние социальных сетей на агрессивное поведение подростков // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 2. С. 77–100. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-2-77-100>
7. Астафьева А. В., Переверзина К. С. Эффективность современных средств информационной безопасности несовершеннолетних пользователей // Вопросы науки и образования. 2019. № 31 (81). С. 41–45. URL: <https://scientificpublication.ru/images/PDF/2019/81/Questions-of-science-and-education-31-81-.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).
8. Гость Евгений Ямбург. Познер. Выпуск от 17.05.2021. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-evgeniy-yamburg-pozner-vypusk-ot-17-05-2021> (дата обращения: 01.10.2023).
9. Телерадиовещатели подписали свод норм и правил. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/217708> (дата обращения: 10.10.2023).
10. Сафронова О. О проблеме распространения жестокости, агрессии и насилия в современных средствах массовой информации // Система ценностей современного общества. 2015. № 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-rasprostraneniya-zhestokosti-agressii-i-nasiliya-v-sovremennyh-sredstvah-massovoy-informatsii/viewer> (дата обращения: 29.09.2023).
11. Бастрыкин призвал убрать телешоу, десоциализующие молодежь. URL: <https://www.vesti.ru/article/2825173> (дата обращения: 01.07.2023).
12. Что и как смотрят дети в России – исследование. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2020/02/13/279527.phtml> (дата обращения: 02.10.2023).
13. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу. URL: http://www.mediacouncils.org/wp-content/uploads/2017/12/Standart_Kollegii.pdf (дата обращения: 05.10.2023).
14. «Была принцессой для родителей, а осталась сиротой»: Трагическая история девочки, чья мать с отцом погибли во время теракта на Крымском мосту. URL: <https://www.kp.ru/daily/27530/4795335/> (дата обращения: 18.07.2023).
15. «Педофилы растят своих жертв»: как дети становятся жертвами насильников. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/16/12758942.shtml> (дата обращения: 24.09.2023).
16. В России матери чаще бьют детей, но дело не в жестокости женщин – ученые. URL: <https://regnum.ru/news/2964971.html> (дата обращения: 05.10.2023).
17. В Туве расследуют дело о сексуальном насилии над десятилетним мальчиком. URL: <https://ria.ru/20230126/nasilie-1847561916.html> (дата обращения: 24.09.2023).
18. До 90% пострадавших от сексуализированного насилия – несовершеннолетние девочки. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2022/06/06/do-90-seksualizirovannogo-nasiliya-sovershaetsya-nad-nesovershennoletnimi-devochkami/> (дата обращения: 05.10.2023).
19. Понятие «образовательная услуга» отменяют на законодательном уровне. Как это поможет учителям. URL: <https://mel.fm/zhizn/povestka/4982503-ponyatiye-obrazovatelaya-usluga-otmenyat-na-zakonodatelnom-urovne-a-chto-s-nim-voobshche-bylo-ne-tak> (дата обращения: 12.09.2023).

Поступила в редакцию 29.10.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 29.10.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 05.02.2024

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

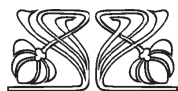
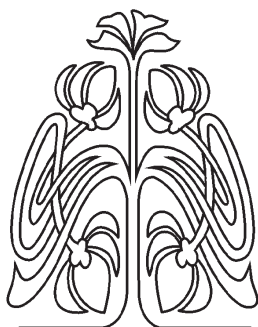
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 228–233

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 228–233

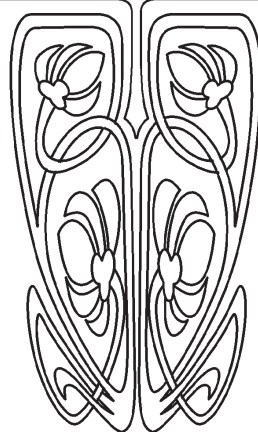
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-228-233>

EDN: ZKDFBI

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья

УДК 378.064.2-057.875(=581.11/=161.1):811.161.1'243

Особенности взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией

Чжан Юй

Северо-восточный нефтяной университет, Китай, пров. Хэйлунцзян, г. Дацин, ул. Сюэфу, зона высокотехнологического промышленного развития № 99

Чжан Юй, старший преподаватель, 148055021@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-8165-3288>

Аннотация. Статья посвящена особенностям взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией в процессе обучения в системе высшего образования Российской Федерации. Целью исследования выступил анализ особенностей китайской и русской студенческой аудитории с точки зрения использования этих особенностей в процессе профессиональной деятельности преподавателя, ведущего обучение русских и китайских студентов как по отдельности, так и в составе смешанных групп. В качестве основных особенностей китайских студентов автором выделены следующие: коллективизм, уважение к старшим, боязнь «потерять лицо», хорошая память, склонность к заучиванию материала наизусть, ориентация на то, что преподаватель всегда прав, соблюдение принципов субординации, отличное от российской практики, неоднозначное отношение к нетрадиционным формам аудиторных занятий, положительное отношение к использованию электронных средств обучения. Также приводится сравнительная характеристика особенностей китайской и русской студенческой аудитории в связи с особенностями менталитета представителей китайской и русской лингвокультуры. Делается вывод о том, что преподаватель вуза, принимающий во внимание особенности китайской аудитории, сможет выстроить учебный процесс таким образом, что будут учтены все особенности менталитета китайских студентов. Также автор приходит к выводу о том, что учет национальных особенностей русских и китайских студентов даст возможность эффективно преподавать в смешанных студенческих группах. В заключительных абзацах представлены возможные перспективы дальнейших исследований особенностей взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией на современном этапе развития системы высшего образования Российской Федерации.

Ключевые слова: преподаватель, студенты, высшее образование, аудиторные занятия, менталитет, особенности, взаимодействие, смешанные группы

Для цитирования: Чжан Юй. Особенности взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 228–233. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-228-233>, EDN: ZKDFBI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the teacher's interaction with Russian and Chinese student audiences

Zhang Yu

Northeast Petroleum University, High-tech Industrial Development Zone number 99 Xuefu St., Daqing City, Heilongjiang Province, China
Zhang Yu, 148055021@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-8165-3288>

Abstract. This article deals with the peculiarities of the teacher's interaction with the Russian and Chinese student audiences in the process of teaching in the higher education system of the Russian Federation. Russian and Chinese students' audience features were analyzed in terms of using these features in the professional activity of a teacher teaching Russian and Chinese students both individually and as part of mixed groups. The author highlights the following as the main features of Chinese students: collectivism, respect for elders, fear of "losing one's face", good memory, tendency to memorize the material, orientation to the fact that the teacher is always right, compliance with the principles of subordination, different from Russian practice, ambiguous attitude to non-traditional forms of classroom instruction, positive attitude to the use of electronic learning tools. Russian and Chinese students are also given a comparative description from the point of view of the peculiarities of the mentality of the representatives of Chinese and Russian linguoculture. It is concluded that a university teacher who takes into account the peculiarities of the Chinese audience will be able to structure the educational process in such a way that all the peculiarities of the mentality of Chinese students will be taken into account. The author also concludes that the due regard of the Russian and Chinese students' national characteristics will make it possible to teach effectively in mixed student groups. The final paragraphs present possible prospects for further research into the peculiarities of teacher interaction with Russian and Chinese student audiences at the current stage of the development of the higher education system of the Russian Federation.

Keywords: teacher, students, higher education, classroom lessons, mentality, features, interaction, mixed groups

For citation: Zhang Yu. Features of the teacher's interaction with Russian and Chinese student audiences. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 228–233 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-228-233>, EDN: ZKDFBI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Тот факт, что основной фигурой в системе образования является преподаватель, не подлежит сомнению. Преподаватель высшего учебного заведения – это профессионал, обладающий развитым чувством педагогической интуиции, коммуникативными способностями и высоким уровнем владения ораторским мастерством. Такой преподаватель в подавляющем большинстве случаев прекрасно знает и любит свою дисциплину, умеет увлечь студентов и поддержать интерес к своему предмету. Соответственно, можно говорить о том, что качество обучения студентов находится в прямой зависимости от уровня преподавательского мастерства студентов. Однако только преподавательского мастерства недостаточно в том случае, если речь идет о студенческой аудитории, представляющей собой выходцев из разных стран, в данном случае – из России и Китая. В силу того что менталитет российских и китайских студентов обладает значительными отличиями, преподавателю вуза необходимо принимать эти отличия во внимание для того, чтобы процесс преподавания был максимально эффективным. Соответственно, представляется целесообразным проанализировать особенности взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией.

Перед тем как переходить к анализу особенностей взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой ауди-

торией, необходимо несколько слов сказать о том, насколько данный вопрос изучен в рамках современной педагогической науки.

Имеется ряд исследований, посвященных наиболее характерным особенностям преподавания различных дисциплин в российской и китайской студенческой аудитории. К примеру, работа И. И. Барановой и К. М. Чуваевой [1] посвящена особенностям обучения и адаптации китайских студентов в поликультурной образовательной среде вузов Российской Федерации. В исследовании Ван Ли и И. И. Барановой [2] проведен детальный анализ наиболее значимых проблем формирования коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения у студентов Китайской Народной Республики в условиях неязыковой среды.

Доклад Н. Е. Боровской с соавт. [3] посвящен особенностям интернационализации российских вузов с точки зрения обучения в них китайских студентов. Авторы данного исследования обращают особое внимание на различия между китайскими и российскими студентами, которые необходимо принимать во внимание в процессе работы с ними.

Е. Ю. Сорокина в своей статье [4] раскрыла особенности межкультурной коммуникации субъектов российского образовательного пространства с участием студентов-иностранцев, отметила культурные барьеры и их типологию в межкультурной коммуникации.

Имеются также исследования китайских преподавателей и методистов, посвященные различным аспектам взаимодействия преподавателя со студентами из России и Китая. К примеру, в исследовании Ван Лися [5] подробно анализируются особенности китайских студентов в процессе обучения их русскому языку с учетом национальной языковой личности (начальный этап обучения).

Тань Юань в своей статье [6] подробно анализирует проблемы коммуникации между российским преподавателем и китайским студентом.

Ли Минь полагает, что «трудности коммуникативного характера, затрудняющие адаптацию, должны преодолеваются прежде всего средствами лингводидактики преподавания русского языка как иностранного» [7, с. 165].

Поскольку преподаватели российских вузов взаимодействуют с российскими студентами на ежедневной основе, будет логичным кратко охарактеризовать особенности такого взаимодействия, сосредоточившись на более детальном анализе обучения китайской аудитории.

Преподаватель вуза, обладающий высокой квалификацией, умеет сделать так, чтобы на его занятиях сохранялся доброжелательный фон, что, однако, не исключает требовательности такого преподавателя [8, с. 186].

Во взаимоотношениях с российской студенческой аудиторией российский же преподаватель может допустить больше свободы, поскольку он находится в рамках того же культурного кода, что и студенты, и обладает схожим менталитетом. Современные российские студенты, как показывают отдельные исследования, выделяют несколько разновидностей преподавателей вузов, а именно:

– преподаватели – «вечные студенты». Такие преподаватели являются наиболее предпочитаемым студентами типом, поскольку они лучше всего понимают студентов, видят в каждом из них личность, охотно вступают в дискуссии на различные темы, нередко никак не связанные с учебой. Такие преподаватели в большинстве случаев обладают высоким уровнем интеллекта и демонстрируют свой профессионализм;

– преподаватели – «бывшие моряки». Такие преподаватели стремятся к насаждению военной дисциплины в стенах учебного заведения, причем под словом «дисциплина» они зачастую понимают тотальное и безоговорочное им подчинение. Этот тип преподавателей в студентах больше всего ценит не интеллект студентов и их умение логически мыслить, а следование пра-

вилам. Также этот тип преподавателей нередко прибегает к административному воздействию на студентов;

– преподаватели, которые просто «отбывают часы» своей работы. Они не мешают студентам заниматься своими делами, но и никак не помогают им в овладении преподаваемой дисциплиной [9, с. 167].

Безусловно, наиболее предпочитаемым типом преподавателя является «вечный студент». Однако это справедливо именно для российской студенческой аудитории, поскольку, как уже было сказано выше, она находится в едином с преподавателем социокультурном пространстве. Если же речь идет о студентах из других стран, то этот тип преподавателя может быть как минимум не понят.

Так как студенты из Китая представляют собой достаточно значимую часть иностранных студентов, обучающихся в вузах Российской Федерации, целесообразно проанализировать особенности взаимодействия с ними со стороны преподавателей вузов.

В первую очередь, необходимо отметить тот факт, что в качестве основной причины сложностей и противоречий в социокультурном взаимодействии преподавателей с китайской студенческой аудиторией можно назвать значительные различия китайской и российской культур. Резкая смена условий жизни китайских студентов, приехавших на обучение в Россию, требует достаточно быстрого встраивания в новую систему взаимодействия как с российскими студентами, так и с профессорско-преподавательским составом, при этом формирование новых правил взаимодействия с иной культурной средой не может быть мгновенным, что вызывает определенные трудности у китайской студенческой аудитории [10, с. 14]. Преподавателю, обучающему китайских студентов, необходимо принимать это во внимание.

В исследовании Р. Х. Шариповой отмечено, что российские студенты подчеркивают свою неповторимость, китайские – свою обыкновенность; россияне более оптимистичны и жизнерадостны, китайцы больше склонны к рефлексии; российские юноши и девушки более открыты в высказывании своих чувств, китайские – более сдержанны [11, с. 88]. Можно предположить, что самохарактеристики российских и китайских студентов во многом объясняются различиями двух типов цивилизации: Запада и Востока.

Студенческая жизнь в России для абсолютного большинства китайских студентов становится достаточно сложным временем, поскольку им приходится не только обучаться на русском

языке, который очень сильно отличается от китайского, но также адаптироваться к правилам академической среды, характерным для России и крайне нехарактерным для Китая. К примеру, в современных китайских школах вопросы дисциплины имеют первостепенное значение: за систематические опоздания и серьезные проступки ученика могут исключить из школы, что абсолютно немыслимо в системе современного российского школьного образования. Все это оказывает колоссальное влияние на менталитет китайских студентов, который, как уже было сказано выше, необходимо принимать во внимание преподавателям вузов, работающим с китайскими студентами.

Формирование менталитета и образа мышления китайской нации имело место в рамках влияния морали конфуцианства, которая является основой современной культуры Китая. Учение Конфуция базируется на идее о всеобщей гармонии, которая возможна только в том случае, если все складывавшиеся на протяжении длительного времени правила будут беспрекословно выполняться всеми членами общества [12, с. 14]. Этот постулат лежит в основе мировоззрения современных представителей китайской нации.

Формирование наиболее характерных качеств китайцев происходило на протяжении очень длительного времени. Безусловно, представители этой нации, как и представители любого другого народа, очень разные, однако вполне можно вывести своеобразную обобщенную модель качеств характера, которые будут в той или иной мере присущи большинству китайцев, на чем представляется целесообразным остановиться более подробно, поскольку этот момент имеет основополагающее значение в процессе общения преподавателя с китайской студенческой аудиторией.

Одной из наиболее значимых черт китайского общества может быть назван коллективизм. К примеру, китайцы не любят говорить «я», поскольку это может быть расценено как проявление эгоизма, к которому у них крайне отрицательное отношение. Эта характеристика является достаточно яркой, и она зиждется на идее о том, что индивид представляет собой небольшую часть коллектива, которому индивид должен подчиняться, что находится в полном соответствии с нормами конфуцианской морали. Соответственно, можно говорить о том, что социальное положение и статус отдельно взятой личности контролируются коллективом, при этом ценность каждой отдельно взятой личности зависит от того, насколько она полезна для коллектива.

Некоторыми исследователями выделяются такие черты китайского менталитета, как уже упоминавшийся коллективизм, настойчивость в достижении даже самых незначительных целей, сплоченность, терпение и дисциплинированность, патриотизм, завышенная самооценка и щедрость [13, с. 49]. Весьма характерными для представителей китайской нации являются также такие качества, как приоритетная роль семьи, покорность по отношению к родителям и любым старшим, принятие нужд других людей более важными по сравнению с собственными, конформность, скромность в представлении своих достоинств.

Назовем наиболее значимые черты китайских студентов, которые необходимо принимать во внимание преподавателю вуза.

1. Важность «сохранения лица», причем как собственного, так и оппонента. Из этого постулата вытекает одно из важнейших правил поведения: преподавателю ни в коем случае не следует повышать голос на китайского студента. Если же необходимо сделать замечание, то это нужно делать исключительно с глазу на глаз. Этим китайские студенты отличаются от российских, поскольку учителя в школе вполне могут повысить на ученика голос, а российские студенты на видят в этом способе взаимодействия ничего особенного или оскорбительного.

2. Во время аудиторной работы преподавателю не следует говорить китайскому студенту «вы допустили ошибку». В данном случае необходимо принимать во внимание принцип «сохранения лица». Допустимой формулировкой является, например, «подумайте еще».

3. Академические группы в китайских университетах отличаются большей величиной, чем в России. Нередко в аудитории может одновременно находиться до полусотни студентов, что для российских университетов является, скорее, исключением. Вероятно, именно в силу этой причины в китайских высших учебных заведениях нередко используется «хоровой» принцип обучения, когда студенты повторяют за преподавателем слова и предложения (например, в процессе обучения языковым дисциплинам), что опять же нехарактерно для российских вузов.

4. Большая часть китайских учреждений высшего образования работает по принципу интернатов. Это означает, что все студенты проживают на территории вуза, покидая ее только на выходные дни. Начало первого самостоятельного занятия нередко очень раннее – в 7,00–7.30 утра, в то время как первое занятия с преподавателем может начинаться уже в 8 утра. Занятия длятся на протяжении целого дня, и нередко последнее

из них может заканчиваться в 21.00, что также крайне нехарактерно для российских вузов, в которых студенты учатся очно.

5. Несмотря на то что в Китае четко соблюдаются принципы субординации, причем как возрастной, так и социальной, отношения между преподавателями зачастую допускаются, а нередко и рекомендуются уставом вуза в виде дружеских. К примеру, студент вполне может слегка обнять преподавателя во время первой встречи после каникул. Между российскими студентами и преподавателями такие отношения – исключительная редкость. Кроме того, в Китае студенты и преподаватели вполне могут вместе посещать кафе, при этом совместное распитие спиртных напитков категорически запрещено, в то время как российские студенты и преподаватели вполне могут вместе выпить пива после занятий или во время летней практики (что подтверждается личным опытом автора данной статьи). Безусловно, такие отношения не афишируются, но они и не являются порицаемыми современным российским обществом. Традиционным обращением к китайскому преподавателю является «лаоши» («учитель»), в то время как российские студенты в абсолютном большинстве случаев обращаются к преподавателю по имени-отчеству.

6. В процессе обучения китайской аудитории, особенно если речь идет о студентах первого года обучения, еще слабо владеющих русским языком, преподавателю, вне зависимости от преподаваемой дисциплины, целесообразно освоить минимальный набор китайских слов, которые следует дублировать после просьбы по-русски, например: «прочитайте», «прослушайте», «достаточно» и др. Эти слова окажут неоценимую помощь в управлении вниманием аудитории. Соответственно, в процессе обучения студентов из России такая проблема не стоит, поскольку даже студенты из национальных субъектов Российской Федерации, как правило, в достаточной мере владеют русским языком.

7. В высших учебных заведениях Китая нетрадиционные формы проведения аудиторных занятий используются крайне редко, в то время как в российских вузах такие формы занятий если и не вытесняют традиционные, то как минимум используются наравне с ними. Соответственно, преподаватель, взаимодействующий с китайской студенческой аудиторией, может столкнуться с непониманием или несколько замедленной реакцией студентов во время проведения, например, круглых столов, дебатов, пресс-конференций, мозговых штурмов и т.д.

Однако необходимо отметить, что китайские студенты в большинстве своем более азартны, чем русские, в связи с чем, будучи единожды заинтересованными нетрадиционными формами аудиторных занятий, они достаточно легко втягиваются в них, прямым следствием чего является повышение мотивации к учебе.

8. В вузах Китая преподаватели все время лекции или семинара проводят на ногах, в российских же вузах это не является обязательным требованием.

9. Память китайских студентов, как правило, значительно более развита, чем у российской студенческой аудитории. Это связано с тем, что уже со школьных лет китайским учащимся приходится зазубривать значительное количество материала. Соответственно, китайским студентам можно давать более объемный материал, требующий выучивания наизусть. Для российских студентов зубрежка традиционно является наиболее нелюбимым видом деятельности.

10. Желательно, чтобы при проверке домашних заданий и иных работ китайских студентов преподаватель не пользовался красной ручкой, особенно для написания имени студента, поскольку в китайской культуре это считается плохой приметой: раньше красными чернилами писали имя человека, приговоренного к смерти.

11. В китайской культуре преподаватель всегда прав. Даже если он допустил публичную ошибку, студенты не будут его поправлять и спорить с ним. Для студентов – представителей русской лингвокультуры в исправлении ошибок преподавателя нет ничего особенного. Соответственно, введение метода дискуссии в китайской аудитории должно происходить очень плавно, с четкими объяснениями необходимости использования именно этого метода [14, с. 56].

Все вышеприведенные особенности китайских студентов позволят преподавателю максимально эффективно взаимодействовать с китайской студенческой аудиторией, особенно если речь идет о смешанных группах, состоящих из российских и китайских студентов.

В процессе работы преподавателя с китайской студенческой аудиторией целесообразно более широко использовать также и различные инновационные методы работы, в первую очередь электронные. Применение таких методов дает возможность компоновать различные типы упражнений в рамках одной веб-страницы: текстов, аудиотекстов, работы с анимацией и видеоматериалами. К примеру, одна из последних версий словаря-переводчика Abby Lingvo содержит 240 словарей, в которые входит как

общая, так и специализированная лексика по самым разным учебным профилям: медицине и биологии, экономике, техническим и гуманитарным наукам и т.д. [15, с. 38].

Как уже было сказано выше, положительно китайской студенческой аудиторией воспринимаются различные виды работы, основанные на коллективизме: интеллектуальные игры, совместное решение различных проблем и т.д. Эти виды деятельности позитивно воспринимаются и российской студенческой аудиторией, соответственно, они могут использоваться в смешанных группах.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать ряд выводов относительно особенностей взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией.

1. Менталитет российских и китайских студентов имеет значительные отличия, которые преподавателю необходимо принимать во внимание в процессе работы. Критически важным учет особенностей менталитета китайских и российских студентов становится в том случае, если речь идет о преподавании в смешанных группах.

2. Формы и виды работы, часть из которых была рассмотрена выше, могут с успехом применяться как в китайской, так и в российской студенческой аудитории, равно как и в смешанных группах при условии, что преподаватель четко понимает, какие из этих видов работы будут наиболее эффективными в той или иной группе.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно изложить все особенности взаимодействия преподавателя с российской и китайской студенческой аудиторией, однако данное направление исследований представляется достаточно перспективным и может быть продолжено на более глубоком уровне, например, с привлечением статистических данных.

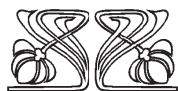
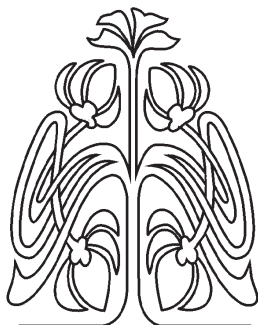
Список литературы

1. Баранова И. И., Чуваева К. М. Особенности обучения и адаптации китайских студентов в поликультурной образовательной среде вузов Российской Федерации // *Terra Linguistica*. 2011. № 1. С. 67–73.
2. Ван Ли, Баранова И. И. Проблемы формирования коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения у студентов Китайской Народной Республики в условиях неязыковой среды // *Terra Linguistica*. 2015. № 4 (232). С. 153–159. <https://doi.org/10.58627JHSS.232.18>
3. Интернационализация российских вузов: китайский вектор : доклад / Н. Е. Боревская [и др.]. М. : Спецкнига, 2013. 69 с. (Российский совет по международным делам (РСМД); 2013 г., № 13).
4. Сорокина Е. Ю. Особенности межкультурной коммуникации российских преподавателей и студентов со студентами-иностранцами // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 10 (78). С. 236–244.
5. Ван Лися. Обучение китайских студентов русскому языку с учетом национальной языковой личности (начальный этап обучения) // *Интерактивная наука*. 2017. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/357/Action357-464039.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).
6. Тянь Юань. Проблемы коммуникации между российским преподавателем и китайским студентом // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 287–290. <https://doi.org/10.26140/bgз3-2021-1001-0066>
7. Ли Минь. Адаптация китайских студентов к обучению в российском вузе: лингводидактические задачи // *Педагогическое образование в России*. 2011. № 1. С. 165–169.
8. Иванова Н. И. Взаимоотношение студента и преподавателя как один из факторов качества обучения в вузе // *Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург)*. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. С. 185–189.
9. Коваль О. И. Особенности взаимоотношений преподавателя и студента // *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*. 2015. № 43. С. 166–169.
10. Распертова С. Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 201 с.
11. Шарипова Р. Х. Самоидентификация российских и китайских студентов // *Социологические исследования*. 2014. № 3. С. 88–93.
12. Антонова Ю. А. О некоторых тонкостях преподавания РКИ китайским студентам // *Педагогическое образование в России*. 2016. № 12. С. 13–16.
13. Шантурова Г. А. К вопросу о роли этнопсихологических факторов в обучении РКИ китайских студентов-русистов // *Методика преподавания РКИ: традиции и современность : сб. материалов науч.-практ. конф. (к сорокалетию кафедры преподавания РКИ)*. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2015. 229–236 с.
14. Балыхина Т. М., Чжао Юйцзын. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. 2-е изд. М. : РУДН, 2010. 344 с.
15. Вакула Е. А., Колесникова В. В., Можяева Е. Ю. Особенности преподавания русского языка как иностранного китайским слушателям на начальном этапе обучения // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 4. С. 38. EDN: YMGYJV

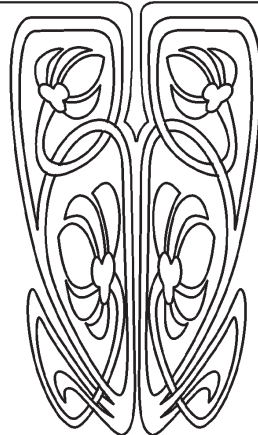
Поступила в редакцию 05.08.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 05.08.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 05.02.2024

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 234–237

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 234–237

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-234-237>

EDN: RXYTES

Информация о конференции

УДК [001.818:811.161.1'373](470.44-25)(048.83)

IX Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка»

О. И. Дмитриева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дмитриева Ольга Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской филологии и медиаобразования на базе МОУ «Гуманитарно-экономический лицей», oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Аннотация. Статья представляет собой обзор двухдневных заседаний IX Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», который проходил в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского 30–31 октября 2023 г. В работе семинара приняли участие дериватологи из Саратова, Москвы, Волгограда, Нижнего Новгорода, Казани, Донецка, Самары, а также из Казахстана. Семинар существует на базе СГУ с 2008 г., и руководят его работой О. Ю. Крючкова и О. И. Дмитриева. Основная проблематика семинара связана с изучением динамики словообразовательных и лексических процессов русского языка. Традиционно большая часть выступлений была посвящена проблемам словообразовательной деривации частей речи в синхронном, диахронном и когнитивном аспектах: динамике формирования различных словообразовательных моделей и словообразовательных категорий в диахронии, вопросам синтаксической деривации. Особую область исследовательских интересов участников прошедшего семинара составили неологические деривационные процессы и процессы современной аббревиации: были обозначены тенденции неологизации и основные типы словообразовательных неологизмов новейшего времени, динамика вхождения в язык новой лексики и особенности ее функционирования в медийных текстах, способы образования и механизмы восприятия аббревиатур. В ряде докладов были представлены результаты изучения семантической и функциональной специфики лексических подсистем на синхронных срезах языка. Динамические лексико-семантические процессы нашли свое отражение при описании современных метафорических моделей, семантики и функций глагольных слов отдельных способов действия, языковых вариантов. Семинар еще раз подтвердил статус научной площадки, объединяющей ученых, научные интересы которых связаны с вопросами развития словообразовательных и лексико-семантических процессов и подсистем русского языка. По материалам работы семинара готовится коллективная монография.

Ключевые слова: динамика языка, дериватология, семантико-словообразовательная подсистема, лексико-семантические процессы, синхронно-диахронный анализ, неологизация языка, аббревиация

Для цитирования: Дмитриева О. И. IX Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 234–237. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-234-237>, EDN: RXYTES

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Conference Proceedings

IX International Scientific Seminar “The Development of the Word-Formation and Lexical System of the Russian Language”

O. I. Dmitrieva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga I. Dmitrieva, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3849-7502>

Abstract. The article is an overview of the two-day sessions of the IX International Scientific Seminar “The Development of the Word-Formation and Lexical System of the Russian language”, which was held at Saratov State University on October 30–31, 2023. The seminar was attended by derivatologists from Saratov, Moscow, Volgograd, Nizhny Novgorod, Kazan, Donetsk, Samara, Tambov, as well as from Kazakhstan. The seminar has existed on the basis of the SSU since 2008, and it is superintended by O. Yu. Kryuchkova and O. I. Dmitrieva. The main topic of the seminar is related to studying the dynamics of word-formation and lexical processes of the Russian language. According to the established tradition, the greater part of the speeches addressed the problems of word-formation derivation of parts of speech in synchronic, diachronic and cognitive aspects: the dynamics of the formation of various word-formation models and word-formation categories in diachrony, issues of syntactic derivation. A specific area of the participants’ research interests included neologizing derivation processes and processes of modern abbreviation; the following processes were identified: the trends of neologizing and the main types of word-formation neologisms of modern times, the dynamics of the new vocabulary penetrating into the language and the peculiarities of its functioning in media texts, methods of formation and mechanisms of perceiving abbreviations. A number of reports presented the results of studying the semantic and functional features of lexical subsystems on the synchronic levels of the language. Dynamic lexical and semantic processes are reflected in the description of modern metaphorical models, semantics and functions of verb words of individual modes of action, and language variants. The seminar once again confirmed the status of a scientific platform uniting scientists whose scientific interests are related to the development of word-formation and lexico-semantic processes and subsystems of the Russian language. A collective monograph is being prepared based on the materials of the seminar.

Keywords: language dynamics, derivatology, semantic and word-formation subsystem, lexico-semantic processes, synchronic-diachronic analysis, neologizing of the language, abbreviatio

For citation: Dmitrieva O. I. IX International Scientific Seminar “The Development of the Word-Formation and Lexical System of the Russian Language”. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 234–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-234-237>, EDN: RXYTES

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

30–31 октября 2023 г. в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского прошел очередной, уже девятый по счету, Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка». Основная область научных интересов участников семинара – проблемы словообразовательной динамики и развития лексико-семантической системы русского языка. Семинар работает на базе СГУ с 2008 г. и объединяет дериватологов Саратова, Нижнего Новгорода, Волгограда, Казани, Москвы, Самары, Донецка. В разные годы в работе семинара принимали участие интересующиеся его проблематикой исследователи из Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга и Красноярска. В 2010 г. научный семинар стал международным, так как в его работу включились ученые из Беларуси и Казахстана. Руководят семинаром профессора СГУ О. И. Дмитриева и О. Ю. Крючкова.

Материалы семинара регулярно издаются как отдельный сборник научных статей «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка». Основные результаты исследований участников предшествующего семинара, который проходил в Саратовском университете в октябре 2021 г., нашли отраже-

ние не только в сборнике научных статей [1], но и в коллективной монографии «Динамические аспекты русского словообразования» [2].

Открывая работу семинара 30 октября 2023 г., директор Института филологии и журналистики СГУ Л. С. Борисова отметила широкую географию включенных в программу докладов, высокий научный статус их авторов, а также подчеркнула, что в этом году в числе его участников большая группа дериватологов из Донецкого государственного университета, как с дистанционным, так и очным участием.

В первый день программу семинара открыло выступление профессора СГУ О. Ю. Крючковой с докладом «Деривационные стратегии осознания слова в ассоциативно-вербальных реакциях носителей русского языка: вариативность и динамика», подготовленном в соавторстве с Н. В. Крючковой (Астана, Казахстан). Использование данных ассоциативных словарей позволило авторам показать интересные динамические тенденции языкового варьирования.

В докладе Е. В. Петрухиной, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, были продемонстрированы результаты исследования фазисно-ограничительных способов глагольного действия в русском языке в соотношении с другими сла-

вянскими языками (на материале параллельных подкорпусов русского и чешского языков), обозначена специфика их употребления в текстах не только разной языковой, но и разной жанровой принадлежности.

Часть выступлений первого дня встречи прошла в режиме онлайн-включений. Проблемам исследования деривационных процессов в системе неологической лексики были посвящены доклады Л. В. Рацибурской (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) и А. А. Безруковой (Самарский национальный исследовательский государственный университет им. академика С. П. Королева). В докладах были обозначены типологические особенности новообразований, специфика их функционирования в современных медийных текстах. Обсуждение проблемы неологизации языка продолжили на следующий день саратовские дериватологи, обратившиеся к изучению исторической динамики неологизации подсистемы русских суффиксальных глаголов (Д. Г. Орлова) и динамики вхождения в узуальное употребление нового слова (С. А. Семеновская).

Динамические лексико-семантические процессы постоянно находятся в центре внимания участников семинара. Специфику семантических процессов в разных типах текстов обозначили в своих выступлениях ученые Волгоградского государственного университета М. В. Косова и Е. М. Шептухина (семантические процессы в предметной области «документ»), О. А. Горбань (специализация значения славянского глагола в религиозном контексте), И. А. Сафонова (выражение перцептивной семантики глагольно-именными сочетаниями), Е. Г. Дмитриева (отражение представлений о положительных эмоциях в диахронии). Своими наблюдениями над динамическими процессами в смысловой структуре семантического поля поделились в своих докладах профессор СГУ Н. М. Орлова (лексическое поле библейских концептов) и молодой исследователь из Донецкого университета Д. И. Борозенец (на примере семантического поля когнитии). Отдельные аспекты исследования семантической и функциональной специфики лексических подсистем на синхронных срезах языка были отражены в докладе доцента СГУ З. С. Санджи-Гаряевой о советском лексиконе в эстетической системе русских писателей.

Традиционно значительная часть выступлений была посвящена проблемам словообразовательной деривации частей речи в синхронном,

диахронном и когнитивном аспектах. Анализ сложного слова в диахронии богословского текста был в фокусе внимания М. О. Новак (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) и Н. Г. Николаевой (Казанский государственный медицинский университет).

Группа участников семинара из Донецкого государственного университета, которая под руководством В. И. Теркулова ведет комплексное исследование процессов аббревиации, представила серию докладов, отражающих разные направления этой работы. Профессор В. И. Теркулов показал специфику синхронного и диахронного восприятия аббревиации в традициях сложившейся научной школы, а его ученики В. А. Рязанова, Д. И. Борозенец, Е. Н. Михайлова, И. Р. Смирнова обозначили специфику структурно-грамматического и когнитивного описания современной аббревиации. На второй день работы семинара очные его участники из Донецка А. И. Бровец и К. Ю. Емельянова показали специфику использования дешифровальных тактик аббревиатурной группы и обосновали свое понимание квази-аббревиации как способа словообразования.

Разговор о динамике формирования различных словообразовательных моделей и словообразовательных категорий в диахронии на заседании второго дня продолжили в своих выступлениях саратовские дериватологи. В докладе О. И. Дмитриевой в рамках синхронно-диахронного исследования были обозначены тенденции формирования конфиксальных моделей в подсистеме русских приставочных глаголов, особенности их взаимодействия с префиксальными структурами. Доклад профессора Ю. Г. Кадькалова, одного из основателей семинара, был посвящен проблеме диахронического исследования слов единой словообразовательной категории – именам существительным с суффиксом *-иц(а)* со значением качества, свойства, состояния.

Актуальным направлением работы семинара остается когнитивный анализ семантико-словообразовательных подсистем языка. Большой интерес слушателей вызвал доклад профессора СГУ Л. В. Балашовой «Метафорические модели: лексико-словообразовательные потенции и их реализация в языке в диахроническом аспекте (на материале имущественно-финансового семантического макрополя)», демонстрирующий результаты комплексного многоаспектного анализа одной из когнитивно значимых семантико-словообразовательных подсистем языка.

Новый и живой материал, базирующийся на ономастических единицах, которые функционируют в местном языковом ландшафте, использовала Н. И. Данилина (Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского) в сообщении «Современные ономастические и словообразовательные тренды в создании рекламных имен». Докладчиком были выделены основные блоки языковых средств, с помощью которых реализуется рекламный потенциал, обозначены их функции.

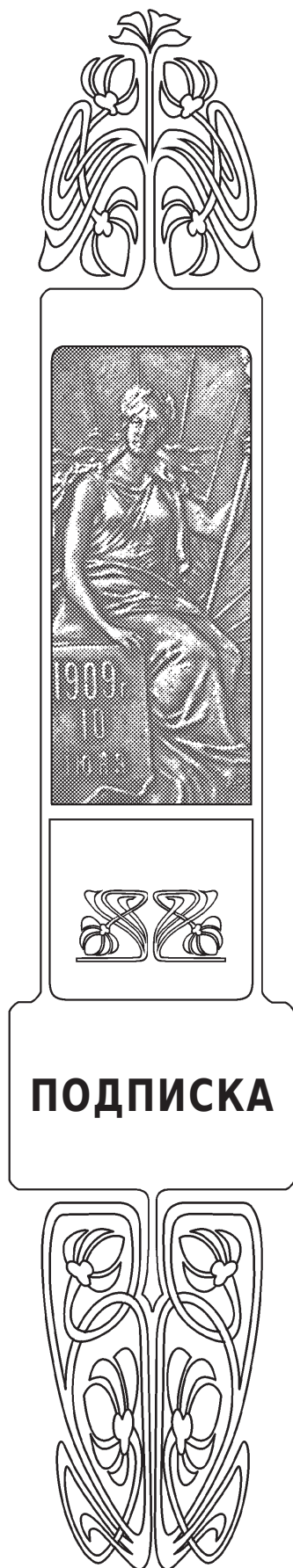
Участники семинара отметили продуктивность его работы и выразили надежду на продолжение научного сотрудничества. Семинар еще раз подтвердил статус научной площадки, объединяющей исследователей, научные интересы которых связаны с вопросами развития словообразовательных и лексико-семантических

процессов и подсистем русского языка. По материалам работы IX Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» готовится коллективная монография «Лексико-семантические и словообразовательные подсистемы русского языка: синхронический, диахронический, когнитивный, сопоставительный аспекты».

Список литературы

1. Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : материалы VIII Междунар. науч. семинара (Саратов, 28–29 октября 2021 г.) / отв. ред. О. И. Дмитриева, С. А. Семеновская. Саратов : Амирит, 2022. 112 с.
2. Динамические аспекты русского словообразования / под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крюковой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. 228 с. EDN: YGEPWW

Поступила в редакцию 11.01.2024; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 11.01.2024; accepted for publication 05.02.2024

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36011
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

Институт филологии и журналистики

Тел./факс: +7 (845-2) 21-06-48

E-mail: iiyu@mail.ru

Website: <http://bonjour.sgu.ru>

ISSN 1817-7115

24002

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2024. Том 24, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

